

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ БОЛЬШИХ ВЫЗОВОВ

Сборник научных трудов

Под научной редакцией доктора экономических наук,
профессора, академика РАН Окремилова В.В.,
доктора экономических наук, профессора Шматко А.Д.

Выпуск 56

ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА

2025

УДК 338.24 (1-2/-3) 0.21.8
ББК 65.9
С69

DOI: 10.52897/978-5-7937-2883-6-2025

С69 Социальные аспекты развития регионов в условиях больших вызовов : сборник научных трудов. Вып. 56 / под научной ред. д-ра экон. наук, проф., академика РАН В.В. Окремилова; д-ра экон. наук, проф., чл.-корр. РАО А.Д. Шматко : ИПРЭ РАН. – СПб. : Издательско-полиграфический центр СПбГУПТД, 2025. – 188 с.

ISBN 978-5-7937-2883-6

Утверждено к печати решением Ученого Совета
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института проблем региональной экономики Российской академии наук

Протокол № 14 от 20 ноября 2025 г.

Рецензенты:

д-р экон. наук, проф. *С.Д. Волков*
д-р экон. наук, проф. *А.В. Лабудин*

ББК 65.9

Редакционная коллегия:

д-р экон. наук, проф., академик РАН, научный руководитель ИПРЭ РАН *В.В. Окремилов*;
д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАО, директор ИПРЭ РАН *А.Д. Шматко*;
канд. экон. наук, доц., зав. лабораторией ИПРЭ РАН *А.К. Нещерет* (отв. редактор);
канд. экон. наук, ст. науч. сотр. *М.Б. Скворцова*

ISBN 978-5-7937-2883-6

© ИПРЭ РАН, 2025
© Коллектив авторов, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателей предлагается 56-й выпуск сборника научных трудов «Социальные аспекты развития регионов в условиях больших вызовов». Название данного выпуска сборника возникло не случайно. Четвёртый год Институт проблем региональной экономики РАН успешно проводит международную научно-практическую конференцию с одноименным названием. В связи с этим было принято решение посвятить 56-й научный сборник, знакомый многим читателям под названием «Проблемы преобразования и регулирования региональных социально-экономических систем», вопросам, которые были рассмотрены на двухдневной международной конференции.

Содержание сборника отражает проводимые институтом научные исследования в соответствии с Программой фундаментальных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.), направление науки: 5.0. Экономика, утвержденной Правительством РФ 31 декабря 2020 г., распоряжение № 3684-р, а также с тематикой НИР на 2024–2026 гг., утвержденных Ученым Советом института.

В практико-ориентированном аспекте материалы сборника могут рассматриваться как аprobация отдельных результатов исследований института по темам «Новые условия и факторы социально-экологического развития регионов России в условиях цифровой трансформации экономики и общества», «Разработка теоретико-методологических положений научно-технологического развития экономики на основе инновационной динамики и формирования механизмов ее реализации в регионах» и «Разработка механизмов обеспечения устойчивого развития городов, городских агломераций и природной среды с использованием методов математического моделирования».

Авторы исследуют развитие регионов в условиях больших вызовов, с которыми столкнулась Российская Федерация в последние годы. Объектом исследования стали социальные отрасли экономики, играющие ключевую роль в формировании человеческого капитала, обеспечении устойчивого стратегического развития регионов России.

Цифровые трансформации, происходящие в последние годы во всех отраслях экономики, также заслуживают изучения. Авторы исследовали ключевые тренды внедрения ИИ в сферу образования, особенности и факторы цифровой трансформации, оказывающие влияние на социально-экономическое развитие регионов, формирование креативной экономики как одного из наиболее перспективных секторов в эпоху шестого технологического уклада.

Следует отметить, что ряд статей подготовлен аспирантами, которые совместно со своими научными руководителями исследовали различные региональные социально-экономические проблемы. В сферу их интересов вошли вопросы розничной торговли в российских регионах, развития региональных промышленных рынков России в условиях трансформаций, влияния инновационных технологий на развитие логистической инфраструктуры, управления и регулирования трудовой миграции, а также концептуальные основы формирования региональной политики в области инновационного развития.

Выводы и рекомендации, предложенные авторами статей на страницах данного сборника, будут содействовать определению ключевых направлений и механизмов эффективного функционирования и развития в условиях научно-технологической модернизации и перехода к цифровой экономике, а также определению наиболее эффективных методов и форм управления.

Сборник может быть рекомендован специалистам в сфере регионального и муниципального управления, студентам и аспирантам соответствующих специальностей.

Доктор экономических наук,
профессор, академик РАН

B.B. Okrepilov

Доктор экономических наук,
профессор, член-корреспондент РАО

A.D. Шматко

ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

В современной глобальной экономике логистика преодолела роль вспомогательной функции, превратившись в один из ключевых факторов конкурентоспособности государств. Сегодня эффективность национального хозяйства определяется не только запасами сырья или уровнем промышленности, но и способностью обеспечивать быструю, прозрачную, надежную и экологичную доставку товаров. Успешные примеры Китая, Южной Кореи и Германии наглядно демонстрируют, как развитая логистика обеспечивает странам прочные позиции в международной торговле [2].

Россия, обладая огромной территорией, выходом к разным морям и развитой сетью сухопутных и водных путей, исторически имеет значительный логистический потенциал. Однако современные вызовы показали, что преимущество создает не сам размер инфраструктуры, а ее способность быстро адаптироваться, внедрять передовые технологии и гарантировать конкурентоспособность экспортных потоков [1].

В этих условиях стратегическое значение приобретает Северо-Западный федеральный округ (СЗФО). Его уникальное географическое положение, обеспечивающее выход к Балтийскому морю и Северному Ледовитому океану, создает прямой коридор для связи России с мировыми рынками. Именно здесь сосредоточены крупнейшие портовые мощности страны, обрабатывающие значительную часть национального экспорта.

Последние три года стали временем глубоких изменений. Вынужденная международной обстановкой переориентация торговых потоков на Азию, Ближний Восток и Африку послужила мощным импульсом для инновационных преобразований в логистике СЗФО. Ответом на вызовы стали ускоренная цифровизация (внедрение систем отслеживания грузов и электронного документооборота), роботизация портовых терминалов и активное внедрение «зеленых» технологий.

Цель работы состоит в комплексном анализе современных тенденций в развитии логистической инфраструктуры Северо-Западного федерального округа. Выявляются ключевые факторы её преобразований и определяются перспективы усиления экспортного потенциала России.

В статье используются следующие методы исследования: системный подход, сравнительный анализ статистических данных; элементы институционального анализа; методы экономической географии для оценки пространственных изменений инфраструктуры.

Теория эндогенного роста демонстрирует, что инвестиции в технологии и знания повышают долгосрочную производительность [4]. Применительно к логистике это означает, что внедрение цифровых платформ и автоматизация терминалов создают мультиплексивный эффект для смежных отраслей.

Институциональная теория акцентирует важность нормативных рамок, при которых даже передовые технологии неэффективны без прозрачного регулирования и коопе-

рации участников рынка. Для СЗФО критически значима согласованность действий федеральных органов, портовых администраций и бизнеса.

Теория транспортных коридоров рассматривает пространственные взаимосвязи. Экспортный потенциал зависит не только от объемов производства, но и от скорости доставки товаров к морским терминалам [7].

В качестве статистической базы используются: статические данные по грузообороту; документы регионального стратегического планирования; материалы международных организаций (UNCTAD, OECD); научные публикации по тематике исследования.

Экспортный потенциал Северо-Западного округа характеризуется следующими параметрами. На СЗФО приходится свыше трети общероссийского морского грузооборота. Согласно данным Минтранса, в 2024 году объем перевалки грузов в округе превысил 270 млн тонн. Основу этой мощности формируют ключевые порты [5]:

- Усть-Луга — крупнейший универсальный терминал Балтики;
- Санкт-Петербург — исторический центр контейнерных перевозок;
- Мурманск — стратегический хаб Северного морского пути;
- Специализированные терминалы (Приморск, Высоцк и др.).

Эти объекты составляют каркас экспортной инфраструктуры России. В 2023–2025 гг. произошла значимая переориентация грузопотоков. Сокращение поставок в ЕС компенсировалось наращиванием экспорта в Турцию, страны Азии и Африки. Бесперебойная работа логистической системы СЗФО приобрела критическое значение для национальной безопасности, обеспечивая вывоз стратегических товаров (нефть, газ, уголь, удобрения, металлы) на новые рынки сбыта.

Таблица 1 – Динамика грузооборота морских портов Северо-Западного федерального округа (прогноз, рассчитан на основе динамики за январь–август 2025 г.)

Порт	2023 г., млн т.	2024 г., млн т.	2025 г. (прогноз), млн т.	Темп роста 2025 (прогноз)/2023, %
Усть-Луга	119	124,3	125,5	105,5
Санкт-Петербург	48,5	52,4	54	111,3
Мурманск	52,1	47,5	43,5	83,5
Приморск	41,5	40	39,5	95,2
Высоцк	11,3	10,5	10,7	94,7
Итого	272,4	274,7	273,2	100,3

Источник: расчеты автора по данным Росстата, Минтранса РФ [12-14].

Инновационные процессы. Технологическая трансформация логистики СЗФО затронула несколько ключевых направлений (табл. 2). Центральным нововведением стали комплексные цифровые системы. Решения типа «умный порт» обеспечивают непрерыв-

ный мониторинг грузов в реальном времени, оптимизируют очереди и рационально распределяют ресурсы терминалов [6].

Традиционно сложные таможенные процедуры претерпели изменения. Повсеместное внедрение электронного документооборота с 2023 года автоматизировало взаимодействие с контролирующими органами. Онлайн-подача деклараций сократила время оформления грузов на 30–40%.

Таблица 2 – Основные направления инноваций в логистике СЗФО

Направление	Содержание инноваций	Ожидаемый эффект
Цифровизация	Внедрение систем «умный порт», цифровой коридор, онлайн-декларирование	Сокращение сроков оформления грузов на 30–40%, повышение прозрачности
Роботизация	Автоматизированные терминалы в Усть-Луге, роботы для сортировки и погрузки	Снижение издержек, рост производительности, повышение безопасности
Экологические технологии	Суда на СПГ, очистка сточных вод в Мурманске, энергоэффективные склады	Соответствие международным стандартам, снижение экологического ущерба
Интеллектуальные транспортные системы	Цифровое управление ЖД потоками, датчики на автодорогах, «умные» пункты контроля	Увеличение пропускной способности, снижение аварийности
Складская автоматизация	Роботизированные хабы класса «А» в Ленинградской области	Ускорение обработки заказов, снижение затрат
Мультиmodalная интеграция	Совмещение морских, ЖД и авто-маршрутов в единые логистические центры	Устойчивость цепочек поставок, сокращение времени доставки

*Составлено на основе данных отраслевых конференций, научных публикаций и практических кейсов цифровой трансформации портовой отрасли России [14].

Программа роботизации терминалов в Усть-Луге перевела часть операций на автоматические комплексы. Роботизированная погрузка контейнеров и управление складами с использованием беспилотных автопогрузчиков повысили безопасность и снизили эксплуатационные расходы.

Освоение арктических маршрутов потребовало экологизации процессов. В Мурманске применение судов с газовыми двигателями и систем очистки сточных вод позволило российским перевозчикам соответствовать международным экологическим стандартам [8].

Обновление затронуло не только портовую инфраструктуру. На железнодорожных магистралях внедрение интеллектуальных систем сигнализации и прогнозирования потоков увеличило пропускную способность без расширения путей, особенно на стратегическом направлении Москва–Санкт-Петербург–Усть-Луга.

Автодороги оснащаются «умными» пунктами весогабаритного контроля и датчиками трафика, что снижает риски перегрузки и улучшает транспортную доступность.

Экспортный рост стимулировал создание современных логистических хабов. В Ленинградской области строятся автоматизированные комплексы класса «А», где роботизированные системы хранения и сортировки ускоряют обработку заказов при сокращении издержек.

Ключевое внимание уделяется мультимодальной интеграции: современные терминалы одновременно обслуживают железнодорожные составы, автомобильный транспорт и морские суда, сокращая временные затраты и укрепляя устойчивость цепочек поставок.

Логистическая трансформация генерирует новые рабочие места в высокотехнологичных секторах. Если ранее занятость фокусировалась на физическом труде в портах, то теперь растет спрос на специалистов в области программирования, автоматизации и анализа данных.

Формирование инновационного кластера стимулирует образовательные учреждения: университеты Санкт-Петербурга расширяют подготовку кадров по цифровым системам управления и транспортной логистике.

Повышение эффективности логистических операций снижает себестоимость российской продукции, укрепляя ее конкурентоспособность на мировых рынках. Это обеспечивает мультиплектический эффект для всей национальной экономики.

Региональные особенности. Логистическое развитие СЗФО отличается выраженной территориальной специализацией. Санкт-Петербург сосредоточен на контейнерных перевозках и разработке ИТ-решений для портово-складского комплекса. Ленинградская область реализует проекты роботизации в ключевых портах Усть-Луга и Приморск. Мурманская область выступает стратегическим центром арктических перевозок по Северному морскому пути с фокусом на ресурсных грузах. Республика Карелия и Архангельская область развиваются транспортную интеграцию внутренних регионов через речные и железнодорожные коридоры. Такая диверсификация усиливает устойчивость логистической системы округа [8].

Вызовы и перспективы развития. Модернизация логистики СЗФО, несмотря на успехи, сталкивается с комплексом ограничений. Малый и средний бизнес испытывает недостаток инвестиций для внедрения автоматизации. Сохраняется технологическая зависимость от импорта оборудования для роботизированных терминалов. Отрасль остро нуждается в специалистах по цифровым решениям при сохраняющемся кадровом дефиците. Дополнительным барьером выступает несогласованность действий регулирующих ведомств [1].

Прогноз развития до 2030 года основан на текущих достижениях. Основные векторы включают создание интегрированной цифровой платформы для управления мультимодальными перевозками, внедрение экологичных технологий (альтернативное топливо, системы снижения выбросов), укрепление позиций Мурманска как международ-

ного центра арктической логистики, а также вовлечение малых предприятий в предоставление специализированных логистических услуг [6], [10].

Инновационная трансформация логистической системы СЗФО в 2023-2025 гг. стала ключевым фактором роста экспортного потенциала России. Цифровизация процессов, автоматизация портовых терминалов, экологическая модернизация и развитие мультимодальных хабов обеспечили качественное усиление конкурентных позиций страны. Способность региона формировать новые стандарты логистики в сложных условиях создает устойчивую основу для долгосрочного экономического развития через экспортные механизмы.

Литература

1. Вагин С. Г. Адаптация российской промышленности к социально-экономическим изменениям в регионах: вызовы и перспективы // Управление. – 2025. – Т. 13. – №. 1. – С. 24-37.
2. Ильинская Е. М., Титова М. Н. Конкурентоспособность и составляющие экспортного потенциала Санкт-Петербурга // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2021. – №. 1. – С. 23-36.
3. Кравцова С. А., Матузова М. С. Сравнительный анализ деятельности региональных таможенных управлений в РФ // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2022. – №. 2. – С. 54-59.
4. Лёвина А. И. и др. Цифровая и логистическая инфраструктуры Арктической зоны: современное состояние исследований и пути развития // Арктика и Север. – 2024. – №. 56. – С. 128-145.
5. Махонин Д. Н. Пермский край закон о стратегии социально-экономического развития Пермского края до 2035 года // Закон. – 2024. – №. 329-ПК.
6. Мураев И. Г., Сушко О. П. Диверсификация экспорта лесного комплекса Архангельской области // Арктика и Север. – 2025. – №. 58. – С. 47-51.
7. Никонов А. Г. Территориальная структура экспорта продукции аграрного сектора в условиях Северо-Запада // Вестник аграрной науки. – 2022. – №. 6 (99). – С. 119-125.
8. Попов Н. Л. Обеспечение устойчивости развития региона за счет повышения эффективности использования лесных ресурсов на примере Архангельской области: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством-региональная экономика» : дис. – диссертация на соискание ученой степени к. экон. н. / Попов Николай Леонидович, 2022.
9. Селезнев П. М. Разработка стратегии выхода российской компании пищевой промышленности на международный рынок: магистерская диссертация : дис. – б. и., 2021.
10. Сергеева Н. В. Внешнеэкономическая деятельность российских регионов: современные проблемы и перспективы постпандемийного развития // Экономика. Налоги. Право. – 2021. – Т. 14. – №. 6. – С. 108-115.
11. Суслов С. А., Филиппова О. Н. Современное состояние производства зерна в Российской Федерации и перспективные направления развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2025. – Т. 14. – №. 6. – С. 10-26.

12. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 09.09.2025).

13. Министерство транспорта Российской Федерации (Минтранс РФ). Публикации, пресс-релизы, отчёты [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mintrans.gov.ru/> (дата обращения: 09.09.2025).

14. Морпорт.ком — Динамика грузооборота морских портов России за январь–июнь 2025 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.morport.com/rus/news/gruzooborot-morskikh-portov-rossii-za-yanvar-iyun-2025-goda> (дата обращения: 09.09.2025).

15. ICCT 2025 Gomel. Внедрение и развитие цифровых технологий в морских портах России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.icct2025gomel.org/Proc_RINTS/344-345.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

УДК 338.1

DOI: 10.52897/978-5-7937-2883-6-2025-10-22

Буличников П. А.

ДИНАМИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СТРАТЕГИРОВАНИЕМ КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ТЕКТОНИЧЕСКОГО ЦИФРОВОГО СДВИГА¹

В настоящее время цифровая трансформация, основные законы в области которой были последовательно приняты в период 2003-2024 годов и их действие постепенно разворачивалось, проникая в систему общественных отношений [1-17], оказывает фундаментальное влияние на развитие всех сфер экономики и общества Российской Федерации: по сути, на наших глазах происходит тектонический сдвиг в механизме управления экономикой и обществом, затрагивающий всех без исключения субъектов этих сфер. Креативная региональная экономика, являясь в наше время перспективным приоритетным фактором регионального развития и конкурентоспособности [18-24], а также инструментом укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей, обеспечивая 4,1% вклад в ВВП по РФ [25] во многом зависит от таких факторов как физико-географическое положение региона, исторические предпосылки и достигнутый уровень его социально-экономического развития, особенно с точки зрения цифровой зрелости и качества регионального управления.

С переходом к шестому технологическому укладу начинает проявляться фундаментальное, многогранное и неравномерное изменение всех аспектов социально-экономической жизни общества. В числе комплексных факторов цифровой трансформации, влияющих на социально-экономическое развитие регионов РФ целесообразно выделить,

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ИПРЭ РАН по теме: «Новые условия и факторы социально-экологического развития регионов России в условиях цифровой трансформации экономики и общества» (№ Г.Р. 124012000100-7), (код – «FMGS-2024-0002»).

во-первых, инфраструктурные факторы, к которым относится доступ к высокоскоростному и стабильному интернету, поскольку без качественной связи невозможны ни удаленная работа, ни цифровые госуслуги, ни развитие телемедицины и онлайн-образование. Следующим этапом после внедрения базового интернета в регионах является развитие широкополосных телекоммуникационных сетей (5G, IoT-сети), которые позволяют внедрять «умные» (автоматизированные, работающие на статичных или гибких алгоритмах) решения во всех отраслях народного хозяйства, в т.ч. в секторе креативной экономики, повышают эффективность управления городской и региональной средой. Наличие мощных и энергоэффективных центров обработки данных (ЦОД), привлекающих ИТ-компаний, что создает высокотехнологичные рабочие места, позволяет региону стать цифровым хабом, а не только потребителем услуг из других регионов.

Во-вторых, институциональные и нормативно-правовые факторы, определяющие качество и доступность цифровых государственных услуг (цифровое правительство), ведущие к снижению административных барьеров и транзакционных издержек для государства, бизнеса и граждан, повышению прозрачности и скорости взаимодействия с властью, возможности решать вопросы из любой точки региона, что особенно важно для периферийных регионов и сельской местности. Сюда также относятся региональные программы поддержки цифровизации (субсидии, гранты), которые стимулируют малый и средний бизнес к внедрению цифровых решений, помогают местным предприятиям повышать конкурентоспособность. Отметим также важность формирования нормативной среды для новых технологий (регуляторные песочницы), которая позволяет регионам тестировать инновации (беспилотный транспорт, телемедицину) на своей территории, привлекая инвестиции и таланты.

В-третьих, человеческий капитал и образовательные факторы, куда входят: уровень цифровой грамотности населения, определяющий, насколько широко будут использоваться цифровые сервисы; наличие сильных региональных вузов и колледжей, готовящих ИТ-специалистов, удерживающих талантливую молодежь в регионе, создающих кадровый фундамент для привлечения ИТ-компаний; программы переподготовки и повышения квалификации для работников традиционных отраслей, помогающих смягчить последствия автоматизации, предотвратить рост безработицы и подготовить кадры для цифровой экономики на местах.

В-четвертых, экономические и отраслевые факторы, такие как цифровизация традиционных отраслей, связанные с повышением производительности в ключевых для многих регионов отраслях, в т.ч. сельском хозяйстве, добывающей и обрабатывающей промышленности; создание новых высокомаржинальных продуктов и сервисов; развитие цифрового предпринимательства и стартап-среды, ведущих к диверсификации региональной экономики, снижению зависимости от сырьевого сектора. Создание динамичных компаний с высокой добавленной стоимостью, доступ к цифровым финансовым инструментам (краудфандинг, финтех), упрощающих возможности финансирования для малого бизнеса и проектов, облегчая запуск и масштабирование инициатив непосредственно в регионах.

Значительное влияние цифровая трансформация оказывает и на креативную экономику регионов (дизайн, разработка игр, медиапроизводство, маркетинг, архитектура,

музыка, ИТ-услуги), основанную на интеллектуальном капитале и цифровых технологиях. Для нее факторы ЦТ имеют критическое и прямое влияние.

Так, к факторам позитивного влияния ЦТ на креативную экономику следует отнести, во-первых, стирание географических барьеров, поскольку ЦТ позволяет креативным специалистам и компаниям из любого региона России работать на национальный и глобальный рынок, что является мощным инструментом для удержания талантов в регионах. Во-вторых, снижение порога входа и затрат: облачные сервисы, SaaS-платформы, цифровые маркетплейсы (например, для продажи цифрового контента) позволяют малым командам и индивидуальным предпринимателям конкурировать с крупными студиями без огромных первоначальных инвестиций в инфраструктуру. В-третьих, формирование новых креативных индустрий и гибридизация: ЦТ создает спрос на новые профессии (VR/AR-разработчики, специалисты по цифровому маркетингу, продюсеры онлайн-курсов). Кроме того, технологии позволяют создавать гибридные продукты (например, цифровые двойники исторических объектов для туризма, сочетающие культурное наследие и ИТ). В-четвертых, развитие коллaborаций и краудсорсинга: цифровые платформы облегчают поиск партнеров и формирование распределенных команд под конкретный проект, которые могут создать сложный продукт (например, видеоигру), не встречаясь очно. В-пятых, новые каналы дистрибуции и монетизации: прямые продажи через интернет, стриминг платформы, социальные сети, маркетплейсы цифровых товаров позволяют креативным предпринимателям доносить свой продукт до конечного потребителя, минуя традиционных, часто монополизированных, посредников.

К факторам негативного влияния ЦТ на креативную экономику следует отнести, во-первых, усиление конкуренции за таланты: поскольку географические барьеры падают, региональные креативные компании начинают конкурировать за лучших специалистов не только с местными игроками, но и со столичными, и даже международными компаниями, которые могут нанимать их удаленно. Во-вторых, зависимость от инфраструктуры становится абсолютной: если для традиционного бизнеса сбой интернета являлся неудобством, то для креативной цифровой компании – это полная остановка работы и потеря доходов. В-третьих, возможна гомогенизация креативного продукта и риск потери локальной идентичности: глобализация цифровых трендов может нивелировать уникальный локальный колорит в дизайне, медиа и других креативных продуктах. Отметим, что ключевая задача региональной политики – поддерживать проекты, которые переводят местную культурную уникальность на язык современных цифровых форматов. В-четвертых, проблема защиты интеллектуальной собственности: цифровая среда облегчает несанкционированное копирование и распространение продуктов креативного труда.

ЦТ на национальном и региональном уровнях первоначально проявляется на уровне создания нормативно-правовой базы ее реализации, а, во-вторых, в процессе создания цифровой инфраструктуры как комплекса взаимосвязанных объектов, систем и платформ, которые обеспечивают функционирование цифровой экономики и общества.

В цифровую инфраструктуру (ЦИ) входит, во-первых, физическая инфраструктура: проводные и беспроводные телекоммуникационные сети передачи данных, по которым осуществляется широкополосный доступ в интернет и голосовая связь; центры обработки данных (ЦОД), представляющие собой специализированные здания или комплексы, где размещается серверное и сетевое оборудование, которые обеспечивают

хранение и обработку данных с соблюдением принципов высокой избирательной доступности и безопасности (в ЦОДах могут находиться также вычислительные кластеры и суперкомпьютеры, которые применяются для решения сложных научных и инженерных задач); распределенные микроЦОДы, которые являются ключевым элементом для функционирования интернета вещей (IoT) и 5G, расположенные ближе к источникам данных (например, рядом с камерами умного города или на заводском цеху), что снижает задержки и разгружает центральные ЦОДы; аппаратное обеспечение конечных точек или устройства, через которые пользователи и системы взаимодействуют с цифровой средой: персональные компьютеры, смартфоны, планшеты, сенсоры и датчики Интернета Вещей (умные счетчики, датчики, например, посещаемости креативных пространств); актуаторы, выполняющие действия по цифровой команде (например, электромотор, открывающий шлагбаум); платёжные терминалы, информационные киоски и т.д.

Во-вторых, в ЦИ входят программно-аппаратные платформы и сервисы: облачная инфраструктура, являющаяся моделью предоставления вычислительных ресурсов как услуги, куда входят: аренда виртуальных серверов, сетей и систем хранения; готовая среда для разработки и запуска приложений (например, облачные базы данных, сервисы машинного обучения); готовые приложения, доступные через браузер; платформы для разработки и анализа данных, в т.ч. инструменты для создания приложений с минимальным программированием и платформы для работы с большими данными, а также управляемые сервисы от облачных провайдеров.

В-третьих, в ЦИ входят системы безопасности, в т.ч.: критическая информационная инфраструктура (КИИ), включающая системы защиты объектов, имеющих стратегическое значение (энергетика, транспорт, здравоохранение). К техническим средствам защиты можно отнести: межсетевые экраны, системы обнаружения и предотвращения вторжений; системы защиты от DDoS-атак; средства шифрования данных (как при передаче, так и при хранении); организационно-правовые механизмы, куда входят центры мониторинга и управления кибербезопасностью; национальные и отраслевые стандарты безопасности (например, ФСТЭК, ФСБ в РФ). В-четвертых, сами данные как ключевой актив, инфраструктура и «Новая нефть», сюда входят национальные и региональные системы данных: Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА в РФ), государственные платформы данных (ГПД), например, платформа «Гостех», которая должна обеспечить единообразие и взаимодействие государственных информационных систем; реестры и регистры (например, ФРГУ, ЕГРН, ФИАС), представляющие собой эталонные источники достоверных данных; инфраструктура пространственных данных, включающая системы для сбора, хранения и анализа геоданных (ГИС-системы, цифровые карты).

В-пятых, специализированные отраслевые платформы и «Цифровые двойники» (ЦД) отраслей, представляющие надстройку над базовой инфраструктурой для решения конкретных задач; промышленный интернет вещей (IoT), включает платформы для сбора данных с промышленного оборудования и управления им; «умные города» разворачиваются на единой платформе для управления городским хозяйством (транспорт, ЖКХ, безопасность); инфраструктура для финансового сектора (Финтех) включает системы быстрых платежей (СБП), национальную систему платежных карт (Мир), платформы для открытого банкинга (Open API).

Констатируем тот факт, что цифровая инфраструктура является сложным, многоуровневым организмом, от состояния которого напрямую зависит успех цифровой трансформации любого масштаба, а конвергенция цифровых инфраструктур является ключевым текущим трендом цифровой трансформации, когда современная ЦИ – не просто набор разрозненных элементов, а единая интеллектуальная среда. Например, данные с IoT-датчиков (базовая инфраструктура) передаются через 5G-сеть (базовая инфраструктура) на облачную платформу (платформенный уровень), где алгоритм ИИ (программный уровень) анализирует их и отправляет команду для устранения проблемы, обеспечивая кибербезопасность всего цикла.

В Российской Федерации к настоящему моменту сформировалась обширная и развитая нормативно-правовая база в сфере цифровизации [1-17]. Важно понимать, что единого «закона о цифровизации» нет, но существует система взаимосвязанных федеральных законов, которые регулируют различные аспекты цифровой среды, куда входят рамочные федеральные законы, определяющие основные понятия и стратегию, заложивающие основу для всего цифрового регулирования, уточняющие федеральные законы, в т.ч. связанные с цифровой личностью, персональными и иными данными, регулирующие правила игры для операторов связи и развития цифровой инфраструктуры, регулирующие цифровизацию государственного управления и данных, новые классы цифровых активов и финансовых технологий и пр. В частности, представим не исчерпывающий перечень таких нормативно-правовых актов:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1]. Ключевая роль: «Конституция» цифровой сферы в РФ, определяет базовые понятия: информация, информационные технологии, информационные системы, облачные вычисления, оператор информационной системы, регулирует порядок оборота информации, вопросы её защиты и ограничения доступа.

2. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [2]. Ключевая роль заключается в том, что он заложил правовую основу для создания системы электронного правительства в РФ, ввел понятие «многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ)», установил принцип «одного окна» и обязал предоставлять госуслуги в электронной форме.

3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [3]. Основной закон, регулирующий обработку персональных данных, устанавливающий требования к операторам, права субъектов персональных данных, порядок трансграничной передачи данных.

4. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [4]. Определяет виды электронных подписей (простая, неквалифицированная, квалифицированная), их юридическую значимость и условия признания, является краеугольным камнем для любых юридически значимых электронных взаимодействий (договоры, отчетность, госуслуги).

5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [5]. Позволяет создавать «регуляторные песочницы», где на ограниченной территории или в опреде-

ленной сфере можно временно отступать от требований действующего законодательства для тестирования новых цифровых технологий (например, беспилотников, технологий на блокчейне).

6. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» [6]. Определяет правовые основы деятельности в области связи, включая оказание услуг доступа в интернет, регулирует вопросы использования радиочастотного спектра, нумерации, и обязанностей операторов.

7. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [7]. Направлен на защиту информационных систем и сетей критически важных объектов (энергетика, транспорт, здравоохранение, финансы), обязывает субъектов КИИ выполнять комплекс мер по защите от кибератак.

8. Федеральный закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» [8]. Создает главный реестр о гражданах РФ (аналог единого реестра населения), призван стать основным источником достоверных данных для предоставления госуслуг в проактивном режиме.

9. Федеральный закон от 20.12.2022 № 548-ФЗ «О государственной информационной системе Гостех» [9]. Создает правовую основу для Единой платформы национальной цифровой платформы «Гостех». Эта система должна стать технологическим фундаментом для интеграции всех государственных информационных систем, обеспечения их взаимодействия и управления данными.

10. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» [10]. Впервые ввел в правовое поле России понятия «цифровой финансовый актив» (ЦФА) и «цифровая валюта». Определил порядок выпуска и обращения ЦФА (токенизованных активов), но оставил регулирование криптовалюты (майнинга и оборота) для отдельного закона, который в настоящее время находится в стадии разработки.

11. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [11]. Создал основу для развития современных платежных сервисов, включая Систему быстрых платежей (СБП), и регулирует деятельность операторов платежных систем, в том числе Национальной системы платежных карт «Мир».

12. Федеральный закон от 29.07.2017 № 258-ФЗ «О внедрении контрольно-кассовой техники» (в части маркировки товаров) [12]. Создал правовую основу для системы обязательной маркировки товаров средствами идентификации «Честный ЗНАК», масштабный проект цифровизации контроля за оборотом товаров, борьбы с контрафактом и создания сквозной прослеживаемости.

Отметим, что этот перечень не является исчерпывающим, поскольку цифровизация очень динамичная сфера, и законодательство постоянно обновляется, а многие инициативы реализуются через пакеты поправок в уже существующие законы (например, в 149-ФЗ или 152-ФЗ).

Кроме того, для практической работы необходимо также учитывать множество подзаконных актов (приказы Минцифры, постановления Правительства, приказы ФСТЭК и ФСБ), которые детализируют технические требования, например, к защите

информации или порядку взаимодействия информационных систем.

Следует отметить, что вопросу цифровизации уделяется чрезвычайно много внимания на федеральном уровне государственной власти, в том числе внедрение цифровой трансформации происходит через систему Нацпроектов, два из которых являются стержневыми для реализации стратегии цифровой трансформации России [16].

Первый из них Национальный проект «Цифровая экономика» [15], представляющий собой комплексную программу, которая создает базовые условия для перехода страны к цифровому будущему. Его первоначальный срок реализации был до 2024 года, но ключевые направления продлены и интегрированы в новую госполитику по цифровой трансформации. Нацпроект структурирован вокруг пяти федеральных проектов (основных направлений):

1. Нормативное регулирование цифровой среды. Цель: Создать гибкое, ориентированное на будущее законодательство, которое не тормозит, а стимулирует инновации. Ключевые задачи и результаты: разработка и внедрение «регуляторных песочниц»; создание цифровых норм и стандартов (например, для смарт-контрактов, электронного документооборота); устранение правовых барьеров для развития цифровых технологий во всех отраслях экономики.

2. Информационная инфраструктура. Цель: Обеспечить страну качественной и доступной цифровой «кровеносной системой». Ключевые задачи и результаты: массовое подключение социально значимых объектов (школы, больницы, органы власти) к высокоскоростному интернету; развитие сетей связи 5-го поколения (5G) в крупнейших городах и агломерациях; повышение доступности интернета для населения, в том числе в малых и удаленных населенных пунктах; развитие отечественной инфраструктуры передачи данных (ЦОДы, точки обмена интернет-трафиком).

3. Кадры для цифровой экономики. Цель: Ликвидировать дефицит ИТ-специалистов и повысить цифровую грамотность всего населения. Ключевые задачи и результаты: открыть «цифровые кафедры» в вузах (например кафедра «Экономики данных» в ФГБОУ ВО «СПбГУТ», подготавливающие ИТ-специалистов по ускоренным программам параллельно с основной специальностью; запустить программы дополнительного образования и переподготовки (персональные цифровые сертификаты для граждан); развитие системы конкурсов и олимпиад (например, Всероссийская олимпиада «Цифровая Россия») для выявления и поддержки талантов; стимулирование изучения математики и информатики со школьной скамьи.

4. Информационная безопасность. Цель: Обеспечить суверенитет и устойчивость цифрового пространства России. Ключевые задачи и результаты: развитие отечественных технологий и продуктов в области кибербезопасности; повышение уровня защищенности критической информационной инфраструктуры; обучение специалистов по кибербезопасности; информирование граждан об основных киберугрозах.

5. Цифровые технологии. Цель: Стимулировать создание и внедрение прорывных отечественных технологий, которые обеспечат технологический суверенитет. Ключевые задачи и результаты: финансовая поддержка (гранты, льготные кредиты) для компаний, разрабатывающих сквозные цифровые технологии (СЦТ) (большие данные, искусственный интеллект, квантовые технологии, технологии виртуальной и до-

полненной реальности, беспроводная связь, новые производственные технологии); создание конкурентной продукции на основе этих технологий (например, отечественное ПО, оборудование); реализация «сквозных» цифровых проектов в приоритетных отраслях (транспортная логистика, здравоохранение, сельское хозяйство).

Второй национальный проект «Экономика данных» [16] действует с начала 2025 года и открывает новый, эволюционный этап, который логически продолжает нацпроект «Цифровая экономика». Его ключевая идея: данные являются стратегическим ресурсом и активом, который нужно уметь эффективно использовать для экономического роста и улучшения качества жизни.

К основным принципам и направлениям проекта относятся следующие:

1. Создание Национальной системы управления данными (НСУД), являющейся ключевым элементом всего нацпроекта, которая должна стать единой платформенно-правовой средой для оборота данных. При этом Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА) станет основным инструментом для безопасного доступа к данным (с согласия гражданина). Также в дополнение предусматривается создание отраслевых и межотраслевых платформ данных (например, в здравоохранении, транспорте, ЖКХ).

2. Формирование новых рынков данных. Цель: Создать правовые и технологические механизмы для обмена данными между бизнесом, государством и гражданами, к примеру банк, с согласия клиента, сможет запросить его цифровые данные из госорганов для упрощения выдачи кредита.

3. Развитие инфраструктуры данных. Развитие облачных платформ для хранения и обработки данных, в том числе основанных на отечественных технологиях; создание «периферийных» центров обработки данных для работы с данными в режиме реального времени (например, для беспилотного транспорта).

4. Стимулирование спроса на данные и аналитику. Поддержка компаний, которые используют данные и ИИ для повышения эффективности и создания новых продуктов; развитие компетенций в области управления данными в российских компаниях.

Отметим, что «Цифровая экономика» создала фундамент: провела интернет, подготовила кадры, обеспечила безопасность и начала развивать технологии, а «Экономика данных» на этом фундаменте строит здание новой экономики, где ценность создается за счет эффективного использования данных.

Таким образом, эти два нацпроекта представляют собой последовательную и взаимодополняющую стратегию, направленную на то, чтобы Россия не только имела современную цифровую инфраструктуру, но и могла извлекать из нее максимальную экономическую и социальную выгоду.

В то же время, в процессе регионального стратегирования региональными органами власти до сих пор зачастую используется устаревший бюрократический подход к формированию стратегий социально-экономического развития (ССЭР), не до конца учитывается целесообразность ориентации ССЭР на наиболее перспективные секторы экономики конкретного региона, в частности на сектор креативных индустрий, на не-высоком уровне находится промежуточный и заключительный контроль реализации ССЭР, не в полной мере обеспечивается соответствие и согласованность формируемых ССЭР стратегиям вышестоящего национального уровня [19, 20, 27-31], что прямым об-

разом регламентируется в федеральном законодательстве о стратегическом планировании и креативных индустриях [21, 24, 26].

При этом в условиях цифровой трансформации существенно возрастают возможности повышения эффективности процессов национального и регионального стратегирования, в настоящее время реализующихся по традиционному бюрократическому принципу – становится практически возможным использование автоматизированных программно-аппаратных информационно-телекоммуникационных сред (АПАИТС) для поддержки принятия управленческих решений органами власти при формировании документов стратегического планирования (ДСП).

АПАИТС целесообразно создавать на технологически и морально современной физической инфраструктурной основе, обеспечивающей получение, хранение и обработку цифровой информации; программной основе, базирующейся на адаптивной модели с использованием сильного искусственного интеллекта (СИИ) в некоторых ее блоках, динамически отслеживающей состояние совокупности значимых переменных, являющихся индикаторами функционирования той или иной сложной социально-экономической системы (например, сектора креативной экономики региона или государства) и преобразующей данную информацию в научно-обоснованные и наглядно интерактивно представленные поливариантные прогнозы развития ситуации в рассматриваемой сфере и предложения для принятия решений по формированию и корректировке ДСП органам исполнительной и законодательной власти соответствующего уровня.

Принципиальная модель функционирования процессов автоматизированного регионального стратегирования с использованием современных технологий, которая может стать основой современного организационно-экономического механизма автоматизированного стратегирования как на региональном, так и впоследствии на национальном уровне предлагается автором в [32].

В том числе автором и его коллегами по научно-исследовательской группе в [33] обоснована концептуальная схема трансмиссии результирующей уровня развития фактора креативной экономики как элемента влияния на РСЭС, а также предложена авторская комплексная методика автоматизированной динамической оценки достигнутого уровня развития креативных индустрий региона, включающая как региональные факторные показатели, влияющие на развитие сектора креативных индустрий, так и индикаторы достигнутого уровня развития креативных индустрий, в т.ч. конкретные частные региональные социально-экономические показатели, относящиеся как непосредственно к сектору креативных индустрий, так и ко всей РСЭС в целом.

В [31, 32, 33] сформулированы способы динамического отслеживания и получения АПАИТС информации по выбранным показателям; предложена модель агрегации и обработки полученных исходных данных, формирования интегральной оценки достигнутого уровня совокупного развития КИ региона по методу многомерной средней; рассмотрены особенности формирования цифрового двойника креативной экономики региона.

Так ключевой в АПАИТС, по мнению автора, является технология цифровых двойников (ЦД) – набора адаптивных моделей, которые симулируют поведение физической системы в виртуальной системе, получая данные в реальном времени для обновления параллельно жизненному циклу этой системы. Цифровой двойник повторяет физи-

ческую систему для предсказания ошибок и возможностей для изменения, чтобы предписать действия в реальном времени по оптимизации или смягчению непредвиденных событий через наблюдение и оценки операционной профильной системы [34-36].

Принципиальное отличие цифрового двойника от имитационных моделей, систем мониторинга, сбора и обработки данных заключается в наличии двусторонней обратной связи между виртуальным компонентом системы и реальным объектом. Современное представление архитектуры ЦД насчитывает шесть слоев: слой оборудования и сенсоров, слой источников данных, слой локальных хранилищ данных, слой интернета вещей, слой облачных хранилищ данных, слой визуализаций и симуляций [35]. Цифровой двойник может автоматически получать актуальные данные из внешних и внутренних источников через API, чтобы анализировать состояние креативных индустрий в режиме реального времени.

Алгоритм обработки и преобразования получаемых АПАИТС из разных источников данных в рекомендации, в целом представляется следующим. На первом шаге осуществляется сбор и интеграция данных. ЦД по Методике [33] агрегирует информацию из множества источников через API, автоматический парсинг интернет ресурсов (от англ. parsing – анализ структуры) и ручные выгрузки: государственные данные (Росстат, ФНС, Минкульт); данные бизнеса (транзакции, отчеты, маркетплейсы); соцсети и платформы (тренды, анализ настроений); инфраструктурные показатели (заполняемость коворкингов, посещаемость мероприятий). На втором шаге происходит очистка и нормализация собранных АПАИТС данных, включающая: удаление дубликатов, исправление ошибок; приведение к единому формату (например, все денежные показатели в рублях); обогащение данных (например, добавление геолокации к бизнесам). На следующем шаге СИИ ЦД производит расчет интегральных факторных и индикативных показателей КИ и РСЭС, анализ и выявление паттернов поведения объекта управления с применением методов: дескриптивной аналитики на основе отслеживания динамики ключевых факторных и индикативных показателей, используемых в Методике; диагностической аналитики, например, на базе корреляционного анализа (например, устанавливается связь между грантами и ростом ИТ-компаний); прогнозной аналитики с определением трендов; прескриптивной аналитики через моделирование и симуляцию эффекта от возможных решений. На четвертом шаге АПАИТС реализуется генерация рекомендаций – на основе анализа система предлагает конкретные меры, ранжированные по: приоритетности; срочности; ресурсоемкости. На пятом шаге реализуются процессы визуализации и формирования проектов ДСП – преобразования «выхода» в форму удобную для восприятия человеком: данные и рекомендации выводятся в интерактивных панелях для органов власти. Это могут быть графики, карты, тепловые карты (например, концентрация организаций креативных индустрий по районам); автоматические отчеты и проекты ДСП в форме PDF-документов с обоснованием решений. На заключительном шаге АПАИТС получает обратную связь, на основе которой ЦД проходит дообучение СИИ-модель: органы власти внедряют меры, ЦД отслеживает их эффективность через новые данные, СИИ-модель корректирует вес и состав факторов РСЭС и индикаторов КИ.

Таким образом, цифровая трансформация для регионов России может являться мощным инструментом сокращения пространственного неравенства, но при условии целенаправленной политики по развитию инфраструктуры, образования и институтов. Для

креативной экономики ЦТ является средой существования и роста, предоставляя исторический шанс регионам не просто удерживать, а приумножать свой интеллектуальный и культурный капитал, превращая его в конкурентоспособные экономические активы. Без решения ключевых инфраструктурных и кадровых проблем цифровой разрыв может, напротив, усугубить отставание периферийных территорий. В настоящее время в связи с достигнутыми успехами в области цифровой трансформации в РФ становится экономически оправданным и даже необходимым опережающее адаптивное стратегирование как всего РСЭС, так и отдельно сектора креативных индустрий региона или страны, при котором стратегические решения принимаются на основе автоматизированного анализа массивов больших данных, алгоритмов машинного обучения и цифрового моделирования. Критическое значение научно обоснованной концентрации ограниченных региональных ресурсов, распределемых в рамках ССЭР преимущественно в перспективных и недопользованных точках роста региональной экономики, зачастую находящихся в секторе креативных индустрий является определяющим, как и важность использования преимуществ цифровизации в этом процессе. АПАИТС является современным решением построения механизмов государственного управления, что соответствует федеральным законам, связанным как с цифровизацией, так и со стратегическим планированием и креативной экономикой – большие данные о развитии креативной экономики региона предлагается динамически анализировать в автоматизированном режиме с использованием сильного искусственного интеллекта в соответствующем органе исполнительной власти региона, где будет расположен департамент аналитики АПАИТС, осуществлять прогнозное моделирование и проверку предлагаемых системой управленческих решений, после чего результат в виде информации на интерактивных панелях, а также отчетов и рекомендаций, будет автоматически в установленные сроки отправляться на рассмотрение блока экспертного корпуса для верификации и возможной корректировки, а после этого на рассмотрение уполномоченных коллегиальных органов, принимающих решения на оперативном, тактическом и стратегическом уровнях.

Литература

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
2. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.09.2025).
4. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.09.2025).
5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.09.2025).
6. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.09.2025).

7. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.09.2025).
8. Федеральный закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.09.2025).
9. Федеральный закон от 20.12.2022 № 548-ФЗ «О государственной информационной системе Гостех» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.09.2025).
10. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.09.2025).
11. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.09.2025).
12. Федеральный закон от 29.07.2017 № 258-ФЗ «О внедрении контрольно-кассовой техники» (в части маркировки товаров) URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.09.2025).
13. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.08.2025).
14. Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших научно-технических направлений» URL: <http://www.consultant.ru>
15. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.08.2025).
16. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» URL: <https://digital.gov.ru/target/nacionalnyj-proekt-ekonomika-dannih-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva> (дата обращения: 25.08.2025).
17. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.08.2025).
18. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.08.2025).
19. Буличников П.А. Креативные индустрии как фактор социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа в условиях цифровой трансформации / П. А. Буличников, А. Д. Евменов // Экономика и управление. – 2024. – Т. 30, № 12. – С. 1455-1473. – DOI 10.35854/1998-1627-2024-12-1455-1473. – EDN ZYIAZA.
20. Буличников П.А. Креативная экономика как центр экономического роста регионов / Петербургский экономический журнал. СПб.: Изд-во ЛЭТИ. №3, 2024, с. 89-108.
21. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru>
22. Методические рекомендации по развитию креативных (творческих) индустрий в субъектах Российской Федерации. Минэкономразвития РФ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.09.2025).

23. Региональный стандарт развития креативных индустрий. Агентство стратегических инициатив. URL: <http://www.asi.ru> (дата обращения: 15.09.2025).
24. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.09.2025).
25. Федеральная служба государственной статистики URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2025).
26. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.08.2025).
27. Окрепилов В.В. Достижение стратегических целей социально-экономического развития регионов СЗФО в контексте проблемы качества стратегического планирования / В. В. Окрепилов, И. В. Коршунов // Проблемы прогнозирования. – 2024. – № 6(207). – С. 128-138. – DOI 10.47711/0868-6351-207-128-138.
28. Квинт В.Л., Новикова И. В., Алимурадов М. К. Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // Экономика и управление. 2021. Т. 27. № 11. С. 900–909. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-11-900-909>.
29. Буличников П.А. Стратегическое управление развитием регионов. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, 2021. – 223 с.
30. Буличников П.А. Анализ эффективности формирования стратегии развития региона / П. А. Буличников // Петербургский экономический журнал. 2021. № 1. – С. 51-59. – DOI 10.24411/2307-5368-2020-10057. – EDN CJDPHB.
31. Буличников П.А., Евменов А.Д. Формализация региональных стратегий с учетом перспективных последствий взаимодействия внутренних и внешних компонентов региональных социально-экономических систем // Экономика и управление. – 2021. – Т. 27, № 11. – С. 858-871. – DOI 10.35854/1998-1627-2021-11-858-871.
32. Буличников П.А. Принципиальная модель автоматизированного регионального стратегирования // Петербургский экономический журнал. 2025. №4.
33. Буличников П.А. Методика комплексной оценки развития креативного сектора региональной экономики для АПАИТС / П.А. Буличников, А.Д. Евменов, Т.А. Сорвина // Экономика и управление. 2025. №10.
34. Semeraro C. et al. Digital twin paradigm: A systematic literature review // Computers in Industry. 2021. Т. 130. С. 103469
35. Redelinghuys A.J.H., Kruger K., Basson A. A six-layer architecture for digital twins with aggregation // Service Oriented, Holonic and Multi-agent Manufacturing Systems for Industry of the Future: Proceedings of SOHOMA 2019 9. Springer International Publishing, 2020. С. 171-182.
36. Медведев А.В. Цифровые двойники территорий для поддержки принятия решений в сфере регионального социально-экономического развития // Современные научноемкие технологии. – 2020. – № 6-1. – С. 61-66. – DOI 10.17513/snt.38072.

Васильев И. Г.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СУВЕРЕНИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОГО СЕГМЕНТА СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА¹

Национальные цели РФ определяет «Единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1].

Этот план содержит не только 19 национальных проектов (включая новые), более 40 государственных программ, отраслевые и региональные стратегии и «дорожные карты», но и вообще все направления и инструменты деятельности правительства России. Все это направлено на увеличение доходов граждан, повышение рождаемости и продолжительности жизни, экономический рост в условиях имеющихся вызовов и обеспечение технологического суверенитета, для чего в плане обозначены семь национальных целей:

- сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи;
- реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности.

Приведенные извлечения из Плана определяют цивилизационный выбор РФ в семи цивилизациях, исследованных С. Хантингтоном [2].

В Российской Федерации государственная культурная политика понимается как широкое межотраслевое явление, охватывающее все виды культурной деятельности, социальные и гуманитарные науки, образование, межнациональные отношения, вопросы поддержки и продвижения российской культуры за рубежом, международного гуманитарного и культурного сотрудничества, воспитания и самовоспитания граждан, просвещения, развития детского и молодежного движения, информационного пространства страны [3].

Постановлением Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 14 июня 2017 г. была создана Временная комиссия Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации. Среди основных задач Комиссии мониторинг деятельности иностранных государств, межгосударственных объединений и международных организаций, направленной на осуществление вмешательства в политическую, экономическую, культурную, гуманитарную сферы деятельности в Российской Федерации [4].

1 февраля 2023 г. Постановлением СФ №26-СФ Временная комиссия была преобразована в Комиссию Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации [5].

¹Статья подготовлена в рамках государственного задания ИПРЭ РАН по теме: «Новые условия и факторы социально-экологического развития регионов России в условиях цифровой трансформации экономики и общества» (№ Г.Р. 124012000100-7), (код – «FMGS-2024-0002»).

Государственная культурная политика призвана обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны, укрепление обще-российской гражданской идентичности, единства и сплоченности российского общества, повышение качества жизни в Российской Федерации.

Суверенизация культуры – ключ к сохранению идентичности регионов. Культура — важнейший элемент национального самосознания любого народа. В условиях глобализации и стремительного распространения универсальных стандартов особую значимость приобретает процесс сохранения уникальности культур отдельных территорий. Это явление получило название суверенизации стратегического планирования и управления развитием культуры.

Суверенизация культуры региона подразумевает целенаправленные усилия по укреплению и развитию уникальных культурных традиций определенной территории. Она направлена на сохранение местной специфики и самобытности, подчеркивая особенности истории, искусства, фольклора и образа жизни местного населения.

Ключевая цель суверенизации заключается в формировании культурной независимости региона от влияния внешних факторов и массовых тенденций, одновременно укрепляя внутреннее единство и взаимопонимание среди жителей данной местности. Культура региона обеспечивает сохранение исторической памяти через местные обычаи, народные песни, танцы и ремесла, помогает поддерживать связь поколений.

Развитие региональной литературы, театра, изобразительных искусств формирует эстетическое восприятие мира жителями региона.

Создание туристических маршрутов, основанных на местных достопримечательностях, способствует привлечению туристов и увеличению доходов населения.

Укрепление социальной сплоченности происходит посредством мероприятий, посвященных культуре родного края (фестивали, выставки). Практика успешной реализации принципов суверенизации сформирована во всех субъектах СЗФО, где особое внимание уделяется сохранению материального и нематериального культурного наследия, языков всех народов, проживающих на территориях округа, традиционных промыслов и ремесел, памятников деревянного зодчества. Благодаря таким инициативам регионы привлекают туристов и сохраняет свою уникальную идентичность.

Таким образом, суверенизация культуры становится важным инструментом поддержания национальных особенностей и укрепления регионального патриотизма.

Суверенизация российской культуры — это процесс укрепления самостоятельности и независимости культурной сферы России, её защиты от внешнего влияния и сохранения национальной идентичности. Этот термин стал активно использоваться в последние годы на фоне геополитических изменений и усиления внимания к вопросам культурного суверенитета.

Основные направления суверенизации российской культуры:

Защита традиционных ценностей

Акцент делается на сохранении и продвижении традиционных российских ценностей, таких как патриотизм, семейные устои, духовность и историческая память. Это включает поддержку православия и других традиционных религий, а также укрепление

моральных норм. На заседании Совета Безопасности 10.06.2025 г. необходимость совершенствования государственной политики для защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, укрепления сплоченности общества, и сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне стали главными темами заседания [6].

Ограничение иностранного влияния

В рамках суверенизации культуры происходит сокращение влияния западных культурных продуктов, таких как фильмы, музыка, литература и медиа. Это связано с желанием избежать культурной экспансии и сохранить уникальность российской культуры. Нужно бороться с навязыванием россиянам установок, разрушающих традиционные ценности: «Лишив народы своей ценностной опоры, лишив их суверенитета проще их подчинить, превратить в вассалов. Потому важно противодействовать попыткам навязать нашим гражданам, особенно молодежи установки, разрушающие наши ценности», - утверждал В.В. Путин на упомянутом выше заседании Совбеза.

Поддержка отечественного искусства

Государство активно поддерживает российских деятелей искусства, кинематографистов, музыкантов, писателей и других творческих профессионалов. Это включает финансирование проектов, продвижение российского контента и создание условий для развития местной культурной индустрии.

Переосмысление истории

Суверенизация культуры также предполагает пересмотр исторических нарративов, чтобы подчеркнуть роль России в мировой истории и укрепить национальную гордость. Это включает акцент на победах, достижениях и вкладе России в мировую культуру. Россия должна жестко отстаивать историческую правду о событиях Второй мировой войны и сыгравшей роли в разгроме нацизма.

Системная работа по историческому просвещению, по борьбе с фальсификацией истории должна быть продолжена. Наш народ показал вдохновляющий пример единения и патриотизма, когда сражался за свободу. Сбережение памяти о мужестве и свершениях поколения победителей имеют для нас, для нашего будущего огромное моральное, общественное и государственное значение.

Регулирование цифрового пространства

В условиях глобализации и развития интернета важным аспектом суверенизации становится контроль над цифровым пространством. Это включает регулирование соцсетей, онлайн-платформ и потокового контента, чтобы минимизировать влияние иностранных культурных трендов.

Образование и воспитание

Система образования играет ключевую роль в суверенизации культуры. Учебные программы пересматриваются, чтобы усилить акцент на патриотическом воспитании, изучении национальной истории и культуры.

Критика и вызовы. Изоляционизм

Некоторые эксперты считают, что чрезмерная суверенизация может привести к культурной изоляции, ограничению творческой свободы и снижению конкурентоспособности российского искусства на международной арене.

Политизация культуры

Процесс суверенизации часто сопровождается усилением государственного контроля над культурной сферой, что может вызывать споры о балансе между независимостью искусства и идеологическими задачами.

Глобальные тренды

В условиях глобализации полностью изолировать культуру от внешнего влияния сложно, что создает вызовы для реализации идей суверенизации. Таким образом, суверенизация российской культуры — это многогранный процесс, направленный на укрепление национальной идентичности и защиту культурного пространства. Однако его реализация требует баланса между сохранением традиций и адаптацией к современным глобальным вызовам.

Разработка стратегии развития культуры региона — это комплексный процесс, направленный на сохранение, развитие и популяризацию культурного наследия, а также на создание условий для реализации творческого потенциала жителей. Такой документ должен учитывать специфику региона, его исторические, этнические, социальные и экономические особенности. Ниже приведены основные этапы и направления, которые могут быть включены в стратегию:

Анализ текущей ситуации

Культурный аудит региона: оценка состояния объектов культурного наследия, инфраструктуры (театры, музеи, библиотеки, клубы), кадрового потенциала.

Изучение запросов населения: проведение социологических исследований для выявления интересов и потребностей жителей в сфере культуры.

Анализ экономических условий: оценка финансирования культурных проектов, привлечение инвестиций, грантов и спонсорской поддержки.

Идентификация проблем: выявление слабых сторон (например, недостаток финансирования, низкая посещаемость мероприятий, устаревшая инфраструктура).

Цели и задачи

Цели:

- Сохранение и популяризация культурного наследия региона.
- Развитие творческой индустрии и поддержка местных талантов.
- Повышение доступности культурных услуг для всех слоев населения.
- Укрепление имиджа региона как культурного центра.

Задачи:

- Модернизация культурной инфраструктуры.
- Развитие межрегионального и международного культурного сотрудничества.
- Поддержка инновационных проектов в сфере культуры.
- Вовлечение молодежи в культурную жизнь региона.

Основные направления развития

Сохранение культурного наследия:

- Реставрация памятников истории и архитектуры.
- Поддержка традиционных ремесел, фольклора и народных промыслов.
- Создание цифровых архивов и виртуальных музеев.
- Развитие культурной инфраструктуры:

- Строительство и модернизация культурных объектов (театры, концертные залы, библиотеки).

- Создание многофункциональных культурных центров в малых городах и селах.

Поддержка творческих инициатив:

- Проведение фестивалей, конкурсов, выставок.
- Грантовая поддержка местных художников, музыкантов, писателей.
- Развитие резиденций для творческих людей.

Образование и просвещение:

- Внедрение образовательных программ по культуре и искусству.
- Организация мастер-классов, лекций, творческих лабораторий.

Туризм и продвижение:

- Создание культурных маршрутов и брендов региона.
- Развитие событийного туризма (фестивали, праздники).
- Продвижение региона через цифровые платформы и социальные сети.

Реализация стратегии

- Партнерство: сотрудничество с государственными органами, бизнесом, НКО, образовательными учреждениями.
- Финансирование: привлечение бюджетных средств, грантов, частных инвестиций.
- Мониторинг и оценка: регулярный анализ достижения целей, корректировка стратегии при необходимости.
- Вовлечение населения: проведение общественных обсуждений, создание волонтерских программ.

Ожидаемые результаты

- Увеличение числа культурных мероприятий и их посещаемости.
- Повышение уровня удовлетворенности жителей культурной жизнью региона.
- Рост туристической привлекательности региона.
- Сохранение и популяризация уникального культурного наследия.
- Развитие творческой экономики и создание новых рабочих мест.

Примеры успешных практик

Российские регионы: опыт Татарстана в сохранении национального наследия, развитие культурных кластеров в Москве и Санкт-Петербурге. Креативный кластер рассмотрен как средоточие деловой и культурной жизни города. В качестве примеров наиболее успешных и активно развивающихся кластеров Санкт-Петербурга выбраны «Новая Голландия» [7].

Стратегия развития культуры региона должна быть гибкой и адаптивной, чтобы учитывать изменения в обществе, технологиях и экономике. Важно, чтобы она была ориентирована на долгосрочную перспективу и способствовала устойчивому развитию региона.

Спецификация национальных культурных проектов в регионах направлена на определение целей, задач, содержания и методов реализации мероприятий, направленных на сохранение, развитие и популяризацию национальной культуры. Эти проекты охватывают широкий спектр направлений, включая искусство, литературу, музыку, театр, кино, народные промыслы и традиционные ремесла.

Цели спецификации национальных культурных проектов

- Сохранение культурного наследия регионов.
- Развитие творческих способностей населения.
- Поддержка талантливых деятелей искусства и культуры.
- Привлечение внимания общественности к вопросам сохранения традиций.
- Укрепление межкультурных связей и сотрудничества.
- Повышение туристической привлекательности регионов.

Ключевые компоненты спецификации

Определение целевых аудиторий

- Жители региона разного возраста и социального положения.
- Туристы и гости региона.
- Школьники и студенты.
- Профессиональные деятели культуры и искусства.

Постановка конкретных задач

- Организация фестивалей, конкурсов, выставок и ярмарок.
- Проведение образовательных программ и тренингов по традиционным ремёслам.
- Создание мультимедийных презентаций и виртуальных туров по достопримечательностям региона.
- Реализация инфраструктурных проектов, направленных на улучшение условий для занятий искусством и культурой.

Планирование мероприятий

- Составление календаря культурных событий на год вперед.
- Разработка методических рекомендаций и учебных пособий для педагогов и организаторов мероприятий.
- Подготовка заявок на участие в федеральных программах поддержки культуры.

Оценка эффективности

- Анализ результатов проведенных мероприятий путем сбора обратной связи от участников и зрителей.
- Мониторинг количества привлечённых туристов и увеличения доходов от туризма.
- Изучение влияния проекта на формирование позитивного образа региона в средствах массовой информации.

Национальные культурные проекты играют важную роль в формировании духовного облика региона, способствуют укреплению единства многонационального народа России и создают благоприятные условия для дальнейшего социально-экономического роста территорий.

Цель пространственного развития Российской Федерации, определенная в Стратегия пространственного развития России до 2030 года с прогнозом до 2036 года – формирование сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики, которые будут способствовать достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности. Достижение этой цели опирается на ряд принципов, включая дифференцированный подход к развитию территорий, концентрацию ограниченных ресурсов на приоритетных территориях и повышение эффективности

планирования инфраструктуры [8].

Основные положения Стратегии включают систему опорных населенных пунктов, основные направления развития федеральных округов, Арктики и новых регионов, а также приоритеты пространственного развития транспорта, энергетики, социальной сферы, промышленности, науки, туризма и других отраслей.

Одним из приоритетных механизмов реализации Стратегии является Единый перечень 2160 опорных населенных пунктов. Перечень одобрен Президиумом (штабом) Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации.

Опорный населенный пункт – населенный пункт, приоритетное развитие которого способствует достижению национальных целей РФ и обеспечению национальной безопасности, в т.ч. обеспечивающий для жителей прилегающей территории доступность образования, медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализацию иных потребностей.

Вместе с перечисленными выше документами, определяющими суворенизацию сферы культуры как нового направления стратегического планирования и управления сферой культуры в регионах, стратегия пространственного развития определяет *спецификацию развития культуры*, достижения национальных целей в СЗФО, где условия Калининградской области «сочетаются» с условиями северных территорий.

Спецификация национальных культурных проектов в регионах направлена на определение целей, задач, содержания и методов реализации мероприятий, направленных на сохранение, развитие и популяризацию национальной культуры. Эти проекты охватывают широкий спектр направлений, включая искусство, литературу, музыку, театр, кино, народные промыслы и традиционные ремесла.

Национальные культурные проекты играют важную роль в формировании духовного облика региона, способствуют укреплению единства многонационального народа России и создают благоприятные условия для дальнейшего социально-экономического роста территорий.

Литература

1. Единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/....pdf> (дата обращения 07.09.2025).
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимееева. Ю. Новикова. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — С. 603.
3. Основы государственной культурной политики (с изменениями на 25 января 2023 г.). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/> (Дата обращения 01.11.2023).
4. Постановление Совета Федерации от 14 июня 2017 г. URL: <http://parvo.gov.ru> (дата обращения 02.11.2023).
5. Постановление Совета Федерации от 1 февраля 2023 г. URL: <http://parvo.gov.ru> (дата обращения 25.10. 2023).
6. Заседание Совета безопасности РФ. URL: http://kremlin.ru/events/_president/news/77160 (дата обращения 07.09.2025).
7. Левшина О.Н. Креативные кластеры как способ преобразования городской среды и инструмент повышения туристической привлекательности города (на примере

Санкт-Петербурга). URL: <https://cyberleninka.ru/article> (дата обращения 07.09.2025).

8. Стратегия пространственного развития России до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утв. 28.12.2024. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1310767692L> (дата обращения 07.09.2025).

УДК 332.1

DOI: 10.52897/978-5-7937-2883-6-2025-30-35

*Гафланов Ч. А.,
Юшков М. В.*

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Региональная розничная торговля в России сегодня служит точным отражением общих экономических процессов. Она не только чутко реагирует на системные изменения в производстве, занятости и потреблении, но и сама является ареной конкурентной борьбы, где пересекаются интересы бизнеса, власти и потребителей. Ожидается, что период ближайших двух лет станет временем одновременных вызовов и новых возможностей для этого сектора. Ключевыми факторами здесь будут колебания внешнеэкономической ситуации, развитие отечественных цифровых платформ, а также адаптация торговых сетей к переменам в логистике и платежных системах.

Чувствительность розницы к уровню доходов, динамике цен и кредитной активности общеизвестна. Однако ситуация в российских регионах существенно отличается. Крупные агломерации наращивают сложную торговую инфраструктуру, тогда как малые города и сельские территории по-прежнему сталкиваются с ограниченным предложением. Именно поэтому анализ региональных рынков становится необходимым ключом к пониманию того, как меняется социально-экономическая система страны в целом.

Целью данного исследования является комплексный анализ современных тенденций, выявление ключевых факторов и определение перспектив развития розничной торговли в российских регионах на период 2024–2025 годов. Объектом исследования выступают сами региональные рынки розничной торговли России – важная часть экономики, обеспечивающая удовлетворение спроса населения и создание рабочих мест. Предмет исследования сосредоточен на социально-экономических процессах, определяющих развитие розницы в регионах: структурных сдвигах, адаптации к внешним условиям и внедрении цифровых инноваций. В работе используются методы сравнительного анализа региональных данных, статистической обработки динамических показателей, системного подхода к изучению факторов изменений, а также элементы институционального анализа для оценки влияния государственного регулирования.

Исследование развития розничной торговли опирается на классические подходы: модели спроса и предложения, институциональную теорию и концепции региональной экономики. Классики экономической мысли подчеркивают двойственную природу розничного рынка – это не только площадка для сделок, но и значимый соци-

альный институт, напрямую влияющий на качество жизни населения [1], [3]. Современный российский научный дискурс признает розничную торговлю важным индикатором региональной экономической устойчивости [2], [6]. Опыт показывает, что сдвиги в ее объемах и структуре часто служат предвестниками как экономического роста, так и рецессии. Методологически исследование носит междисциплинарный характер, интегрируя инструменты экономической статистики, регионального анализа и изучения потребительского поведения.

К 2024 году ключевым трансформирующим фактором стала цифровизация. Активное развитие электронной коммерции, маркетплейсов и мобильных приложений вынуждает традиционные форматы торговли либо кардинально меняться, либо уступать сферу влияния. В результате современный розничный рынок представляет собой сложную многослойную систему, где существуют онлайн-магазины, гипермаркеты, небольшие частные предприятия и разнообразные цифровые каналы сбыта. Анализ региональных рынков требует учета всей этой многогранности и постоянного отслеживания взаимодействия между различными сегментами.

Современные тенденции. Значимым вызовом в 2024-2025 г. для российских регионов стала усилившаяся инфляция, по-разному повлиявшая на покупательную способность. Население регионов с низкими доходами вынужденно сократило расходы, прежде всего, на непродовольственные товары. В то же время крупные города, благодаря развитой сфере услуг и высокой доле занятости в секторах с добавленной стоимостью, сохранили относительную стабильность потребительского спроса [10], [11].

Это заставило региональные торговые сети активно пересматривать ассортимент и ценовую политику. Распространенной стратегией стал акцент на продукцию местных производителей, что стимулировало развитие регионального сельского хозяйства и легкой промышленности. Таким образом, с годами розничная торговля приобрела новую важную функцию – поддержку локального производства, став единственным инструментом импортозамещения не только на федеральном, но и на местном уровне [12].

Параллельно резко возросло влияние цифровых платформ. Экспансия маркетплейсов в регионах сопровождалась созданием сети распределительных центров и логистических хабов, что существенно изменило баланс сил между традиционными торговыми точками и онлайн-каналами. Особенно заметен этот сдвиг эффект в городах с населением до 500 тысяч человек, где потребители получили доступ к ассортименту, значительно превышающему возможности местных магазинов.

Весной 2025 года четко обозначилась тенденция к гибридным моделям. Многие магазины успешно внедряют схему «онлайн-заказ – онлайн-выдача», что позволяет снижать операционные издержки и повышать лояльность клиентов. Эта практика стала прямым ответом сектора на логистические сложности и постоянный рост транспортных расходов в российской экономике последних лет [7], [8].

Региональные особенности. Розничная торговля в российских регионах демонстрирует значительные различия в темпах роста, структуре предложения и степени проникновения сетевых игроков. Центральный федеральный округ сохраняет лидерство по объемам оборота, однако растущая конкуренция вынуждает компании активно искать новые форматы взаимодействия с покупателями. Рынки Поволжья показывают

относительно стабильную динамику, что обеспечено сочетанием развитого промышленного сектора и сельскохозяйственной базы. В Сибири и на Дальнем Востоке основной фокус смешен на логистику; точками роста становятся города, расположенные на ключевых транспортных артериях и вблизи крупных промышленных предприятий.

Малые города и сельские территории сталкиваются с проблемой ограниченной покупательной способности населения. Здесь розница часто держится на индивидуальных предпринимателях и небольших локальных сетях, которые отличаются гибкостью в реагировании на колебания спроса. Развитие онлайн-площадок открывает для таких игроков новые возможности, позволяя продавцам из удаленных районов выходить на общероссийский рынок и снижать зависимость от узкой локальной аудитории.

Существенные и культурные различия в предпочтениях. В ряде регионов сохраняется доверие к семейным магазинам и традиционным форматам торговли, где ценится личное общение между продавцом и покупателем. В то же время столичные агломерации и крупные города делают ставку на удобство и скорость обслуживания, что стимулирует активное внедрение автоматизации, включая кассы самообслуживания.

Обобщённые показатели, отражающие региональную динамику, представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Динамика некоторых условных показателей розничной торговли по федеральным округам России в 2024 году и прогноз на 2025 год

Федеральный округ	Индекс физического объёма розничной торговли, % к предыдущему году 2024/2025	Среднедушевой оборот розничной торговли, тыс. руб. 2024 г.	Доля онлайн-продаж, % от оборота 2024 г.	Условный индекс потребительских предпочтений 2024 *
Центральный	106,9	142,5	17,4	0,68
Северо-Западный	100,7-102	137,9	19,2	0,65
Южный	109,2	115,4	11,3	0,59
Приволжский	103-105	110,7	12,6	0,61
Уральский	106	126,2	14,8	0,64
Сибирский	109,1	108,9	10,1	0,57
Дальневосточный	107,1	112,3	13,4	0,62

*Составлено автором

Факторы трансформации рынка. Ключевыми движущими силами изменений в розничной торговле стала динамика доходов населения, демографические сдвиги, цифровизация и государственная политика. Уровень доходов формирует фундамент

рынка; стагнация реальных зарплат заставляет торговые сети смещать фокус в сторону форматов дискаунтеров и активного использования акционных программ. Демографические процессы, особенно отток населения из отдельных регионов, напрямую сокращают емкость локальных рынков, что наиболее остро ощущается на северных и дальневосточных территориях.

Цифровизация выступает как фактор, способный сглаживать региональные диспропорции. В местах со слабо развитой традиционной торговой инфраструктурой электронные каналы компенсируют этот недостаток, расширяя доступность товаров. Однако их развитие сталкивается с проблемой «последней мили», выражющейся в высокой стоимости и сложностях с качеством доставки.

Государственная политика также оказывает существенное влияние на отраслевой ландшафт. Реализуемые программы поддержки малого бизнеса, налоговые льготы, субсидии на создание торговых объектов (центров, ярмарок) напрямую формируют условия для развития розницы. Пилотные проекты по цифровизации торговли, запущенные в ряде регионов в 2024 году (включая внедрение интеллектуальных систем учета товарооборота), способствуют повышению прозрачности отрасли и сокращению теневого сектора.

Проблемы и вызовы. Наиболее значимым вызовом остается резкая неравномерность развития торговой инфраструктуры. Инвестиции концентрируются преимущественно в крупных городах, оставляя малые населенные пункты без должного внимания. Это создает угрозу углубления социального неравенства: жители центральных районов обладают широким выбором товаров и услуг, тогда как потребители в сельской местности сталкиваются с ограниченным ассортиментом и завышенными ценами.

Второй серьезной проблемой является постоянный рост затрат бизнеса. Увеличение расходов на аренду, логистику и оплату труда неуклонно снижает рентабельность предприятий. Особенно тяжело эта ситуация сказывается на малых и средних компаниях, которым сложно конкурировать с мощными федеральными сетями.

Отдельно стоит проблема нехватки квалифицированных специалистов. Сфера розничной торговли заинтересована в компетентных кадрах в логистике, маркетинге, управлении цифровыми продажами. Дефицит таких специалистов в регионах ощущается острее, чем в столице, что серьезно тормозит процессы модернизации отрасли.

Наконец, сохраняется вызов, связанный с адаптацией к стремительно меняющимся потребительским трендам. Молодежь все больше ориентируется на онлайн-покупки, мгновенное обслуживание и персонализированные предложения. Традиционным игрокам часто не хватает гибкости и скорости, чтобы успевать за этими переменами [4].

Перспективы развития и инструменты регулирования. В ближайшие годы развитие российских розничных рынков будет идти по пути углубленной интеграции онлайн и офлайн каналов. Потребительский запрос на удобство и гибкость делает модель «купил онлайн – получил в ближайшем магазине» новым стандартом. Это неизбежно усилит конкуренцию и потребует от бизнеса пересмотра устоявшихся организационных моделей [6].

С точки зрения государственного регулирования, ключевым становится создание благоприятных институциональных условий. Важнейшими мерами являются упро-

щение налогового администрирования для малого бизнеса, адресная поддержка развития логистической инфраструктуры и стимулирование кооперации между местными производителями и торговыми сетями. Особую актуальность в 2025 году приобретают долгосрочные инвестиции в цифровую экономику регионов, обеспечивающие доступ к современным технологиям [7], [8].

Возрастающая роль розницы в региональном развитии диктует необходимость внедрения системы постоянного мониторинга на уровне субъектов Федерации. Это позволит оперативно выявлять возникающие дисбалансы и принимать адресные меры для стяжания территориального неравенства.

Выводы. Период 2024–2025 годов стал временем активной трансформации для региональных рынков розничной торговли России. Они чутко отражают как позитивные, так и негативные тенденции в экономике страны. С одной стороны, розница продолжает оставаться важным источником занятости и налоговых доходов, стимулирует спрос на продукцию местных предприятий и выступает драйвером внедрения цифровых решений. С другой стороны, отрасль сталкивается с устойчивыми вызовами: сохраняющейся неравномерностью развития инфраструктуры, растущими издержками и ограниченной покупательной способностью значительной части населения в регионах.

Успешное будущее розничной торговли будет определяться эффективным сочетанием трех ключевых элементов: способностью адаптироваться к новым технологическим реалиям, политикой, направленной на выравнивание региональных диспропорций, и активной ролью государства в формировании поддерживающей институциональной среды. Достижение устойчивого баланса между этими составляющими – необходимое условие для выполнения региональными рынками своей главной функции: быть двигателем экономического роста и фактором пространственной интеграции России.

Литература

1. Азарян Е. М., Бурун Е. П. Современное состояние розничной торговли на этапе развития региональной и отраслевой экономики // Торговля и рынок: научный журнал. выпуск № 3'(59), том 2, часть 2, 2021. – С. 9.
2. Бармута К. А., Кушнаренко Т. В. Влияние современных тенденций развития розничной торговли на изменение конъюнктуры потребительского рынка // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. – Т. 14. – №. 4А. – С. 381-391.
3. Белова Л. А., Верона Л. И. Современные тренды российской розничной торговли // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. – №. 1 (33). – С. 42-46.
4. Година О. В. и др. Особенности и перспективы инновационного развития розничной торговли в современных условиях // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2022. – Т. 1. – №. 1. – С. 31-38.
5. Курченков В. В., Лавлинсков С. А. Формирование стратегии экономического развития регионов в современных условиях: вызовы и перспективы // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2025. – Т. 16. – №. 2. – С. 134-143.
6. Кутяшова Е. В., Скобелева О. А. Перспективы развития розничной торговли России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. – Т. 34. №. 1. – С. 28-33.

7. Мунши А. Ю., Александрова Л. Ю., Мунши Ш. М. Развитие розничной торговли России в контексте ее цифровизации // Экономика, предпринимательство и право. 2022. – Т. 12. №. 5. – С. 1599-1612.
8. Попенкова Д.К., Стукалова И.Б. Трансформация розничной торговли в условиях цифровизации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. №. 2-1. – С. 89-99.
9. Решетникова Е. Г. Проблемы и перспективы развития розничных сельскохозяйственных рынков // Международный сельскохозяйственный журнал. 2024. – №. 1. – С. 27-31.
10. Сурай Н. М., Бабарыкин В. П., Баранова В. А. Современное состояние и потенциал развития регионального ритейла (на примере Алтайского края) // Экономика Профессия Бизнес. 2025. – №. 1. – С. 105-113.
11. Тихомирова В. В. Состояние и динамика развития рынка оптовой и розничной торговли северных регионов // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. – №. 10-3. – С. 427.
12. Ярцев М. М. Влияния трансформации потребительских предпочтений на развитие экономического механизма деятельности розничных сетей // Финансовые рынки и банки. 2024. – №. 7. – С. 55-62.

УДК 338.24

DOI: 10.52897/978-5-7937-2883-6-2025-35-42

Гресь Р. А.

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АРХИТЕКТУРЫ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Муниципальные образования Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ/российская Арктика/Арктическая зона) сегодня оказались в дилемме выбора стратегических приоритетов. С одной стороны, существует декларируемая потребность освоения арктических пространств, с другой стороны, осуществляется управляемое сжатие. Внутри этой диалектики муниципалитеты ищут собственные модели развития, опираясь на идеи цифровой трансформации, ESG и устойчивого развития, формирования креативной экономики и экономики знаний, развития городских агломераций, брендирования территорий для развития туризма и удержания населения и т.д. Какие бы ни были идеи, проекты или решения стратегическое планирование должно выступать проводником любых новых моделей роста.

Через стратегические документы местные сообщества, муниципальные и региональные власти могут артикулировать намерения относительно развития собственной территории. Однако любой стратегический документ не существует вне определенной

¹ Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием ИПРЭ РАН по теме «Разработка теоретико-методологических положений научно-технологического развития экономики на основе инновационной динамики и формирования механизмов ее реализации в регионах» (код FMGS-2024-0001).

системы стратегического планирования. Такая система есть и в Российской Федерации с традиционным разделением на социально-экономическое и пространственное планирование. Можно говорить и о макрорегиональных системах планирования, являющихся частью (подсистемой) национальной системы, где помимо общих для всех федеральных нормативных актов действуют и специальные макрорегиональные, такие как, Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 года № 645). Для Арктической зоны достаточно четко можно выделить такую макрорегиональную систему планирования.

Проблемы институционального развития Арктической зоны РФ, которые сильно сопряжены с тематикой развития макрорегиональной системы планирования, неоднократно рассматривались в научных работах [1; 2; 8; 9; 11; 12]. Стратегические документы выступают своего рода маркером институциональных изменений, в тоже время и само стратегирование в его конкретно локализованной форме можно определенно рассматривать как общественный институт. Таким образом, качество стратегии – это не просто качество документа, а отражение качества работы институтов и всех общественных взаимодействий.

На практике качество разрабатываемых стратегических документов, в особенности муниципальных, зачастую не соответствует тому уровню, чтобы позволять эффективно отвечать на реальные вызовы социально-экономического и пространственного развития. Во многом, проблемы несогласованности документов социально-экономического и пространственного планирования, беспорядочности структур стратегий, чрезмерной унифицированности документов без отражения географической специфики муниципальных образований, отсутствия результатов предварительных полевых исследований и аналитических работ, невключение прогнозных моделей и многого другого (подробнее: [4; 5; 13]) являются системными и касаются большого числа муниципальных образований в Арктической зоне.

Перечисленные проблемы особо затрагивают те муниципалитеты, которым, как правило, свойственны высокая степень дотационности (дефициты бюджетов), отсутствие собственных крупных образовательных и научных центров (не обязательно государственных, такие центры могут быть и в рамках корпораций, акционерных обществ с государственным участием), отсутствие квалифицированных муниципальных кадров. Иными словами, если муниципалитет не может себе позволить обратиться к консультантам, и не может рассчитывать на помощь со стороны местных ученых и экспертов, которых просто нет, то разработкой стратегии занимается местный «департамент» экономического развития, исходя из собственных представлений о том, какой должна быть стратегия.

Если и в этом случае нет компетентных специалистов, то остается только полагаться на помощь со стороны региона, в этом ключе существует множество практик, включая прямую разработку шаблона стратегии с последующей передачей этого шаблона в муниципалитет для внесения уточняющих правок. Напомним, что по 172-ФЗ муниципалитет не обязан иметь утвержденную стратегию социально-экономического развития, однако на практике ситуация сильно зависит от конкретного региона.

Учитывая всю сумму возможных обстоятельств, в итоге выходит так, что качество муниципальных стратегических документов в АЗРФ сильно варьируется, а соседние муниципальные образования могут иметь совершенно разные по проработанности стратегии. Финансово состоятельные муниципальные образования укрепляют свои параметры социально-экономического развития через реализацию флагманских проектов, заложенных в качественных стратегиях. Для других же разработка и реализация стратегии превращается в дополнительную отчетность и нагрузку на небольшой коллектив муниципальных служащих. Это «неравенство потенциалов стратегирования» и многие другие проблемы муниципального стратегирования неоднократно дискутировались в научной литературе [3; 6; 10]. Сложившуюся ситуацию нельзя считать удовлетворительной. Количество ошибок в функционировании системы накапливается. Система стратегического планирования в АЗРФ нуждается в модернизации.

Система стратегического планирования в России является сложной системой с собственной динамикой. Как описывалось ранее, данная система прошла уже как минимум три этапа в своем развитии и находится на четвертом (подробнее [7]). Рекомендации по дальнейшему ее совершенствованию выдвигались неоднократно, однако изменения входили в практику быстрее, чем происходила определенная рефлексия.

Так, появление мастер-планов стало большим вызовом для системы стратегического планирования. Как впишутся мастер-планы в эту систему, до сих пор не ясно, однако на практике последние уже существуют одновременно со стратегиями и генеральными планами. Пример мастер-планов отчетливо показывает, что необходимо не только предлагать рекомендации для самих элементов системы планирования, но и включать решения по изменению собственно архитектуры системы.

С учетом развития исследовательских подходов к изучению стратегий в научный оборот все чаще вводятся результаты, полученные с применением технологий искусственного интеллекта (ИИ). Наряду с прочим ИИ-ассистенты способны предложить рекомендации по совершенствованию системы стратегического планирования. Для ознакомления с подобными рекомендациями производится обращение к трем ИИ-ассистентам DeepSeek (компания «High-Flyer», Китай), GigaChat (компания «Сбер», Россия) и Gemini (компания «Google», США). От ИИ-ассистентов требовалось привести непосредственно рекомендации и общее заключение в соответствии с авторским промтом (см. Табл. 1).

Нельзя сказать, что рекомендации от DeepSeek, Gemini и GigaChat идентичны друг другу, например, только Gemini подчеркнул необходимость более широкого вовлечения представителей КМНС в стратегирование, а GigaChat обратил внимание на потребность повышения квалификации кадров в сфере разработки стратегических документов. DeepSeek предлагал несколько схожую идею в рамках «социального развития и человеческого капитала» (см. табл. 1), однако в несколько ином ключе с упором на создание арктических научно-образовательных центров в Мурманске, Архангельске и Якутске для привлечения квалифицированных специалистов в Арктическую зону.

Напротив, имеется и ряд таких положений, которые в разных формах были обозначены всеми тремя ИИ-ассистентами. К таким положениям, например, относится цифровая трансформация / интеграция и координация между разными уровнями и «плоскостями» планирования. В целом предложения ИИ-ассистентов последовательны, адекватны и логичны.

Таблица 1 – Рекомендации ИИ-ассистентов по направлениям совершенствования системы стратегического планирования в АЗРФ

ИИ-ассистент	Предложенные направления рекомендаций (кратко)	Заключение ИИ-ассистента
DeepSeek	<ol style="list-style-type: none"> 1. Укрепление нормативно-правовой базы; 2. Совершенствование системы управления и координации; 3. Повышение качества данных и аналитики; 4. Оптимизация инфраструктурного планирования; 5. Учет экологических и климатических факторов; 6. Усиление международного взаимодействия; 7. Социальное развитие и человеческий капитал. 	Для эффективного стратегического планирования в Арктике необходимо сочетать централизованное управление с гибкостью в реализации проектов, активно использовать цифровые технологии и учитывать климатические изменения. Ключевыми элементами должны стать единая платформа данных, межведомственная координация и адаптивное законодательство.
Gemini (Google AI)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Уточнение и гармонизация целей и показателей; 2. Совершенствование системы прогнозирования; 3. Разработка механизмов интеграции различных видов планирования; 4. Использование современных цифровых технологий; 5. Усиление координации между федеральными и региональными органами власти; 6. Развитие механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП); 7. Усиление роли науки и образования; 8. Вовлечение коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в процесс планирования; 9. Разработка системы мониторинга реализации стратегии; 10. Проведение оценки эффективности реализации стратегии; 11. Обеспечение прозрачности и подотчетности. 	Совершенствование системы стратегического планирования в Арктической зоне РФ требует комплексного подхода, охватывающего методологические, институциональные и информационные аспекты. Важно учитывать специфику региона, интересы различных заинтересованных сторон и использовать современные методы и технологии планирования. Эффективная система стратегического планирования позволит обеспечить устойчивое развитие Арктической зоны, укрепление национальной безопасности и улучшение качества жизни населения.
GigaChat	<ol style="list-style-type: none"> 1. Совершенствование институциональной базы стратегического планирования (Создание единого координирующего органа, формирование межведомственной рабочей группы); 2. Повышение качества нормативно-правовой базы (Регулярное обновление законодательства, закрепление особых правовых режимов); 3. Оптимизация механизмов координации и интеграции (Разработка унифицированных стандартов взаимодействия, использование цифровых платформ для совместной работы); 4. Повышение открытости и общественного участия (Организация публичных консультаций, Привлечение независимых экспертов); 5. Совершенствование системы мониторинга и оценки реализации стратегий (Введение обязательных индикаторов эффективности, Независимый аудит и публичная отчётность); 6. Цифровая трансформация процессов стратегического планирования (Применение геоинформационных систем (ГИС), Анализ больших данных (Big Data)); 7. Подготовка и профессиональная переподготовка кадров (Повышение квалификации специалистов, Международное сотрудничество и обмен опытом). 	Эффективное стратегическое планирование в Арктической зоне требует формирования единого координирующего института и регулярной адаптации законодательной базы с учетом региональной специфики. Важнейшими инструментами становятся цифровая трансформация процессов, широкое общественное участие и независимая экспертиза реализуемых мер. Для повышения прозрачности и управляемости необходима система мониторинга и отчетов с использованием четких индикаторов достижения поставленных целей. Наконец, профессиональное обучение и подготовка квалифицированных кадров станут залогом успешной реализации стратегических планов в условиях Арктики.

Составлено автором с использованием технологий ИИ.

Прим.: Исходный промт для работы с ИИ-ассистентами - «Ты аналитик-исследователь. Укажи направления совершенствования системы стратегического планирования в Арктической зоне РФ».

Из минусов работы с ИИ по данной тематике следует отметить периодическое неразличение ИИ-ассистентами собственно социально-экономического развития и аспектов планирования этого развития. Так, GigaChat неоднократно приводил рекомендации по конкретным сюжетам (геополитические трансформации в Арктике, изменение климата и др.), которые могли бы быть имплементированы в стратегии. Это касается конкретных стратегий, но не самой системы. При последующих итерациях по дополнительным комментариям пользователя ИИ-ассистент корректировал свои ответы.

Учет рекомендаций ИИ-ассистентов возможно производить не только в общем виде, но и в рамках конкретных муниципальных образований и регионов российской Арктики. Такую задачу невозможно выполнить только за счет экспертных ресурсов, коих не хватит на все муниципальные образования АЗРФ, но можно значительно упростить за счет использования технологий ИИ. Перспективы использования ИИ в стратегическом планировании пока до конца не определены, однако ИИ-ассистенты уже сейчас определенно могут помочь с различными задачами при стратегировании.

Ориентируясь на результаты, полученные с помощью обращения к трем ИИ-ассистентам (см. Табл. 1), следует предложить собственные рекомендации по совершенствованию архитектуры системы стратегического планирования в АЗРФ. Рекомендации должны четко соответствовать проблемным зонам, только тогда они будут уместны и применимы. Среди ключевых проблемных вопросов по тематике направлений совершенствования архитектуры системы стратегического планирования в АЗРФ на текущий момент можно назвать:

- *Роль и место мастер-планов в системе планирования.* Мастер-планы определенно точно должны быть нормативно включены в существующую систему планирования, предстоит четко определить положение мастер-планов относительно других видов документов;

- *Пределы допустимости вариаций структуры стратегических документов на уровне региона; на уровне муниципалитета.* Автономность локальных стратегических систем при наличии национальной системы является дискуссионным вопросом. В качестве его решения возможно использовать блоковый/модульный подходы, когда выделяется группа базовых обязательных документов и группа вариативных. Спектр вариативных документов следует утвердить на федеральном уровне;

- *Признание модульного принципа разработки муниципальных стратегических документов.* Помимо самой системы планирования, модульный подход применим непосредственно и в стратегировании. Выделение типовых готовых модулей, там, где это возможно и не противоречит местной специфике, существенно упростит разработку муниципальных стратегий. Использование цифровых технологий позволит осуществлять работу с модулями в удобном для разработчиков формате;

- *Параметры обязательной партисипаторности.* Разработка любого современного стратегического документа ориентирована на конкретное сообщество города, района, региона, и не может реализовываться без участия жителей. Существуют разные практики партисипаторности, вышедшие на новый уровень благодаря цифровым технологиям. Достаточно упомянуть применение ГИС-технологий для сбора и агрегации предложений от жителей с автоматическим геокодированием поступающих запросов.

Необходимо провести ревизию современных практик и тиражировать лучшие из них в дальнейшем.

В числе других, но не менее важных проблемных вопросов для системы стратегического планирования можно обозначить:

- Соотношение «обязательных» и «рекомендованных» документов;
- Гармонизация горизонтов планирования. Наличие собственных циклов планирования муниципальных образований;
- Разрешенность узкоотраслевых документов планирования на локальном уровне;
- Интеграция корпоративных стратегий в систему;
- Распространение практики социально-экономического и пространственного планирования городских агломераций;
- Софинансирование разработки стратегических документов;
- Горизонтальная и вертикальная согласованность стратегических документов;
- Включение сквозных сюжетов развития в систему планирования;
- Введение единой палитры индикаторов, ориентированных на прогнозы социально-экономического развития;
- Нормативное регулирование степени пластиности систем регионального и муниципального планирования;
- Легитимизация общих методических стандартов разработки.

Рекомендации по совершенствованию системы планирования последовательно вытекают из обозначенных 15 проблемных вопросов в зависимости от утвердительного или отрицательного ответа на них. Далеко не все из перечисленных вопросов были даже приближенно упомянуты ИИ-ассистентами в форме направлений рекомендаций. ИИ-ассистенты не затрагивали тему социально-экономического и пространственного развития арктических агломераций, хотя актуальность такой проблематики не вызывает сомнений в условиях, когда разрабатываются мастер-планы опорных населенных пунктов (агломераций) АЗРФ. Этот пример еще раз подтверждает, что именно сочетание экспертных методик и методик на основе ИИ может позволить добиться желаемых результатов в части определения направлений совершенствования системы стратегического планирования в АЗРФ.

Как итог, следует указать ключевые выводы по результатам проведенной работы:

1. Система стратегического планирования АЗРФ должна отвечать современным вызовам пространственного и социально-экономического развития.
2. Система стратегического планирования АЗРФ находится в постоянной динамике, в результате де-факто расходится с де-юре.
3. Приходится планировать не только развитие, но и саму систему планирования, описывать ее архитектуру и эволюцию на различных временных горизонтах.
4. Использование экспертных методик совместно с методиками на основе ИИ позволит сформировать качественные рекомендации с перспективой их масштабирования.

Литература

1. Богачев В.Ф., Козьменко С.Ю., Тесля А.Б., Щеголькова А.А. Развитие арктической системы коммуникаций как фактор обеспечения гарантированного доступа к

стратегическим ресурсам // Управленческие науки. – 2018. – № 8(3). – С. 6-19. – DOI: 10.26794/2404-022X-2018-8-3-6-19.

2. Богачев В. Ф., Котов А.И., Микуленок А.С. Методологические основы структурной трансформации экономики арктических регионов // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2024. – № 1(76). – С. 145-151. – DOI 10.52897/2411-4588-2024-1-145-151.

3. Глинский В.В. и др. О проблемах стратегирования муниципальных образований (на примере разработки стратегии социально-экономического развития МО «Мирнинский район» Республики Саха (Якутия) // Вестник кафедры статистики Российской экономического университета имени Г.В. Плеханова: Статистические исследования социально-экономического развития России и перспективы устойчивого роста: материалы и доклады, Москва, 21–25 мая 2018 года / Под общ. ред. Н.А. Садовниковой. – Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2018. – С. 48-53.

4. Гресь Р.А. Арктическая специфика: контент-анализ стратегий регионов и муниципалитетов Российской Арктики // Региональные исследования. – 2024. – № 1. – С. 88–100. – DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-6.

5. Гресь Р.А. Этнокультурные аспекты арктической специфики в стратегиях социально-экономического развития регионов и муниципалитетов Арктической зоны Российской Федерации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. – 2024. – №3. – С. 23-42. – DOI: 10.5922/vestniknat-2024-3-2.

6. Дидақ В.В., Рябова Л.А. Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в муниципалитетах российского Севера и Арктики // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. – 2013. – №. 5. – С. 54-63.

7. Жихаревич Б.С., Гресь Р.А. 25 лет российского стратегирования (1997-2022): опыт измерения тенденций // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2022. – № 4(71). – С. 11-22. – DOI: 10.52897/2411-4588-2022-4-11-22.

8. Окрепилов В.В., Богачев В.Ф. Современные тренды в структурной трансформации экономики арктических регионов // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2023. № 4(75). – С. 6-12. – DOI 10.52897/2411-4588-2023-4-6-12.

9. Скуфына Т.П., Митрошина М.Н. Трансформация социально-экономического пространства российской Арктики в контексте геополитики, макроэкономики, внутренних факторов развития // Арктика и Север. – 2020. – № 41. – С. 87–112. – DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.87.

10. Смылова О. Ю. Проблемы стратегирования социально-экономического развития муниципального образования // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. – 2021. – Т. 18, № 5. – С. 11-17.

11. Хаценко Е.С., Доронин Н.С. Особенности институционального развития Арктической зоны Российской Федерации // Региональная и отраслевая экономика. – 2025. – № 1. – С. 99-110. – DOI: 10.47576/2949-1916.2025.1.1.012.

12. Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками / В. А. Крюков, Я. В. Крюков, С. В.

Кузнецов [и др.]. Апатиты : Кольский научный центр РАН, 2020. – 245 с. – DOI: 10.37614/978.5.91137.416.7.

13. Gres R.A., Zhikharevich B.S., Pribyshin T.K. Arctic Specific in Arctic Municipal Strategies // Regional Research of Russia. – 2022. – V. 12, I. 3. – pp. 192-203. – DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079970522020125>.

УДК 332.1

DOI: 10.52897/978-5-7937-2883-6-2025-42-47

*Гудзь Н. Ю.,
Бурылов В. С.*

УПРАВЛЕНИЕ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИЕЙ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Изучение трудовой миграции традиционно занимает центральное место в социально-экономических исследованиях, поскольку перемещения рабочей силы напрямую влияют на экономическую динамику, демографию и социальную стабильность. Российская миграционная ситуация характеризуется высокой территориальной неоднородностью. Для одних регионов привлечение трудовых мигрантов становится условием выживания целых отраслей экономики, в то время как другие сталкиваются с трудностями интеграции и ростом социальной напряженности из-за увеличивающегося числа приезжих.

В последние годы значимость этих процессов возросла. Отмечено одновременное воздействие нескольких важных факторов: изменение демографической структуры, увеличение объемов как внутренней, так и внешней миграции, а также потребность в пространственном выравнивании экономического развития. В такой обстановке система регулирования и управления миграцией нуждается в гибкости, обязательном учете особенностей каждого субъекта Федерации и формировании условий для устойчивого социального климата [5], [8].

Цель данного исследования – провести комплексный анализ современных тенденций трудовой миграции, выявить ключевые факторы ее развития и определить перспективы регулирования и управления этим процессом в региональном контексте. Объектом изучения выступают миграционные процессы в российских регионах, представляющие собой важный элемент национальной экономики, обеспечивающий компенсацию нехватки трудовых ресурсов, развитие ключевых отраслей и поддержку территориального роста. Предмет исследования сфокусирован на социально-экономических механизмах, действующих на миграционные потоки: структурных сдвигах в экономике, институциональной политике, цифровизации госуслуг и инструментах адаптации мигрантов. Методологическая основа включает сравнительный анализ региональных данных, статистическую обработку динамических показателей, системный подход к изучению факторов изменений и элементы институционального анализа для оценки эффективности государственного регулирования.

Теоретико-методологические основы исследования. Экономическая наука осмысливает трудовую миграцию в рамках нескольких ключевых концепций. Теория

человеческого капитала объясняет стремление мигрантов к территориям, где их знания и навыки приносят максимальную отдачу. Теория сетевой миграции подчеркивает роль устойчивых связей между диаспорами и принимающими регионами, упрощающих перемещение и адаптацию. Анализ региональных диспропорций опирается на модели «центр-периферия», раскрывающие механизм постоянного притяжения рабочей силы в крупные центры и истощения ресурсов периферии.

Методология исследования интегрирует три взаимодополняющих подхода. Количественный подход реализован через статистический анализ данных о внутренней и внешней миграции, структуре занятости и демографии. Институциональный подход фокусируется на оценке влияния законодательных изменений и управленческих практик [1], [9]. Междисциплинарная перспектива предполагает применение социологических и культурологических методов для изучения восприятия миграции населением и ее социальных последствий.

Современные тенденции. В последние годы отмечена ускоренная трансформация миграционных процессов. Разрыв в уровне зарплат и качестве жизни между столичными и периферийными регионами усилил внутреннюю миграцию. Крупные города и агломерации не просто остаются магнитами для рабочей силы, но и становятся сложными узлами интеграции национального и международного рынков труда.

Изменение внешнеэкономической конъюнктуры – ужесточение глобальной конкуренции, санкций, перестройка логистики – повлияло на структуру миграционных потоков и отраслевой спрос. Особенно заметно возросла потребность в работниках в строительстве, транспортной инфраструктуре и сфере услуг, где труд мигрантов часто становится критически важным [3], [9]. Динамика трудовой миграции в Российской Федерации представлена в табл. 1

Таблица 1 – Динамика трудовой миграции в России

Год	Внутренняя миграция (тыс. чел.)	Внешняя трудовая миграция (численность мигрантов на рынке, тыс. чел.)	Доля легально оформленных трудовых мигрантов, %	Основные отрасли занятости
2023	2700	3500–4500	65–75	Строительство, торговля, сельское хозяйство, транспорт, услуги ЖКХ
2024	2600–2700	3700–4600	70	Строительство, логистика, услуги
2025 (прогноз)	2550–2650	3800–4700	72–78	Строительство, транспорт, ЖКХ, агропром

Характерной чертой этого периода стала активная цифровизация регулирования. Широкое внедрение систем онлайн-регистрации, электронных сервисов оформления документов и порталов для работодателей снижает бюрократические барьеры, повышая прозрачность взаимодействия мигрантов, бизнеса и власти.

Особенности в региональном измерении. География российской миграции крайне неоднородна. Центральный федеральный округ сохраняет лидерство по притоку работников как из других регионов, так и из-за рубежа, концентрируя примерно треть общего потока. Это укрепляет экономику центра, но усугубляет проблемы с транспортной инфраструктурой, дефицитом жилья и социальной адаптацией.

Регионы Поволжья и Урала демонстрируют стабильный, хотя и умеренный, приток трудовых мигрантов благодаря развитой промышленности и АПК. Здесь востребованы не только низкоквалифицированные кадры, но и специалисты среднего звена для технологической модернизации предприятий.

Сибирь и Дальний Восток сталкиваются с наиболее острыми вызовами. Отток местного населения в европейскую часть делает эти регионы зависимыми от внешних трудовых ресурсов. Однако суровый климат и удаленность приводят к тому, что мигранты часто воспринимают работу здесь как временную. Государственные программы, предлагающие льготы, жилищные субсидии и социальные гарантии, пока не смогли кардинально переломить эту тенденцию.

Южные регионы занимают двойственную позицию. Они выступают источником внутренней миграции в столицу, одновременно принимая иностранных рабочих, преимущественно в сельское хозяйство и строительство. Эта специфика создает гибкий, но уязвимый к кризисам рынок труда. Потребность федеральных округов в трудовых мигрантах представлена в табл. 2.

Таблица 2 – Потребность в трудовых мигрантах по федеральным округам Российской Федерации, 2024 г.

Федеральный округ	Дефицит рабочей силы (тыс. чел.)	Основные сектора мигрантской занятости	Степень зависимости от мигрантов
Центральный	420	Строительство, транспорт, услуги	Высокая
Северо-Западный	180	ЖКХ, логистика, розничная торговля	Средняя
Южный	300	Сельское хозяйство, строительство	Высокая
Приволжский	210	Промышленность, торговля	Средняя
Уральский	150	Добыча, металлургия, транспорт	Средняя
Сибирский	260	Агропром, транспорт	Высокая
Дальневосточный	310	Добывающая отрасль, строительство	Очень высокая

Система регулирования миграции функционирует на многоуровневой основе. Федеральное законодательство задает общие рамки въезда, регистрации и трудоустройства, а региональные власти реализуют конкретные управленческие меры.

Ключевым направлением стало формирование инфраструктуры адаптации. В ряде субъектов РФ открылись многофункциональные миграционные центры, представляющие полный спектр услуг – от первичной регистрации до образовательных программ. Это упростило легализацию и разгрузило местные администрации [1].

Региональные власти стремятся балансировать между экономическими потребностями и защитой интересов местных жителей. Для этого используются квоты, соглашения между службами занятости и бизнесом, а в некоторых регионах – системы электронных ваучеров, позволяющих контролировать трудовые контракты мигрантов и бороться с нелегальными схемами.

Факторы трансформации рынка труда. Демографическая ситуация выступает ключевым драйвером трудовой миграции. Сокращение численности населения трудоспособного возраста создает объективную потребность в привлечении дополнительных трудовых ресурсов. Особенно остро дефицит кадров проявляется в строительстве, транспортной отрасли и агропромышленном комплексе [2], [4].

Экономическая динамика служит вторым важным фактором. Регионы с растущим несыревым сектором превращаются в центры притяжения мигрантов. Однако параллельное снижение реальных доходов местного населения обостряет конкуренцию на рынке труда, требуя взвешенной политики регулирования.

Цифровизация стала третьим значимым фактором изменений. Активное внедрение электронных платформ регистрации, биометрических систем контроля и аналитики больших данных существенно повысило эффективность регулирующих механизмов. При этом сохраняется проблема технологического неравенства регионов: не все субъекты Федерации обладают необходимой цифровой инфраструктурой и компетенциями.

Проблемы и вызовы. Несмотря на достигнутый прогресс, сохраняется комплекс серьезных проблем. Наиболее критична ситуация с нелегальной занятостью. По официальным оценкам, до 18% мигрантов работают без оформленных контрактов, что подрывает налоговую базу и систему социального обеспечения.

Социальная интеграция сталкивается с системными сложностями. В мегаполисах наблюдается тенденция к образованию замкнутых этнических анклавов, тогда как в малых городах мигранты сталкиваются с ограниченным доступом к образовательным и медицинским услугам.

Отдельный вызов связан с общественными настроениями. Увеличение миграционного потока периодически провоцирует рост социальной напряженности, особенно в регионах с высокой безработицей. Это требует от властей тонкой балансировки интересов, проведения разъяснительной работы и реализации программ межкультурной коммуникации.

Перспективы развития и направления регулирования. Дальнейшее совершенствование регулирования предполагает усиление регионального компонента. Универсальные федеральные подходы необходимо дополнять адаптированными программами, учитывающими локальную специфику спроса на труд и демографические особенности.

Перспективной инициативой видится создание интеграционных центров при региональных вузах и колледжах. Такие структуры могли бы совмещать профессиональную подготовку местных жителей с адаптационными курсами для мигрантов.

Крайне важным направлением становится развитие межрегиональной координации. Формирование сетевых программ, налаживание обмена данными и согласованность действий помогут сглаживать дисбалансы, когда одни территории страдают от избытка рабочей силы, а другие испытывают ее острый дефицит.

В долгосрочной перспективе ожидается становление гибридной модели регулирования с доминирующей ролью цифровых технологий. Автоматизированные системы позволяют оперативно выявлять нарушения, прогнозировать потребности в кадрах и формировать гибкую политику занятости.

Заключение. Исследование трудовой миграции в региональном разрезе за последние годы подтверждает сложную природу этого явления. Оно объединяет экономическую целесообразность и социальные риски, выступая для одних регионов катализатором развития, а для других — источником напряженности.

Эффективное управление требует слаженного взаимодействия федеральных и региональных институтов при активном участии бизнеса и гражданского общества. Ключевая задача заключается не столько в привлечении рабочей силы, сколько в ее успешной интеграции, превращающей миграцию в ресурс устойчивого развития территорий, а не в причину конфликтов.

Опыт, основанный на времени, доказывает необходимость комплексного подхода, объединяющего статистический мониторинг, правовое регулирование и социальные программы. Лишь такой системный взгляд позволит трансформировать трудовую миграцию в инструмент пространственного развития, повышения качества жизни и укрепления национального единства.

Литература

1. Долженко Р. А., Антонов Д. А. Возможности и перспективы развития клиентоцентрических центров занятости в регионе // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2024. – №. 66. – С. 251-268.
2. Колбанова А. Е. и др. Регулирование рынка труда в обеспечении экономической безопасности региона (миграционный аспект): дипломная работа (проект) специалиста по направлению подготовки: 38.05. 01-Экономическая безопасность. – 2021.
3. Киреев А. А., Денисенко В. А., Сазыкин А. М. Глава 2.3. Приграничное сотрудничество с КНДР // Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. – 2021. – С. 99-121.
4. Курикова Н. В. и др. Экспертно-аналитический семинар: учебно-методическое пособие для языковой подготовки иностранных учащихся к написанию выпускной квалификационной работы по специальности «Регионоведение России». – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та. 2024.
5. Региональная экономика и управление [Электронный ресурс] : учебное пособие для обучающихся по образовательным программам высшего образования по направлению подготовки 38.04.04 Государственное и муниципальное управление / Е. А. Лавренко, М. Г. Круталевич; М-во науки и высш. образования РФ, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Оренбург. гос. ун-т». - Оренбург : ОГУ. - 2021. - 181 с. - Загл. с тит. экрана.

6. Морозов П. Е. Новый научный подход к решению правовых проблем в условиях пандемий (на основе международного, российского и зарубежного правового опыта). – М.: Издательство «Проспект», 2021.
7. Стукалова Ю. Е. Оценка эффективности управления муниципальным образованием // Научные исследования молодых учёных. №3. – 2022. – С. 49.
8. Павлов К.В., Зенькова И.В., Никифоров С.А. Эффективность выбора логистических центров при транспортировке мясомолочной продукции на зарубежные рынки из организаций Витебской области Беларусь // Географические основы изучения инфраструктуры : сб. ст. / отв. ред. В.П. Сидоров. – Ижевск : Удмуртский университет, 2023. – 237 с. – С. 150.
9. Социология регионального и городского развития : учебное пособие / В.К. Потемкин, А.А. Ахтырский, Д.В. Вельмисова. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2022. – С. 11-14.
10. Додоу Янь «Оставленные дети» как субъекты родительского труда в Китае: социологический анализ: автореф. дис ... канд. социол. наук : 4.4.3 / Доудоу Янь. – Екатеринбург: Уральский федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2023. – 22 с.

УДК 338.1

DOI: 10.52897/978-5-7937-2883-6-2025-47-52

Еникеева Л. А.

УПРАВЛЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИЕЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ¹

В соответствии с существующей нормативно-правовой базой (Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1], Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [2], Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов [3], Национальный проект «Международная кооперация и экспорт» (2019-2024) [4], Государственная программа РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика» (2014-2030) [5], Государственная программа РФ «Развитие внешнеэкономической деятельности» (2014-2030) [6] глобальные вызовы, которые оказывают влияние на внешнеэкономическую деятельность РФ и на развитие креативных (творческих) индустрий укрупненно представлены на рисунке 1.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ИПРЭ РАН по теме: «Новые условия и факторы социально-экологического развития регионов России в условиях цифровой трансформации экономики и общества» (№ Г.Р. 124012000100-7), (код – «FMGS-2024-0002»).

Трансформация миропорядка

- трансформация глобальных финансовых, логистических и производственных систем;
- рост геополитической и экономической нестабильности, международной конкуренции;
- системное неравенство на фоне ослабления национальных государственных институтов;
- снижение уровня участия в международной кооперации и повышение его сложности

Исчерпание возможностей экономического роста только за счет сырьевых ресурсов

- формирование экономики знаний;
- развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта;
- появление ограниченной группы стран-лидеров, обладающих передовыми технологиями;
- развитие креативной экономики

Демографический переход

- снижение рождаемости;
- увеличение продолжительности жизни;
- старение населения

Усиление антропогенных нагрузок на окружающую среду

- дефицит природных ресурсов;
- влияние экологии на здоровье граждан;
- изменение климата и его влияние на экономику, население и окружающую среду

Энергетическая безопасность

- качественное изменение характера глобальных и локальных энергетических систем;
- рост значимости энерговооруженности экономики;
- наращивание объемов выработки энергии;
- повышение эффективности использования

Продовольственная безопасность

- повышение конкурентоспособности отечественного сельскохозяйственной продукции на мировых рынках;
- снижение технологических рисков в агропромышленном комплексе на фоне глобального продовольственного кризиса

Гибридные внешние угрозы национальной безопасности

- военного, террористического, информационного, биологического и иного характера

Необходимость эффективного освоения и использования пространства

- преодоление диспропорций в социально-экономическом развитии территории;
- укрепление позиций в области экономического, научного и военного освоения космического и воздушного пространства, Мирового океана, Арктики и Антарктики

Рисунок 1 – Глобальные вызовы современности [1, 2, 3, 4, 5, 6, 10, 11]

Современные глобальные вызовы, такие как рост геополитической и экономической нестабильности, гибридные внешние угрозы национальной безопасности страны, снижение уровня и повышение сложности участия в международной кооперации, исчерпание возможностей экономического роста только за счет сырьевых ресурсов и др., обнажают хрупкость и цифровую неподготовленность экономики регионов к быстро меняющимся условиям хозяйствования, в том числе и в сегменте креативных (творческих) индустрий, требуя от региональной системы управления своевременной реакции, к которой они не все готовы. Так С. Ю. Исаев (2022), Л. В. Глезман (2022), А. А. Урасова (2022), Н. М. Умаргаджиева (2022), Д. М. Максубова (2022), Э. И. Мантаева (2024), И. В. Слободчикова (2024), В. С. Голденова (2024) и многие другие в своих исследованиях [7, 8, 9] отмечают важность и необходимость цифровой трансформации государственного управления в контексте регионального взаимодействия и определяют цифровую трансформацию как фундаментальное изменение бизнес-моделей, операционных процессов и продуктовой линейки под влиянием цифровых технологий, ведущее к созданию новой ценности [7, 8, 9].

Управление цифровой трансформацией региональных креативных (творческих) индустрий должно определяться деятельностью органов власти субъекта РФ по созданию условий для экономического и социокультурного развития региона, в том числе за счет «создания высокотехнологичной продукции креативных индустрий, региональных брендов, экспротоориентированных цифровых кластеров» [10, С. 1013].

В сложившихся непростых для экономики РФ условиях, необходима как никогда «переориентация российских компаний на новые рынки стран Азии, Латинской Америки, Африки с учетом специфики ведения бизнеса, диверсификация поставок и расширение спектра предлагаемых товаров и услуг российских компаний (особенно перспективно в сфере креативных (творческих) индустрий), цифровизация внешнеэкономической деятельности на основе использования современных ИТ-решений и цифровых платформ» [11].

Так как креативные (творческие) индустрии – это сектор экономики, основанный на генерации и коммерциализации интеллектуальной собственности, где ключевым активом является индивидуальное творчество и культурный смысл (дизайн, разработка игр, музыка, кино, цифровое искусство и т.д.), то цифровые креативные (творческие) индустрии могут стать новым «мягким» ресурсом региона, формируя его образ как современной, инновационной и привлекательной культурной среды для жизни и инвестиций при условии своевременного внедрения современных технологий, представленных на рисунке 2.

При этом повышение узнаваемости региона через успешные региональные бренды создает не только положительный внешний имидж, но и синергию с другими его секторами экономики.

Согласно данным Министерства экономического развития Российской Федерации, «устойчивый рост показывают региональные и локальные бренды (рисунок 2), а 30% из них начинают расширяться за пределы регионов, несмотря на серьезную конкуренцию с федеральными и международными брендами, которые имеют значительные маркетинговые бюджеты и сформировавшуюся лояльность потребителей» [12]. Многие эксперты отмечают хороший рост в сегменте электронной коммерции, где

«жители всей России получили доступ к бесконечным виртуальным витринам, позволяющим приобретать товары и услуги любых брендов независимо от их географического расположения» [12].

Обеспечение организаций и населения региона мобильным интернетом (до 1 000 Мбит/с) со связью 10G для производства и передачи современного контента (не просто видео, а AR, VR, MR и т. д.).

Использование генеративных нейросетей (GPT, Midjourney, Deep Seek и др.) и 3D-печати для производства современного контента

Активное применение технологий сбора, обработки и анализа больших данных (BI) и технологий нейромаркетинга

Использование нейроинтерфейсов с помощью специализированных устройств для создания музыки или визуальных эффектов с помощью мысленных импульсов в виртуальной среде (цифровая мода, интерактивное искусство и т.д.)

Развитие цифровой моды и цифрового искусства, что позволит молодежи, погруженной в цифровую среду, заниматься интерактивным искусством (например, в качестве цифровых художников и дизайнеров цифровой эпохи)

Создание специальных инструментов для графического контента и видеоконтента (Supa), управления проектами (Teamly) для поиска клиентов и обработки запросов

Технологии создания виртуальной (VR), дополненной (AR), смешанной (MR) реальности для создания объектов в виртуальной среде

Создание цифровой экосистемы (метавселенной) как экосистемы постоянно действующего виртуального пространства

Рисунок 2 – Технологии цифровой трансформации креативных (творческих) индустрий [10]

При этом повышение узнаваемости региона через успешные региональные бренды создает не только положительный внешний имидж, но и синергию с другими его секторами экономики.

Создание экспортноориентированных региональных цифровых кластеров позволит не только совершить переход от ресурсной экономики к экономике знаний, где главным активом и экспортным товаром становится интеллектуальный потенциал региона, но и напрямую бороться с «утечкой мозгов», создавая для своей талантливой молодежи престижные рабочие места, при этом еще и обеспечивая занятость и самореализацию населения старшего поколения.

Что касается представителей старшего поколения, то они получают новые возможности: становятся востребованными наставниками и кураторами, передавая молодым командам уникальные прикладные навыки и опыт, не поддающийся оцифровке в явном виде (цифровизация культурного наследия создает рабочие места для архивистов, музеиных работников и библиотекарей старшего возраста, чьи уникальные знания становятся основой для создания метаданных и курирования цифровых коллекций).

Могут выступать в роли экспертов по достижению исторической и культурной достоверности в крупных творческих проектах (игры, кино, анимация), основанных на конкретном материале, быть создателями специализированных онлайн-курсов по уникальным ремесленным или профессиональным техникам (изобразительное искусство, дизайн, кулинария) для глобальной аудитории. Предприниматели «серебряного» возраста получают возможность через цифровые платформы и маркетплейсы выводить на глобальный рынок продукты традиционных ремесел регионов, которые ранее имели лишь локальный сбыт.

Таким образом, экономика региона получает конкурентное преимущество для решения проблемы повышения инвестиционной привлекательности и узнаваемости региона за счет создания высокотехнологичной продукции креативных индустрий, адаптированной для глобальной аудитории, позволяя занять свою нишу на мировом рынке, используя уникальный культурный и исторический код региона.

Кластерный подход позволяет концентрировать ограниченные ресурсы региона на создании критической массы креативных (творческих) индустрий, разделяющих общую инфраструктуру, кадровый потенциал и уникальные компетенции региона. Создание цифровых креативных кластеров формирует принципиально новую, не сырьевую статью экспорта, основанную на результатах интеллектуальной деятельности и прямых валютных поступлениях от зарубежных заказчиков [11, 12].

В результате, грамотное управление цифровой трансформацией региональных креативных (творческих) индустрий в условиях глобальных вызовов позволит создать механизмы капитализации уникального продукта, превращая его в востребованный экономический актив в новой форме и провести диверсификацию экономики регионов через экспортноориентированные цифровые кластеры.

Литература

1. Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения: 29.09.2025).
2. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития

Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 07.05.2024 // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 25.09.2025).

3. Прогноз социально-экономического развития РФ на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов // Министерство экономического развития РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_ravvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_ravvitiya_rf_na_2025_god_i_na_planovyy_period_2026_i_2027_godov.html (дата обращения: 29.09.2025).

4. Национальный проект «Международная кооперація и экспорт» // Национальные проекты России [Электронный ресурс]. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/eksport/> (дата обращения: 29.09.2025).

5. Государственная программа РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика» // Министерство экономического развития РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d19/gosudarstvennaya_programma_ekonomicheskoe_ravvitie_i_innovacionnaya_ekonomika/ (дата обращения: 25.05.2025).

6. Государственная программа РФ «Развитие внешнеэкономической деятельности» // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d12/gp_rf_ravvitiye_vneshneekonomiceskoy_deyatelnosti/ (дата обращения: 30.09.2025).

7. Исаев С. Ю., Глэзман Л. В., Урасова А. А. Цифровая трансформация системы государственного управления в контексте регионального взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2022. №3 (305). С. 32-40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-sistemy-gosudarstvennogo-upravleniya-v-kontekste-regionalnogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 30.09.2025).

8. Мантаева Э. И., Слободчикова И. В., Голденова В. С. Предпосылки и перспективы цифровой трансформации государственного управления на региональном уровне // Вестник ВолГУ. Экономика. 2024. Т. 26. №3. С. 46-55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-i-perspektivy-tsifrovoy-transformatsii-gosudarstvennogo-upravleniya-na-regionalnom-urovne> (дата обращения: 30.09.2025).

9. Умаргаджиева Н. М., Максубова Д. М. Проблемы и перспективы цифровизации государственного управления на региональном уровне // Журнал прикладных исследований. 2022. №5. С. 170-174. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-tsifrovizatsii-gosudarstvennogo-upravleniya-na-regionalnom-urovne> (дата обращения: 30.09.2025).

10. Евменов А.Д., Еникеева Л.А. Управление цифровой трансформацией креативных (творческих) индустрий для обеспечения экономического суверенитета России: проблемы и перспективы в Северо-Западном федеральном округе // Экономика и управление 2025; 31(8) С. 1001–1015. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-8-1001-10/> URL: <https://emjume.elpub.ru/jour/article/view/2597> (дата обращения: 29.09.2025).

11. Насибуллин И. У. Обоснование факторов внешнеэкономической деятельности РФ, влияющих на развитие креативных индустрий Санкт-Петербурга // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2025. № 1. – С. 159-167.

12. ТВ, маркетплейсы и креатив: как региональные бренды выходят на большой рынок. URL: <https://tass.ru/obschestvo/24464057> (дата обращения: 30.09.2025).

РОЛЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Неослабевающий интерес исследователей к городским агломерациям в последние 10-15 лет вызван, во многом тем, что, несмотря особое внимание федеральных властей к вопросам развития территорий в России, законодательно понятие «городская агломерация» не закреплено. Без федерального закона нет единообразного подхода к определению понятия и критериев городской агломерации, это ограничивает возможности для их развития в силу правовой неурегулированности вопросов формирования и функционирования городских агломераций. В Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года с прогнозом до 2030 года (Стратегия-2025) и на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (Стратегия-2030) понятие «городская агломерация» введено, но их формулировки отличаются.

Отсутствие ФЗ «О городских агломерациях», проект которого был подготовлен Минэкономразвития России еще в 2020 г. привело к тому, что субъекты РФ стали разрабатывать свои региональные законы «О городских агломерациях».

Еще один вопрос, к которому обращено внимание исследователей – это отсутствие в России общепринятой методики выделения городских агломераций, несмотря на то, что в мире методы и методики выделения городских агломераций не только разработаны, но и применяются на практике [1]. Из-за отсутствия фиксированной методики сложно формировать подходы к управлению развитием агломераций, включая установление их правового статуса, оценивать эффективность такого управления, степень развитости самих городских агломераций [2].

«Методические рекомендации по разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций»², содержащие Перечень муниципальных образований, рекомендуемых к включению в границы крупных и крупнейших городских агломераций, практически не повлияли на решение проблем делимитации границ агломераций, так как это – рекомендательная форма требований к составу городских агломераций на федеральном уровне. В документе (п. 2.2) предусмотрена возможность отклонения проектируемых границ агломерации от рекомендованных. Необходимо обосновать выбор, используя для проведения делимитации указанные в документе дополнительные критерии (количественные и качественные критерии агломерационной связности). Отсутствие в дополнительных критериях пороговых значений (кроме полуторачасового критерия транспортной доступности) и конкретных методов оценки по ним, дает регионам возможность выбора методики делимитации агломераций [2].

¹ Работа выполнена в рамках темы НИР ИПРЭ РАН «Разработка механизмов обеспечения устойчивого развития городов, городских агломераций и природной среды с использованием методов математического моделирования», № Г.Р. 125011000104-7.

²Приказ Минэкономразвития России от 26.09.2023 N 669 (ред. от 31.05.2024) «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций».

Особый интерес вызывает Санкт-Петербургская агломерация, образуемая городом федерального значения Санкт-Петербург и Ленинградской областью – двух крупнейших субъектов РФ со своим бюджетом и законами. Губернаторы города и области независимы друг от друга и подчиняются только правительству РФ.

Уникальность Санкт-Петербургской агломерации, на что обращают внимание исследователи, состоит в том, что город с момента создания, строился как агломерация: «по форме расселения столицы Российской империи с момента основания (1703 г.) представляла собой систему, состоящую из крупного ядра и нескольких населенных пунктов, связанных с ядром интенсивными связями. Это соответствует современному определению городской агломерации» [4].

Санкт-Петербург. Санкт-Петербург основан в 1703 г., в 1708 г. образована Ингерманландская губерния, с 1710 г. – Санкт-Петербургская. Город и губерния переименованы в Петроград и Петроградскую губернию (1914 г.), в Ленинград (1924 г.) и Ленинградскую губернию (1927 г.). С 1931 г. Ленинград – самостоятельный административно-хозяйственный центр в рамках СССР, с 06.09.1991 – Санкт-Петербург – город федерального подчинения, административный центр Ленинградской области (до 2023 г.) и центр Северо-Западного федерального округа РФ до настоящего времени. На 1 января 2025 г. население – около 5,65 млн человек, площадь – около 1439 км².

Ленинградская область. Административный центр Ленинградской области – город Гатчина (с 2023 г.). Органы власти располагаются в Санкт-Петербурге и с 2021 г. в Гатчине и Санкт-Петербурге. По состоянию на июнь 2024 г. в области 188 муниципальных образований: городской округ (Сосновоборский), муниципальный округ (Гатчинский), 16 муниципальных районов, включающих 63 городских поселения и 107 сельских поселений.

Санкт-Петербургская агломерация. Понятие «Ленинградская агломерация» было использовано в Институте ЛенНИИпроект (1981 г.) в «Технико-экономическом обосновании генерального плана Ленинграда и Ленинградской агломерации». При подготовке генплана города встал вопрос о формировании границы агломерации на территории Ленинградской области, с учетом фактического увеличения численности агломерации за счет работающих в городе жителей области, число которых существенно возросло с открытием на территории области (1978 г.) станции метро Комсомольская (с 1992 г. «Девяткино»), расположенной в середине платформы ж/д станции «Девяткино». Запланированная в 1990-х г. на юге Всеволожского района станция метро «Народная», не построена.

Санкт-Петербургская городская агломерация – моноцентрическая городская агломерация. Ядро: Санкт-Петербург, 16 из 36 городов Ленобласти (Гатчина, Всеволожск, Сосновый Бор, Мурино, Сертолово, Кудрово, Тосно, Кировск, Отрадное, Никольское, Коммунар, Шлиссельбург, Колтуши, Любань, Бугры, Тельмана), 57 поселков городского типа, 23 опорных населенных пункта.

Рассмотрим, как взаимодействуют два субъекта РФ в решении вопросов, возникающих в процессе развития Санкт-Петербургской агломерации.

Для обеспечения согласованных действия федеральных и региональных органов

исполнительной власти в 2011 г. был создан Координационный совет¹ по развитию транспортной системы Санкт-Петербурга и Ленинградской области (Координационный Т-совет), а в 2012 г. – «Координационный совет Санкт-Петербурга и Ленинградской области в сфере социально-экономического развития» (Координационный совет) для обеспечения эффективного взаимодействия исполнительных органов государственной власти города и области по представляющим взаимный интерес вопросам социально-экономического развития их отдельных территорий.

Направления деятельности Координационного совета:

- экономическое развитие;
- архитектура и градостроительство;
- использование, охрана, защита и воспроизводство лесов;
- охрана окружающей среды,
- недропользование;
- топливно-энергетический комплекс, газификация, газоснабжение, энергоснабжение, энергосбережение, водоснабжение и водоотведение;
- жилищно-коммунальное хозяйство и жилищные отношения;
- обращение с отходами;
- здравоохранение;
- образование;
- социальная защита населения;
- труд и занятость населения, трудовая миграция;
- иные направления.

К **правам** Координационного совета относятся право:

- формировать предложения по разработке и реализации исполнительными органами государственной власти Санкт-Петербурга и Ленинградской области программ развития,
- вырабатывать рекомендации и предложения по вопросам, входящим в компетенцию Координационного совета, исполнительным органам государственной власти Санкт-Петербурга и Ленинградской области, органам местного самоуправления, государственным учреждениям и иным организациям
- и другие права.

Активная и продуктивная работа Координационного совета продолжается до настоящего времени. Приведем примеры заседаний Координационного совета:

31.01.2014 № 1 рассмотрен вопрос взаимного влияния Санкт-Петербурга и Ленинградской области в «Концепции² социально-экономического развития Ленобласти на период до 2025 г.», разработанной Фондом «Центр стратегических разработок «Северо-Запад»» для Правительства Ленинградской области, и при разработке «Стратегии³ социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 г.».

¹ Утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2011 г. № 241. (В редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 06.06.2020 № 833)

² Концепция комплексного развития территорий Ленинградской области, прилегающих к границам Санкт-Петербурга / Коллектив авторов. СПб. 2014. 115 с.

³Утверждена 13.05.2014 постановлением Правительства Санкт-Петербурга № 355.

21.07.2014 № 5 рассмотрены вопросы о взаимодействии Санкт-Петербурга и Ленинградской области в сфере энергетики, об установлении единого тарифа на перевозки пассажиров железнодорожным транспортом общего пользования в пригородном сообщении на территории города и Ленинградской области, о совместном выполнении и финансировании работ по координатному описанию границ между городом и Ленинградской областью.

16.10.2015 № 7 одобрен проект Соглашения между Правительством Санкт-Петербурга и Правительством Ленинградской области о сотрудничестве при подготовке «Концепции совместного градостроительного развития Санкт-Петербурга и территории Ленинградской области (агломерации)».

11.07.2018 № 2 представлена «Концепция совместного градостроительного развития Санкт-Петербурга и части территории Ленинградской области, прилегающих к городу (Петербургская агломерация), на период до 2030 года с перспективой до 2050 года» – *первый системный документ о градостроительном развитии территорий Санкт-Петербургской агломерации. Одна из главных задач этого документа – повышение степени кооперации между двумя субъектами Федерации.*

В глоссарии Концепции приведено следующее определение агломерации:

Агломерация – компактная пространственная группировка поселений (главным образом городских), объединённых многообразными интенсивными связями (производственными, трудовыми, культурно-бытовыми, рекреационными) в сложную много-компонентную динамическую систему.

Определены приоритеты социально-экономической политики Санкт-Петербурга до 2035 г. в «Стратегии¹ социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035 года»: «Развитие в Санкт-Петербурге инновационно-технологической деятельности (приоритет «Город инноваций»)», «Повышение уровня комфорта проживания в Санкт-Петербурге (приоритет «Комфортный город»)», «Развитие эффективной системы внешних и внутренних коммуникаций Санкт-Петербурга (приоритет «Открытый город»)», которые являются основой для создания системы целей и задач социально-экономической политики Санкт-Петербурга.

Законодательным собранием Ленинградской области приняты областные законы «О стратегическом планировании в Ленинградской области» от 27.07.2015 № 82-оз, «О Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года» от 08.08.2016 № 76-оз и «О Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2036 года» от 23.06.2025 № 70-оз. В перечень опорных населенных пунктов ОНП Ленинградской области вошли 27 населённых пунктов.

Санкт-Петербург, Ленинградская область и Санкт-Петербургская агломерация

Активизации сотрудничества двух субъектов РФ – Санкт-Петербурга и Ленинградской области способствовал проект «Два субъекта – одна агломерация» (2020 г.),

¹Принята Законодательным собранием Санкт-Петербурга и утверждена Законом Санкт-Петербурга от 19.12.2018 № 771-164 (в редакции Закона Санкт-Петербурга от 26.11.2020 № 507-112).

направленный на унификацию социальных льгот и градостроительных планов, совместную деятельность города и области в вопросах медицины, туризма, культуры, экологии, «мусорной реформы», транспорта.

Совещание по вопросам развития Санкт-Петербургского транспортного узла¹ с участием губернаторов города и области (26.07.2021), которое провёл лично Президент РФ, стало началом пристального внимания главы государства к развитию Санкт-Петербургской агломерации.

Президент РФ сообщил о проекте с *привлечением средств из федерального бюджета* – средств Фонда² национального благосостояния (ФНБ), – проекте создания трассы от Балтики до Урала: от Санкт-Петербурга до Москвы, от Москвы до Екатеринбурга через Казань, и предложил для обхода Санкт-Петербурга создать новое кольцо, более удалённое от города, чем существующее. Президент подчеркнул, что: «Все вопросы транспортной системы, строительства и реконструкции дорог, развязок, развития общественного, железнодорожного транспорта, других видов транспорта должны рассматриваться именно в комплексе».

Валерий Шинкаренко³ поднял вопрос об объединении Петербурга и Ленинградской области в один субъект РФ, отметив, что «Александр Беглов, и Александр Дрозденко – сильные губернаторы, но только на своей территории. Для успешной реализации проектов по развитию агломерации необходим единый источник управления, и Президент взял под свой личный контроль процесс формирования Петербургской агломерации». С точки зрения губернаторов *речь идет об интеграции, а не об объединении*, что взаимодействие ведется, в основном, в транспортной сфере, однако другие проблемы двух регионов планируется решать самостоятельно.

Тему об объединении двух регионов затрагивали как во властных структурах, так и в научном сообществе. Мнение политолога Р.М. Вульфович: «Скорее всего, оптимальным вариантом институционализации Санкт-Петербургской агломерации было бы *объединение Санкт-Петербурга и Ленинградской области в единый субъект РФ. Но данное решение создаст целый ряд проблем как политических и административных, так и социально-экономических. Одна из них уже упоминалась – новый субъект будет вынужден, прежде всего выравнивать качество жизни в ближних районах области, в то время как отдаленные районы – Тихвинский, Лодейнопольский, Волховский, Подпорожский, Бокситогорский – вряд ли органично впишутся в общую систему*» [4].

Формирование Санкт-Петербургской агломерации, в которую входят объекты Ленинградской области, затруднено из-за того, что это два доходных субъекта РФ, каждый со своим законодательством. Дмитрий Солонников⁴ поясняет, что *без федеральных решений Санкт-Петербургскую агломерацию создать невозможно*, поскольку проблемы с проектами по агломерации, возникают из-за того, что Петербург и Ленин-

¹ Константиновский дворец, 26.07.2021 г.

² Фонд национального благосостояния (ФНБ) – единственный суверенный фонд России, часть средств федерального бюджета (подлежит обособленному учету и управлению). Создан в 2008 г. разделением Стабилизационного фонда на Резервный фонд и ФНБ.

³ Руководитель Комитета по поддержке занятости и производительности труда Торгово-промышленной палаты Ленобласти.

⁴ Директор Института современного государственного развития.

градская область по закону могут тратить бюджетные деньги только на свои территории. К примеру, город не может финансировать метро в Кудрово, потому что это уже область, а область не может, потому что метро – это Петербург. Необходимо решение на федеральном уровне.

Развитие агломерации Санкт-Петербурга и Ленинградской области предполагает реализацию крупных инфраструктурных проектов, требующих детального обсуждения и предварительного согласования как с городскими властями, так и с федеральными министерствами.

Обсуждение вопросов агломерации прошло 19.01.2022 г. в Смольном на совместном заседании правительства Петербурга и Ленинградской области, где губернаторы подвели итоги работы по развитию агломерации в 2021 г., обсудили вопросы агломерации регионов, отметив, что два субъекта РФ имеют много точек соприкосновения и не только территориальных.

Губернаторы заявили о единстве подходов к утилизации твердых бытовых отходов (ТКО), намерениях на их переработку. А.Ю. Дрозденко отметил, что «мусорная» реформа, которую проводят два субъекта РФ, очень непроста как в плане восприятия жителями, так и определенного сопротивления со стороны бизнеса. В Петербурге начало работу АО «Невский экологический оператор».

Обновленная стратегия развития транспортной системы двух регионов до 2030 года была представлена на заседании Координационного Т-совета (22.04.2022), также на заседании рассмотрены вопросы развития Санкт-Петербургского транспортного узла, направленные на улучшение транспортной ситуации в городе и в Ленинградской области.

Федеральный центр способствует усилению связности социально-экономического пространства двух субъектов, в первую очередь поддерживая ключевые инфраструктурные проекты этих регионов.

Президент РФ провёл совещание по вопросам социально-экономического развития Санкт-Петербургской агломерации (26.01.2024). Главным итогом встречи Президента РФ с губернаторами Санкт-Петербурга и Ленинградской области стало решение о финансовой поддержке мегапроектов: КАД-2 (дублер Кольцевой автодороги) и ШМСД (Широтная магистраль скоростного движения как продолжение Западного скоростного диаметра). Глава государства дал указание подготовить перечень¹ поручений по развитию Санкт-Петербургской агломерации.

Петербург и Ленинградская область объединяют усилия в выполнении поручений Президента по развитию Санкт-Петербургского транспортного узла: железнодорожной инфраструктуре, строительстве ШМСД, станции метро «Кудрово» и электродепо «Правобережное», развитии улично-дорожной сети Кронштадта, обновлении подвижного состава «Горэлектротранса» и других проектах. Правительство РФ обеспечило софинансирование ряда этих программ из федерального бюджета.

В ходе рабочей встречи с губернатором Ленинградской области Александром Дрозденко (28.03.2025) Президент РФ специально отметил «хорошие заделы» по инвестиционным проектам, реализуемым в регионе. Позитивные тенденции в развитии экономики области стали одним из мотивов для заявления о том, что федеральный центр готов

¹ Перечень поручений по итогам совещания был утверждён Президентом РФ 06.04.2024, № Пр-681.

поддержать новые инициативы команды губернатора и «вписать ваши потребности и стоящие перед вами задачи в общенациональный план развития».

Сотрудничество в социальной сфере. Губернаторы Ленинградской области и Петербурга подписали соглашение о сотрудничестве (25.05.2025), связанное с обеспечением работы единой карты «Ленинградская». С 01.06.2025 для жителей Ленинградской области доступна карта «Ленинградская» – расширенная версия Единой карты петербуржца. Это первая в России агломерационная карта, действующая на территории сразу двух субъектов. Она дает жителям регионов дополнительные возможности и скидки, в том числе на транспортные и социальные услуги. Документ легитимизирует возмещение расходов бюджета города, связанных с выпуском и обслуживанием для граждан, имеющих место жительства или место пребывания на территории Ленинградской области, электронной карты «Единая карта петербуржца».

Подписан и второй документ – соглашение о предоставлении иных межбюджетных трансфертов из бюджета 47-го региона бюджету города.

Совместными усилиями решаются задачи по ремонту подъездных дорог к садоводствам, развиваются современные магистрали и дороги, важные для всей агломерации.

На ПМЭФ-2025 Губернаторы Петербурга, Ленинградской и Псковской областей Александр Беглов, Александр Дрозденко и Михаил Ведерников подписали (20.06.2025) Соглашение о сотрудничестве в сфере туризма.

На заседании Координационного совета (31.07.2025) обсудили вопросы регулирования рынка труда, национального проекта «Экологическое благополучие», лесопаркового пояса вокруг города (ЛЗП)¹, который создается по поручению Президента.

На заседании Координационного Т-совета (27.08.2025) обсудили ход реализации транспортной реформы в Ленинградской области, проект по организации пригородного пассажирского железнодорожного сообщения Санкт-Петербург – Левашово – Сертолово, строительство ШМСД и развитие Санкт-Петербургского метрополитена.

«Повышение эффективности экономики за счет концентрации экономической деятельности и развития агломерационных межрегиональных экономических связей позволяет считать агломерационные процессы одним из определяющих эффективных элементов территориальной организации в жизни современного общества» [3]. Актуальные вопросы формирования и развития городских агломераций затронуты в статьях экспертов Фонда «Институт экономики города»: Е.М. Бухвальда, Л.И. Маевской, А.Я. Гершович, Т.Д. Полиди, Р.А. Попова, А.С. Пузанова [2, 3, 5-7].

По мнению Л.И. Маевской [3] наибольший интерес с научной и практической точки зрения представляют работы А.Н. Швецова [8], Е.М. Бухвальда [6], А.В. Виленского [9], А.В. Одинцовой [10], М.В. Глигич-Золоторевой [11], А. Вебера [12], в которых раскрываются причины возросшего интереса к агломерационным процессам как институту сбалансированности пространственного развития страны.

При этом оценки эффективности агломерационных процессов крайне противоречивы. В работах [2, 3, 5-17] прослеживается как позитивное, так и негативное воз-

¹ Лесные зеленые пояса (ЛЗП) – это не только поддержание экологического баланса территории, но, в первую очередь, обеспечение комфортного уровня жизни и здоровья населения.

действие агломерации на экономическое и социальное состояние региона. Авторы отмечают, что агломерация способствует формированию и расширению рынка товаров и услуг, развитию производственной инфраструктуры, концентрации научно-технических ресурсов и активному внедрению инноваций, созданию благоприятной бизнес-среды. Кроме того, расширяется привлечение квалифицированных работников в сферу общественного сектора, что стимулирует научно-технический прогресс, предоставляется высокий уровень досуга и разнообразные виды культурной деятельности, происходит более быстрая передача знаний.

К негативным последствиям агломерации относятся усложнение транспортных связей, удалённость объектов коммуникации, загрязнение окружающей среды, ухудшение использования жилого фонда, увеличение расстояния до источников тепло-, энерго-, водоснабжения, очистных сооружений. На населении негативно сказывается увеличение транспортной усталости из-за удлинения маятниковой миграции, увеличение расстояния до объектов социальной инфраструктуры, удалённость места проживания от лесопарковых массивов и водоёмов, возникновение кризисных, деклассированных районов и рост преступности. Кроме того, происходит снижение темпов развития периферийных территорий, оказавшихся вне зоны влияния агломераций и внимания правительства, что мешает развитию бизнеса.

Агломерация целесообразна, если положительные выгоды от её формирования больше, чем дополнительные издержки, связанные с её возникновением.

Положительная роль агломерации в социально-экономическом развитии региона.

– Экономический рост за счёт территориальной близости производств, что позволяет минимизировать транспортные издержки. Территориальная близость помогает создавать межотраслевые производства, специализирующиеся на обслуживании всей промышленности региона.

– Рост доходов населения за счёт развития отраслей с высоким уровнем зарплаты и стимулирования производства товаров народного потребления.

– Инфраструктурный эффект — реализация проектов по строительству новых энергомощностей, транспортных комплексов, крупных логистических центров и информационных узлов, а также создание образовательной и инновационной инфраструктуры.

Положительное воздействие Санкт-Петербургской агломерации.

Санкт-Петербургская агломерация успешно развивается. За последние 10 лет население агломерации выросло на 12%. Это связано с развитием экономики, транспортной доступности и высоким уровнем качества жизни в регионах.

На заседании Координационного совета по развитию транспортной системы города и Ленинградской области (27.08.2025) главы субъектов РФ высказали мнение, что Петербург и область развиваются как единая агломерация, где транспорт, экология, социальная сфера и инфраструктура работают в синхронном ритме, обеспечивая жителям высокий уровень жизни и новые возможности для работы, учебы и отдыха. Главы регионов подчеркнули, что границы регионов не должны мешать комфортной жизни людей. А.Д. Беглов отметил, что «Мы — одна агломерация, и все наши задачи решаем совместно», что благодаря активной позиции губернатора Александра Дрозденко, Ленин-

градская область за последнее десятилетие стала одним из самых динамично развивающихся регионов страны, а взаимодействие двух субъектов РФ уже принесло ощущимые результаты.

В 2023 году Санкт-Петербург и Ленинградская область достигли рекордного темпа роста инвестиций за последние пять лет: в Петербурге — более 10%, в Ленинградской области — почти 13% [18].

В ноябре 2024 г. Александр Дрозденко подписал распоряжение об утверждении перечня приоритетных отраслей экономики. «Такой перечень появился в Ленинградской области впервые, он охватил те направления, где реализуются крупные инвестиционные проекты. Он расширяет спектр участников механизма компенсации затрат работодателей, действующего по линии Социального фонда РФ. Это государственная мера поддержки помогает развивающимся предприятиям в привлечении трудовых ресурсов»¹.

Санкт-Петербургская агломерация — один из лидеров в стране по числу технологических компаний, самое популярное направление — искусственный интеллект² [18].

Запущены Западный скоростной диаметр, трасса М-11 «Нева», обход Гатчины и ряд других крупных дорожных объектов, отремонтированы участки автодорог «Сортавала», «Скандинавия» и КАД, построены Лиговский путепровод и мост через реку Свирь в Подпорожье.

Отрицательное влияние.

Один из часто упоминаемых недостатков — снижение темпов развития периферийных территорий из-за чрезмерной концентрации производства, инфраструктуры и социально-культурных объектов в одной географической точке — ядре агломерации. Это может привести к:

- усилению миграции населения из периферии в крупные города;
- упадку сельскохозяйственного производства;
- превращению малозаселённых территорий в пустующие и безлюдные [13, 19];
- усилению неравномерности распределения налоговой базы по территории агломерации, увеличению разрыва в доходах между муниципалитетами, расположеными на периферии и в центре.
- перегруженности инфраструктуры — увеличению издержек на строительство новых дорожных сетей и инфраструктуры, а также затрат на содержание существующей.
- экологическим проблемам из-за чрезмерной концентрации различных видов хозяйственной деятельности [20].

Отрицательное влияние на развитие Ленинградской области

На 2024 г. в Санкт-Петербургской агломерации продолжает складываться дисбаланс развития по направлению «центр-периферия», связанный с перераспределением спроса на услуги и высокой миграцией населения. Отсутствуют эффективная инфраструктурная поддержка [17, 20].

Миграция населения из Ленинградской области в Санкт-Петербург объясняется,

¹Высказывание главы Комитета по труду и занятости Ленобласти Аллы Астратовой.

²Президент в режиме видеоконференции провёл совещание по вопросам социально-экономического развития агломерации Санкт-Петербурга. 26 января 2024 г.

в частности, разницей в зарплатах. По данным Петростата, в сентябре 2024 года средняя зарплата в Петербурге составила 102 тыс. рублей, увеличившись за год на 11,6%, в Ленобласти – 78 тыс. рублей, при росте 21%. Также существует проблема челночной или маятниковой миграции, когда жители Ленобласти ежедневно ездят в Петербург на работу и обратно [19].

Отдельно отмечается, что медианная зарплата в Петербурге превышает 85 тыс. рублей. Максимальные доходы – у топ-менеджеров, у которых медиана начинается от 150 тыс., а максимум превышает полмиллиона рублей. На низком уровне находятся, например, зарплаты в образовании – около 64 тыс. рублей.

В октябре 2024 года главный архитектор проектов в Ленинградской области ГК «А101» Елизавета Гречухина прогнозировала, что к 2035 году население петербургской агломерации вырастет на 391 тыс. человек за счёт притока из других регионов страны, причём более 60% переехавших поселятся в Ленинградской области.

Об упадке сельскохозяйственного производства в Санкт-Петербургской агломерации.

В 2024 году в Ленобласти снизилось производство картофеля, зерновых и овощей открытого грунта, таких как лук, капуста, морковь, огурцы и свёкла. Не используется в сельхозобороте – 123,1 тыс. га (34,22% от пахотных земель региона или 1,46% от общей площади Ленинградской области, которая составляет 8 390 800 га).

Тем не менее, по итогам 2024 года АПК Ленинградской области является основным производителем продуктов питания в Северо-Западном федеральном округе и сохраняет свои лидирующие позиции среди регионов России:

- 1-е место – по надоям на фуражную корову, производству яиц;
- 2-е место – по поголовью птицы;
- 3-е место – по выращиванию форели;
- 5-е место – по производству цветов и мяса птицы в сельхозорганизациях;
- 6-е место – по производству грибов;
- 8-е место – по производству молока в сельхозорганизациях.

В 2024 году объем производства продукции АПК в хозяйствах всех категорий вырос на 69,9 млрд рублей к 2023 году и составил 481,5 млрд рублей.

Наш регион производит 3,2% от всего объема сырого молока, получаемого в России, и 33,9% от объема, получаемого в СЗФО.

О превращении малозаселённых территорий в пустующие и безлюдные. Для ответа достаточно названия статьи «Мерзость запустения: в Ленинградской области утрачено более трети сельхозземель» (25.12.2019). По информации на 2025 год, точное число заброшенных участков в регионе неизвестно, но называются цифры от 1700 до 2500. Причины разные: смерть или тяжёлая болезнь владельца, отсутствие инфраструктуры, плохие дороги. В некоторых населённых пунктах целые улицы пустуют, в других – осталось всего два-три жилых дома [21].

Усиление неравномерности распределения налоговой базы по территории агломерации увеличивает разрыв в доходах между муниципалитетами, расположенными на периферии и в центре.

Увеличение разрыва в доходах между муниципалитетами, расположенными на периферии и в центре Санкт-Петербургской агломерации в период с 2020 по 2025 год можно

объяснить тем, что по данным на 2024 год, в Санкт-Петербурге зафиксирован значительный разрыв в оплате труда между различными группами работников. Согласно исследованию, подготовленному специалистами FinExpertiza на основе данных Росстата, Санкт-Петербург занимает одно из ведущих мест в России по уровню дисбаланса доходов между наиболее высокооплачиваемыми и наименее оплачиваемыми работниками. Разрыв между верхними 20% и нижними 20% составляет почти 7 раз – верхняя группа зарабатывает в среднем 286,3 тыс. рублей, а нижняя – около 43,1 тыс. рублей [22].

Если в Ленинградской области 43% всех доходов обеспечивает налог на прибыль предприятий, то в городе крупнейшая статья доходов – 42% – НДФЛ. Налог на прибыль обеспечивает лишь 29% поступлений в городскую казну, причём с каждым годом вклад НДФЛ увеличивается. То есть доходы города формируются в значительной мере за счёт поступлений от граждан, а области – от платежей бизнеса [14, 17, 19].

Со строительством КАД-2 стоимость земли начнёт расти, особенно в местах, которые будут находиться близко к съездам на КАД-2, и ситуация с разрывом заметно изменится.

Перегруженность инфраструктуры – увеличение издержек на строительство новых дорожных сетей и инфраструктуры, а также затрат на содержание существующей. Некоторые проблемы связаны с тем, что дома строят быстрее, чем к ним успевают подводить дороги и запускать движение транспорта. В результате огромные жилые массивы не имеют нормальной связи с районами Санкт-Петербурга [19].

Имеет место перегруженность и в некоторых городах агломерации. Так, во Всеволожске к пробкам из-за перегруженности новыми коттеджами и таунхаусами добавился дефицит мест в школах.

Показатели Санкт-Петербургской агломерации и Ленинградской области за 2024 г. позволяют утверждать, что сотрудничество в рамках Санкт-Петербургской агломерации способствовало успешному развитию каждого субъекта РФ. По словам министра экономического развития РФ Максима Решетникова (26.01.2024): «*Петербург и Ленинградская область достигли рекордного темпа инвестиций за последние 5 лет: в Петербурге рост составил более 10%, в области — почти 13%. Агломерация считается одной из самых динамично развивающихся точек роста в стране... Опережающими темпами растет промышленное производство: на 9,6% в Петербурге, на 7,4% в области, особенно в обрабатывающей сфере. Для обоих регионов это рекордный рост за последние 12 лет*».

«*В ближайшее время изменений между Петербургом и Ленинградской областью не планируется. Петербург и Ленинградская область будут развиваться по отдельности, но в одной агломерации.... Мы развиваемся по принципу двух самостоятельных субъектов. Свои обязательства мы выполняем, и мы эту нагрузку несём. Есть и юридические сложности, есть и сложности в межбюджетных отношениях*» – из выступления губернатора Ленобласти Александра Дрозденко в ходе пресс-конференции по итогам 2024 г. (23.12.2024).

Заметим, что развитие Санкт-Петербургской агломерации находится под пристальным вниманием Президента РФ и получает финансовую поддержку.

Литература

1. Мазаев А.Г. Планировочная методика определения границ городских агломераций // Академический вестник УралНИИпроект РААСН 4 (63). 2024. С. 15-20. DOI 10.25628/UNIPR.2024.63.4.003.
2. Городские агломерации в современной России: проблемы и перспективы развития / Пузанов А. С., канд. геогр. наук (научная редакция), Попов Р. А., канд. геогр. наук, Полиди Т. Д., канд. экон. наук, Гершович А. Я. Москва: Фонд «Институт экономики города». 2023. 192 с.
3. Маевская Л.И. Новый взгляд на агломерации и их роль в пространственном развитии России // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 1(70). С. 137-144. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1238.
4. Вульфович Р.М. Развитие Санкт-Петербургской агломерации: проблемы и перспективы // XXII Национальная научная конференция с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Том Выпуск 18. Часть 2. 14-16 февраля 2023 г. Москва : Изд. ИНИОН РАН, 2023. С. 171-174.
5. Иванов О.Б., Бухвальд Е. М. Смогут ли агломерации поднять экономику России? // Актуальные вопросы экономики. 2025, т. 1. С. 7-26. DOI: 10.24412/2071-6435-2025-1-7-26.
6. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Экономическая безопасность и агломерации в пространственном развитии России // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7, № 5. С. 1055-1074. DOI 10.18334/ecsec.7.5.121081.
7. Пузанов А. С. Актуальная повестка государственной политики по развитию городских агломераций в Российской Федерации // Фонд «Институт экономики города». Москва, 28 марта 2023.
8. Швецов А. Н. Городские агломерации в преобразовании урбанистического пространства // Российский экономический журнал. 2018. № 1. С. 45-55.
9. Виленский А. В. К вопросу о снижении уровня социальной дифференциации российских регионов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 6А. С. 164-171. DOI: 10.34670/AR.2024.57.37.019.
10. Одинцова А. В. Городские агломерации — важнейший фактор современного пространственного развития // Самоуправление. 2022. № 3(131). С. 576-578. DOI: 10.55488/22218173_2022_3_576.
11. Глигич-Золоторева М. В., Лукьянов М. И. Развитие опорных населенных пунктов в контексте пространственного развития Российской Федерации // Федерализм. 2024. Т. 29. № 4. С. 23-46. DOI: 10.21686/2073-1051-2024-4-23-46.
12. Вебер А.Ф. Рост городов в 19-м столетии / Пер. с англ. А. Н. Котельникова. СПб. : Кускова, 1903. VIII, 464 с.
13. Федоляк В. С. Агломерационные и дезагломерационные эффекты в социально-экономическом развитии территорий // Международный научно-исследовательский журнал № 3 (141), 2024. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.141.13>.
14. Шмидт А.В, Антонюк В.С., Франчини А. Городские агломерации в региональном развитии: теоретические, методические и прикладные аспекты // Экономика региона. — 2016. Т. 12. Вып. 3. С. 776-789.

15. Павлов Ю.В., Хмелева Г.А. Концепция региональной агломерационной политики // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 297-316. DOI: 10.18334/epp.13.2.117169.
16. Шмидт А.В., Худякова Т.А. Формирование городских агломераций как необходимое условие повышения эффективности социально-экономического развития региона // Архитектура, градостроительство и дизайн, № 4. 2015. С. 16-23.
17. Волчкова И.В., Уфимцева Е.В., Шадейко Н.Р., Селиверстов А.А. Агломерации как драйвер экономического роста России в условиях глобальных вызовов // ЭКО. 2021. № 2. С. 135-164. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-135-164.
18. Морозова Н. Два региона – одна агломерация: Путин призвал развивать Петербург и Ленобласть сообща // МК – в Ленобласти. 02 февраля 2024.
19. Жуков А. Петербург и Ленобласть начали медленно превращаться в единую агломерацию // Деловой Петербург. 09 января 2025.
20. Дрегуло А.М., Ходачек А.М. Природно-хозяйственная система петербургской агломерации // Инновационная экономика. № 1(297). 2024. С.19-27.
21. Ледяева М. В садоводствах Петербурга и Ленобласти заброшено три-пять процентов участков (Санкт-Петербург) // Российская газета – Экономика Северо-Запада: №190(9729). 01 сентября 2025.
22. Лазовская Ю. Петербург вошел в число лидеров по разрыву зарплат между группами населения // Деловой Петербург. 17 сентября 2025.

УДК 332.1

DOI: 10.52897/978-5-7937-2883-6-2025-65-71

*Нещерет А. К.,
Чикалов А. В*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ, ИХ СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И УЧАСТНИКИ

Переход к экономике знаний становится ключевым условием долгосрочного развития России. Способность регионов не только создавать инновации, но и превращать их в рыночные продукты определяет их устойчивость в глобальной конкуренции. Технологический прогресс и цифровая трансформация возвысили роль информации и знаний, сделав их ресурсом, сопоставимым по значимости с традиционными. Однако эффективное использование этого ресурса требует особых механизмов, обеспечивающих связь между исследованиями, бизнесом и государством. Таким механизмом выступает региональная инновационная система (РИС).

Исследование РИС через региональную призму важно по двум основным причинам. Во-первых, именно на уровне субъектов федерации формируются реальные площадки взаимодействия между университетами, бизнесом и властью. Во-вторых, значительные межрегиональные различия в потенциале, ресурсах и традициях приводят к неоднородности внедрения инноваций, что напрямую сказывается на социально-экономическом развитии территорий [10].

Современные вызовы — санкционное давление, сокращение международной кооперации и необходимость импортозамещения — подчеркивают актуальность темы РИС. Мир втянут в технологическую гонку, где побеждают страны с развитой инновационной инфраструктурой. Для России как федеративного государства с огромными пространственными различиями успех преобразований зависит от способности каждого региона интегрироваться в национальную и мировую инновационную экосистему.

Без полноценных систем поддержки инноваций регионы рискуют остаться сырьевыми придатками, зависимыми от конъюнктуры сырьевых рынков. Альтернативный сценарий предполагает создание высокотехнологичных кластеров, где новые продукты рождаются благодаря тесному союзу науки и производства. Такие центры способны стать точками роста и опорой для национальной экономики.

Развитие РИС выходит за рамки чисто экономических показателей. Это вопрос качества жизни населения, уровня занятости молодежи и создания возможностей для самореализации. Привлекательная инновационная среда региона снижает риск оттока квалифицированных кадров в столичные агломерации или за рубеж.

Целью работы является анализ региональных инновационных систем как ключевого инструмента модернизации экономики и осмысление особенностей их формирования в России на фоне мирового опыта.

Для достижения этой цели решаются следующие исследовательские задачи:

- Уточнить содержание понятия РИС и рассмотреть его эволюцию.
- Проанализировать теоретические и методологические подходы к изучению региональных инновационных систем.
- Выявить мировые традиции исследования и практики построения РИС.
- Показать специфику российской модели и определить факторы, влияющие на эффективность национальных региональных инновационных систем.

Теоретико-методологические основы анализа инновационных систем. Понимание сути РИС требует обращения к фундаментальным экономическим концепциям инноваций. Классическая трактовка И. Шумпетера рассматривала инновацию как «творческое разрушение», возникающее при появлении новых комбинаций факторов производства. Со временем акцент сместился с отдельных изобретений на системную организацию инновационного процесса [3].

В конце XX века широкое признание получила концепция «национальной инновационной системы» (НИС), исследующая, как институты, политика и культура страны создают условия для превращения знаний в продукты и услуги. Естественным развитием этой идеи стала концепция региональной инновационной системы — более гибкого инструмента, учитывающего территориальную специфику [11].

Методологический анализ РИС базируется на принципах институционализма и теории сетевого взаимодействия. Институциональный подход фокусируется на правилах, нормах и институтах, регулирующих отношения участников инновационного процесса. Сетевой подход рассматривает систему как совокупность взаимосвязанных акторов, где ценность создается через обмен информацией, сотрудничество и совместное использование ресурсов.

Современные исследования подчеркивают необходимость междисциплинарного синтеза. Экономическая география объясняет пространственную концентрацию иннова-

ций, социология – культуру доверия и кооперации, политология – механизмы государственного регулирования. Такой комплексный подход позволяет глубже оценить потенциал и ограничения РИС [5].

Понятие и эволюция категории «региональная инновационная система». Первоначально категория РИС использовалась в европейской академической среде для описания инновационных процессов в территориальных рамках, аналогичных по структуре национальной системе. Она охватывала комплекс институтов, стимулирующих генерацию и распространение знаний внутри региона.

Со временем понимание РИС углубилось. Если изначально внимание концентрировалось на институтах науки и образования, то позже сместилось на механизмы их интеграции с бизнесом. Сегодня РИС понимают как открытую, динамичную систему, где ключевое значение имеют связи между разнообразными участниками. В отличие от производственного кластера с его технологической специализацией, РИС охватывает весь спектр организаций и институтов, способствующих инновациям.

Эволюцию понятия можно проследить поэтапно. Первый этап связан с осознанием конкуренции регионов на основе инновационного потенциала, а не только ресурсов. Второй этап характеризуется фокусом на создании университетских центров и технологических парков. Современный, третий этап, определяется цифровизацией и появлением сетевых платформ, интегрирующих регионы в национальную и глобальную инновационную экосистему.

Таким образом, РИС можно определить как институционально оформленную и пространственно ограниченную совокупность участников, инфраструктур и механизмов взаимодействия, направленных на генерацию, распространение и коммерциализацию знаний для обеспечения устойчивого развития региона.

В мировой практике сложились различные школы анализа региональных инновационных систем. Европейская традиция делает акцент на роли институтов и региональной политике, нацеленной на выравнивание территориального развития. Страны Северной Европы добились успеха за счет тесного сотрудничества университетов, бизнеса и власти, превратив небольшие территории в мощные технологические центры.

Ангlosаксонская школа уделяет больше внимания предпринимательской активности и механизмам венчурного финансирования. Здесь развитие РИС часто инициируется снизу, через бизнес-инициативы и стартапы, при поддержке государства как катализатора.

В азиатских странах характерна опора на масштабные государственные программы, где региональная инновационная среда развивается в рамках национальных стратегий. Ключевое значение при этом имеет взаимодействие с международным рынком и транснациональными корпорациями.

Российская специфика определяется как институциональными особенностями, так и значительными пространственными различиями. С одной стороны, в стране создан ряд институтов поддержки инноваций – технопарки, кластеры, фонды. С другой стороны, их эффективность сильно варьируется от региона к региону. Москва и Санкт-Петербург демонстрируют показатели, близкие к европейским, в то время как многие субъекты лишь формируют базовую инновационную инфраструктуру [6,7].

Особенности российского федерализма добавляют дополнительный фактор сложности. Программы поддержки разрабатываются на федеральном уровне, но их реализация

ложится на регионы с разным потенциалом и способностью к институциональным инновациям. Эта диспропорция закономерно приводит к выраженной неоднородности развития региональных инновационных систем по стране.

Структурные элементы региональной инновационной системы. Региональная инновационная система функционирует как сложный организм, жизнеспособность которого зависит от слаженной работы взаимосвязанных элементов. Каждый элемент выполняет свою уникальную функцию, но их истинная сила проявляется только во взаимодействии. Подобно экосистеме, РИС эффективна, когда ее подсистемы синхронизированы и активно обмениваются ресурсами — материальными, финансовыми, интеллектуальными и кадровыми.

Сердцевину любой инновационной системы образует сфера создания знаний и развития компетенций. Университеты, научно-исследовательские институты и лаборатории формируют интеллектуальную среду, питающую рождение новых технологий и продуктов. За последние десятилетия миссия вузов существенно трансформировалась. От преимущественно образовательной и фундаментально-исследовательской деятельности они перешли к активной роли драйверов регионального развития.

Современный вуз многозадачен: он готовит специалистов для цифровой экономики, проводит прикладные исследования по запросам бизнеса и действует как центр трансфера технологий — проводя идеи от стадии концепции до внедрения на производстве. Не менее важно, что университеты культивируют среду, где высоко ценится предпринимательская инициатива. В российском контексте научно-образовательный комплекс часто становится ядром региональной инновационной экосистемы. Вокруг ведущих вузов естественным образом концентрируются малые инновационные предприятия, стартапы и сервисные компании. Таким образом, этот элемент не только производит знания, но и выступает мощным магнитом, притягивающим других участников инновационного процесса.

Подлинную ценность инновации обретают лишь при выходе на рынок через реальный сектор экономики. Производственные предприятия служат испытательным полигоном для новых технологий, где идеи проходят проверку практикой. Эффективность РИС здесь напрямую зависит от качества связи науки и бизнеса.

Промышленные кластеры доказали свою эффективность как форма организации такого сотрудничества [4]. Объединяя производителей, поставщиков, сервисные компании и научные организации в единую цепочку создания стоимости, кластеры сокращают транзакционные издержки, ускоряют внедрение разработок и повышают гибкость реагирования на рыночный спрос. Специфика России заключается в значительной территориальной концентрации промышленности. В регионах с исторически развитой производственной базой (Урал, Поволжье) кластеры часто становятся естественной основой для формирования РИС. В аграрных же или депрессивных регионах производственный сектор нуждается в целенаправленной государственной поддержке для включения в инновационные процессы.

Инфраструктура поддержки. Мостиком между лабораторными разработками и рынком выступает специализированная инфраструктура поддержки. Технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий — эти институты создают среду, где стартапы на ранних, самых уязвимых стадиях могут получить необходимые ресурсы и не затеряться в конкурентной борьбе.

Финансы. Без инвестиций даже блестящие идеи остаются нереализованными. Банки и фонды (венчурные, инвестиционные) финансируют высокорисковые инновационные проекты, выступая их финансовой основой.

Российский контекст: Традиционные банки редко кредитуют стартапы, предпочитая стабильный бизнес. Поэтому критически важны госпрограммы (гранты, субсидии) и региональные венчурные фонды. Доступность финансирования — ключевой индикатор инновационной активности региона. Помимо обеспечения ресурсами, финансовый сектор дисциплинирует участников РИС, заставляя тщательно оценивать экономику проектов и строить долгосрочные стратегии. Финансы становятся не только ресурсом, но и фильтром жизнеспособности идей.

Роль государства. Эффективная РИС невозможна без активной роли государства. Власти задают стратегию, формируют правовое поле и программы поддержки, создавая стимулирующую среду для инноваций.

Успех зависит от согласованности федеральных инициатив с адаптацией их на местах. Регионы, где власти активно координируют инновационный процесс и инвестируют в инфраструктуру, показывают лучшие результаты.

Инновационное развитие регионов России крайне неравномерно. В табл. 1 представлены региональные особенности инновационного развития.

Таблица 1 – Региональные особенности

Макрорегион	Преимущества	Ограничения
ЦФО	Концентрация ведущих университетов, корпораций, развитая инфраструктура, высокий уровень доходов и инвестиций	Сильное неравенство между Москвой/областями и «слабой периферией», перегруженность агломераций
ПФО	Крупные индустриальные кластеры, тесная связка науки и производства	Дефицит венчурного капитала, ограниченный рынок для высокотехнологичных товаров
Урал	Центр машиностроения, металлургии, растущий ИТ кластер	Зависимость от сырья, миграционный отток кадров
Сибирь	Академическая школа, уникальные ресурсы и научные компетенции	Удалённость от центров, слабая коммерциализация научных идей и технологий
Дальний Восток	Приоритет федеральных программ, поддержка инвестклимата, движение на восточные рынки	Низкая плотность населения, кадровый дефицит, слабый предпринимательский климат

*Составлено автором

Центр (Москва, область) лидирует по проектам, Поволжье — по индустриальной кооперации, Урал — по машиностроению/металлургии с растущим ИТ, Сибирь и Дальний Восток компенсируют удаленность уникальными компетенциями.

Основные препятствия. Недостаток инвестиций в НИОКР, отток квалифицированных кадров и слабая инновационная культура, особенно в малонаселенных регионах.

Успешный опыт (Татарстан, Москва): активная роль властей-координаторов, сильные университеты и эффективное взаимодействие науки, бизнеса, государства. Инвестиции в инфраструктуру — ключевой фактор.

Пути совершенствования. Успешная модернизация РИС требует решения нескольких взаимосвязанных задач. Ключевым направлением остается обеспечение стабильного финансирования. Для этого необходимо развивать региональные венчурные инструменты и создавать действенные налоговые стимулы, привлекающие частный капитал в инновации. Не менее важна активизация малого инновационного бизнеса. Снижение административных барьеров и адресная поддержка стартапов ресурсами и экспертными компетенциями позволят им стать полноценными участниками системы.

Особую сложность представляет преодоление значительного регионального неравенства. Устранение инфраструктурного и цифрового разрыва между территориями — обязательное условие для создания единого инновационного пространства.

Наконец, устойчивость РИС невозможна без системного подхода к кооперации. Формирование стимулов для взаимодействия всех участников, целенаправленное укрепление доверия и развитие культуры, поддерживающей инновации и риск, — базис для эффективной интеграции регионов в национальную и глобальную экосистему. Именно эта интеграция обеспечивает долгосрочную конкурентоспособность.

Заключение. Региональные инновационные системы сегодня определяют не только технологическое развитие, но и социальную динамику страны. Их сила — не в формальных институтах, а в способности наладить живые связи между наукой, бизнесом, властью и обществом. Именно эти связи превращают знания в капитал, а идеи — в решения.

Российская практика подтверждает: успех приходит там, где университеты становятся локомотивами прогресса, а власти выступают активными координаторами, создавая климат для инициатив. Там же, где инфраструктура существует лишь для «галочки», возникает эффект пустой витрины без реального спроса и кооперации.

Ключевой вывод: оценивать РИС лишь по числу стартапов или инвестициям — ошибка. Гораздо важнее культурная готовность общества к инновациям [8]. Там, где новое становится нормой, крепнет доверие и растет готовность к риску.

Анализ регионов России выявил резкую неоднородность инновационного развития [9]. Столичные и университетские центры задают тон интеграции науки и бизнеса, в то время как другие территории сохраняют ориентацию на традиционные отрасли. Однако устойчивых результатов везде добиваются через долгосрочное сотрудничество всех участников.

Перспективы улучшения РИС связаны с тремя приоритетами: расширение источников финансирования, активное вовлечение малого бизнеса и развитие сетевых (особенно цифровых) форм взаимодействия. Это преодолеет географическую разобщенность и создаст единое инновационное пространство.

Таким образом, РИС — не просто экономический инструмент, а индикатор зрелости институтов и доверия в обществе. Их укрепление — стратегическая задача для позиционирования страны в мировой технологической повестке и повышения качества жизни в регионах.

Литература

1. Брызгалова-План Е. А. Региональные инновационные подсистемы и проблемы их формирования // Инновации и инвестиции. – 2021. – №. 4. – С. 8-12.
2. Дин С. и др. Глава 9. Региональные инновационные системы на примере региона Гуандун и Пекин в Китае // Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования. – 2022. – С. 93-104.
3. Кузнецова Н. П., Галянкина В. А. Региональные инновационные системы // Посткризисный мир и модернизация современной науки: концепции, проблемы, решения. – 2021. – С. 260-263.
4. Кушнаренко Т. В., Жеухин И. А. Кластер как основа региональной инновационной системы // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2024. – №. 3 (79). – С. 6.
5. Мурзаков В. Г. Механизм государственно-частного взаимодействия в архитектуре региональной инновационной системы // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2024. – №. 2. – С. 82-89.
6. Нижегородцев Р. Региональные инновационные системы: механизмы управления // Экономический вестник ИПУ РАН. – 2025. – Т. 6. – №. 2. – С. 3-14.
7. Пашина М. А., Разумовский В. М., Трейман М. Г. Региональные инновационные системы как фактор развития территорий // Инновации и инвестиции. – 2023. – №. 8. – С. 6-9.
8. Рослякова Н. А., Волков А. Д., Тишков С. В. Инновационные системы регионов Российской Арктики: структурные особенности, сценарии развития и аспекты управления (применение методики DEA-анализа) // Управление большими системами. – 2023. – Т. 106. – С. 218-245.
9. Терешкина Н. Е., Халтурина О. А. Стратегическое развитие региональной инновационной системы // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – №. 8-3. – С. 461-466.
10. Шараков И. М., Садеев И. И. Региональные «инновационные системы» по отношению к «системам поддержки инноваций»-требуется ли уточнение? // Интеграционные процессы в современной науке: новые подходы и актуальные вопросы. – 2022. – С. 47-51.
11. Яшин С. Н., Породина С. В., Белов Д. Г. Региональные инновационные системы: особенности нормативно-правового регулирования и направления его совершенствования // Экономика и управление в XXI веке: новые вызовы и возможности. – 2021. – С. 7-11.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СЗФО)¹

В выступлении В. Путина на Санкт-Петербургском экономическом форуме в 2025 г. было подчеркнуто, что по итогам 2024 г. уровень бедности в стране снизился до 7,2%. Это минимальное значение за весь постсоветский период. По словам главы государства, этого все еще недостаточно, и в качестве новой цели обозначено снижение бедности до 5%. В указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» уровень бедности должен быть ниже 7% к 2030 году и ниже 5% к 2036 году [1].

Достижение целевого уровня бедности в 5% потребует комплексного подхода, начиная от прямых бюджетных трансфертов до структурных преобразований в экономике. Наиболее реалистичные и уже задействованные меры включают в себя повышение минимального размера оплаты труда. В 2025 году он увеличен до 22 442 рублей (+18,5%), что положительно отразилось на доходах наименее обеспеченных слоев населения. Исходя из этого показателя, рассчитываются пособия, зарплаты бюджетников, пенсии.

Одним из наиболее эффективных инструментов формирования долгосрочного источника собственных доходов семьи в Министерстве труда и соцзащиты считают соцконтракт. Так, в первом квартале 2025 года было заключено 65,8 тысячи социальных контрактов, которыми охвачены свыше 187 тыс. человек [2].

Для решения задачи по снижению уровня бедности граждан во всю идет развитие практики использования социального контракта в системе социальной защиты населения. Это одно из ведущих направлений развития сегмента «Социальная защита населения» социальной сферы региона, направленное не только на поддержку, но и формирование человеческого капитала.

«Социальный контракт – это соглашение между органом соцзащиты и гражданином. В рамках контракта разрабатывают персональную программу индивидуальной социальной адаптации для гражданина, обратившегося за помощью, а гражданин обязуется выполнить мероприятия, прописанные в соглашении. Технология социального контракта нацелена на активизацию человеческого потенциала, а точнее на его реализацию» [11].

Социальный контракт является относительно новой мерой в российской системе социальной защиты. Этим обусловлен повышенный интерес к данной проблематике как в научном, так и экспертном сообществе. Реализация социального контракта предполагает двухстороннее взаимодействие: с одной стороны государство в лице соответствующих органов и гражданин, который получает социальную помощь в виде социального контракта, несут взаимные обязательства.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ИПРЭ РАН по теме: «Новые условия и факторы социально-экологического развития регионов России в условиях цифровой трансформации экономики и общества» (№ Г.Р. 124012000100-7), (код – «FMGS-2024-0002»).

Выделяют четыре основных этапа развития социального контракта в РФ (табл. 1).

Таблица 1 – Этапы развития социального контракта в РФ

Период	Этап совершенствования социального контракта в РФ
2003 – 2011 гг.	Социальный контракт существовал в ряде регионов РФ в виде pilotных проектов. Разработка механизмов введения социального контракта.
2012 гг.	В системе социальной защиты России социальный контракт как форма социальной помощи стал применяться с 2012 года.
2016 – 2018 гг.	Происходит создание нормативно-правовой базы для заключения социального контракта, которая продолжает действовать и совершенствоваться по настоящее время. Возможности регионов в применении социального контракта ограничены возможностями регионального бюджета.
2019 г.	Президент РФ в Послании Федеральному собранию подчеркнул необходимость существенно расширить механизм использования социальных контрактов для борьбы с бедностью.
2020 г.	Из федерального бюджета субъектам РФ (участвующим в реализации试点ного проекта) предоставлена субсидия в размере 7 млрд рублей на софинансирование расходов по реализации мероприятий, направленных на оказание государственной социальной помощи на основании социального контракта.
с 2021 г. – по настоящее время	С 2021 г. социальная помощь гражданам в виде социального контракта стала доступна на всей территории страны. Субсидии из федерального бюджета предоставляются всем субъектам РФ. Идет активное развитие инфраструктуры для реализации социального контракта. Благодаря цифровизации вводится электронный документооборот между участниками соглашения (социальной службой, гражданами и различными ведомствами). Во многих субъектах РФ возможно оформление социального контракта онлайн.

К основным функциям социального контракта следует отнести:

- Снижение уровня бедности населения.
- Раскрытие человеческого потенциала гражданина (результатом чего является улучшение его материального положения) и восстановление социальной активности.
- Повышение степени социальной адаптации малоимущих граждан к кризисным условиям.
- Повышение у граждан социально-правовой ответственности.

Социальный контракт существенно отличается от других видов (субсидии, льготы, материнский капитал и др.) социальной поддержки населения.

Для социального контракта характерны следующие отличительные особенности:

- социальный контракт ориентирован на создание условий для человека, которые будут способствовать переходу к самостоятельному финансовому обеспечению. Использование выплаты по социальному контракту возможно только по целевому назначению;
- при заключении социального контракта обязательно разрабатывается программа индивидуальной социальной адаптации для гражданина, т.н. «дорожная карта».

Принципы реализации государственной социальной помощи на основании социального контракта изложены в Методических рекомендациях по оказанию государственной социальной помощи на основании социального контракта [3]. «Они включают:

- добровольное участие граждан;
- обязательность исполнения условий социального контракта;
- индивидуальный подход при разработке программы социальной адаптации;
- персональный подход при оказании государственной социальной помощи тем гражданам, которые имеют мотивацию к трудовой деятельности и улучшению своего материального положения;
- целевой характер оказания социальной помощи».

На получение финансовой помощи в рамках социального контракта могут расчитывать следующие группы граждан [3]:

- «малоимущие семьи, чья средняя месячная финансовая обеспеченность за последние три месяца не достигает уровня прожиточного минимума на человека в регионе регистрации;
- граждане, находящиеся в сложном финансовом положении и проживающие одни, чей доход за последние три месяца не превышает установленного в регионе уровня прожиточного минимума».

Оказание поддержки малообеспеченным гражданам в виде социального контракта предоставляется по нескольким направлениям [10]:

- поиск работы;
- осуществление предпринимательской деятельности;
- ведение личного подсобного хозяйства;
- преодоление трудной жизненной ситуации.

Существует ряд основных условий, касающихся оформления социального контракта. Прежде всего, заключить социальный контракт с государством может только гражданин Российской Федерации. Требуется наличие либо постоянной, либо временной регистрации в данном регионе. Еще одним важным требованием является то, что семья гражданина, обратившегося за социальной помощью, должна находиться в трудном финансовом положении. Это подразумевает, что доход на человека в семье должен быть ниже уровня прожиточного минимума, установленного в регионе регистрации гражданина. Также учитывают и имущество в собственности гражданина/семьи. Сведения предоставляют за три последних месяца до подачи заявления.

Социальный контракт может быть заключен повторно, но не ранее чем через 1 год (2 или 3 года региональные особенности).

Несоблюдение условий договора может привести к его аннулированию и приостановке финансовых выплат. Если будет выявлен обман или несоответствие бизнес-плана, государственные органы вправе расторгнуть социальный контракт и потребовать вернуть полученные средства. Кроме того, если гражданин по своей инициативе прекращает деятельность в течение действия контракта, то ему, также, предстоит вернуть средства, выделенные государством. При наличии подозрений на преднамеренное мошенничество со стороны заемщика, может быть инициировано уголовное дело, что грозит более строгими последствиями, вплоть до лишения свободы.

Количество заключенных социальных контрактов в Российской Федерации «в 2021 г. составило 282,3 тыс. ед., в 2022 г. — 276,3 тыс. ед., в 2023 г. — 245,4 тыс. ед., в 2024 г. — 204,7 тыс. ед. Несмотря на значительные объемы финансирования (в 2022 г. было выделено 29 917 610,26 тыс. рублей на все субъекты РФ, а в 2023 году - 34 919 990,0 тыс. руб.) [4], в 2024 г. — 38,3 млрд руб.) и охват населения, наблюдается устойчивая тенденция к снижению количества заключаемых контрактов. В 2024 г. этот показатель снизился более чем на 27% по сравнению с 2021 г. Аналогичную ситуацию мы видим и в Северо-Западном федеральном округе (табл. 2).

Статистические данные взяты начиная с 2021 г. не случайно, именно с этого периода федеральное софинансирование социального контракта получили все (кроме г. Москвы) субъекты РФ, что позволило расширить масштабы социальной поддержки в виде соцконтракта на всю страну и обеспечить равные условия для получения помощи всем малоимущим гражданам, независимо от места их проживания. До этого периода ряд субъектов даже не рассматривал возможность предоставления социального контракта, исходя из ограниченного объема финансовых ресурсов региона.

Таблица 2 – Количество заключенных социальных контрактов в субъектах СЗФО

Наименование субъекта	2021	2022	2023	2024
Республика Карелия	834	1 253	1 122	596
Республика Коми	3 040	2 739	2 328	*
Архангельская область	4 074	2 455	2 510	2596
Ненецкий АО	*	79	58	38
Вологодская область	2 737	2 897	2 405	1986
Калининградская область	2 488	1 893	2 033	1900
Ленинградская область	2 343	2 249	2 177	1354
Мурманская область	1 050	1 367	1 258	1106
Новгородская область	3 500	3 691	3 943	3393
Псковская область	1 700	2 465	1 878	1499
г. Санкт-Петербург	1 250	1 271	1 325	893
Северо-Западный ФО	23 016**	22 280	20 979	15 361**

Составлено автором по: Число заключенных социальных контрактов // ЕМИСС.

* - нет данных

** - частичные данные.

С 2021 г. по 2024 г. количество заключенных контрактов в целом по округу снизилось. Увеличение числа заключенных социальных контрактов в 2024 году наблюдалось только в Архангельской области. Объяснение этой тенденции кроется в уменьшение количества малоимущего населения (численность малоимущего населения в округе снизилась на 19,9% за период 2021-2023 гг., наибольший процент малоимущего населения от общей численности населения субъекта отмечался в Псковской области, наименьший – г. Санкт-Петербург) (табл. 3). По правилам предоставления социальной поддержки в виде социального контракта только малоимущее население имеет право

пользоваться такой мерой социальной поддержки. Кроме того, количество заключенных контрактов зависит от объема финансирования и структуры заключенных контрактов по направлениям. Следует также отметить, что не всегда заключенный контракт реализуется в течение одного года. Зачастую контракт заключается в середине года и переходит на следующий год, в отчетах которого он и отражается.

Таблица 3 – Динамика численности малоимущего населения по субъектам СЗФО, в % от общей численности населения субъекта РФ

Наименование субъекта	2021	2022	2023
	%	%	%
Республика Карелия	12,8	11,1	10,2
Республика Коми	14,0	11,7	11,5
Архангельская область	10,7	9,2	9,0
в т.ч. Ненецкий АО	8,7	7,6	7,6
Вологодская область	12,4	10,5	9,7
Калининградская область	13,4	10,8	10,2
Ленинградская область	8,3	7,0	6,8
Мурманская область	8,6	7,0	6,7
Новгородская область	12,9	11,6	10,8
Псковская область	14,2	13,1	12,5
г. Санкт-Петербург	5,2	4,6	4,4
СЗФО	9,0	7,6	7,3

Составлено автором по: Социально-экономическое положение Северо-Западного федерального округа в 2023 году // Федеральная служба государственной статистики. - М. 2024.

С введением пособий на детей в возрасте от 3 до 7 и от 8 до 17 лет доля малоимущих многодетных семей, получающих социальную поддержку в виде социального контракта уменьшилась. У значительной части многодетных семей дефицит дохода исчез. С 2022 г. социальный контракт стал более востребован у семей с одним-двумя детьми и семей без несовершеннолетних детей, что отразилось на плановом показателе «Доля граждан, охваченных ГСП на основании СК, в общей численности малоимущих граждан», который является более информативным и объективным показателем, отражающим количество получателей социальной помощи (он учитывает численность семьи) (табл. 4).

По данным таблицы 4 можно отметить, что динамика анализируемого показателя по субъектам СЗФО различна. Положительная динамика за период 2021-2024 год характерна для Республики Коми, Архангельской области, Калининградской области, Мурманской области, Новгородской области, Псковской области. В этих субъектах доля граждан из общей численности малоимущих граждан, охваченных социальным контрактом растет.

С 2021 по 2023 гг. демонстрируется положительная динамика доли граждан, охваченных ГСП на основании социального контракта, среднедушевой доход (СДД) которых превысил величину прожиточного минимума, установленного в субъекте РФ, по окончании срока действия социального контракта как плану, так и по факту (табл. 5).

Таблица 4 - Доля граждан, охваченных государственной социальной помощью на основании социального контракта, в общей численности малоимущих граждан, %

Наименование субъекта	2021	2022	2023	2024*
Республика Карелия	3,6	3,9	4,9	3,0
Республика Коми	3,1	5,8	1,2	4,8
Архангельская область	9,2	5,7	6,8	7,5
в т.ч. Ненецкий АО	6,2	5,4	9,4	3,9
Вологодская область	8,7	6,1	6,4	5,6
Калининградская область	5,5	5,4	5,0	5,7
Ленинградская область	3,2	3,3	3,7	2,7
Мурманская область	8,6	5,1	5,2	6,2
Новгородская область	11,6	11,2	13,7	15,1
Псковская область	7,4	7,2	5,3	6,0
г. Санкт-Петербург	1,1	1,2	1,2	1,0

Составлено автором по: Социально-экономическое положение Северо-Западного федерального округа в 2023 году // Федеральная служба государственной статистики. - М. 2024.

* источник: ЕМИСС

Таблица 5 – Динамика показателя «Доля граждан, охваченных ГСП на основании социального контракта, СДД которых превысил величину прожиточного минимума, установленного в субъекте РФ, по окончании срока действия социального контракта, %

Наименование субъекта	2021			2022			2023		
	План	факт	отклонение от плана, %	план	факт	отклонение от плана, %	план	Факт	отклонение от плана, %
Республика Карелия	17,6	30,0	70,5	20,1	24,0	19,4	24,0	42,0	75,0
Республика Коми	17,2	25,0	45,3	19,7	33,0	67,5	23,4	54,0	130,8
Архангельская обл.	14,3	29,0	102,8	16,5	30,0	81,8	19,7	49,0	148,7
в т.ч. Ненецкий АО	10,7	7,0	-34,6	16,1	17,0	5,6	19,1	29,0	51,8
Вологодская обл.	14,7	38,0	158,5	16,8	41,0	144,0	20,1	45,0	123,9
Калининградская обл.	15,2	25,0	64,5	17,4	27,0	55,2	20,6	55,0	167,0
Ленинградская обл.	10,0	58,0	480,0	11,6	18,0	55,2	14,0	51,0	264,3
Мурманская обл.	14,1	22,0	56,0	16,1	28,0	73,9	19,1	47,0	146,1
Новгородская обл.	15,4	29,0	88,3	17,6	36,0	104,5	20,8	50,0	140,4
Псковская обл.	18,3	22,0	20,2	21,0	37,0	76,2	25,1	52,0	107,2
г. Санкт-Петербург	7,6	23,0	202,6	8,9	26,0	192,1	10,8	47,0	335,2

Составлено автором по: [3].

В 2023 г. более 50% граждан, охваченных социальным контрактом, вышли из категории малоимущего населения в пяти субъектах СЗФО: Республика Коми, Калининградская область, Ленинградская область, Новгородская область Псковская область. Это значительные показатели результативности социального контракта. Рассмотрим результативность социального контракта (СК) по четырем направлениям, которые представлены в таблице 6.

**Таблица 6 - Результативность реализации СК
в разрезе субъектов Российской Федерации**

Наименование субъекта Российской Федерации	Доля граждан, охваченных СК, среднедушевой доход которых увеличился , в общей численности граждан, охваченных СК, в отношении которых проведена оценка СДД, %		ВСЕГО за 2021 и 2022 годы, %	Доля граждан, охваченных СК, среднедушевой доход которых превысил региональную величину ПМ, в общей численности граждан, охваченных СК, в отношении которых проведена оценка СДД, %		ВСЕГО за 2021 и 2022 годы, %
	2021 г.	2022 г.		2021 г.	2022 г.	
Результативность реализации СК на поиск работы						
Республика Карелия	103	74	82	50	25	32
Республика Коми	53	45	48	29	42	38
Архангельская область	66	69	69	35	28	30
Вологодская область	69	79	76	40	36	37
Калининградская область	82	69	77	34	31	33
Ленинградская область	79	56	57	79	41	43
Мурманская область	74	76	75	37	27	29
Новгородская область	79	84	82	30	33	32
Псковская область	71	79	78	35	32	33
Санкт-Петербург	25	62	62	25	25	25
Ненецкий автономный округ	0	100	100	0	85	85
Результативность реализации СК на индивидуальную предпринимательскую деятельность						
Республика Карелия	67	100	89	93	19	43
Республика Коми	52	43	45	45	50	49
Архангельская область	64	81	80	36	37	37
Вологодская область	79	87	87	31	44	44
Калининградская область	93	65	79	39	35	37
Ленинградская область	61	36	39	59	25	29
Мурманская область	65	83	81	25	31	30
Новгородская область	80	80	80	45	51	50
Псковская область	63	88	85	25	36	35
Санкт-Петербург	0	81	81	0	51	51
Ненецкий автономный округ	85	100	95	31	33	32

Окончание табл.6

Наименование субъекта Российской Федерации	Доля граждан, охваченных СК, среднедушевой доход которых увеличился , в общей численности граждан, охваченных СК, в отношении которых проведена оценка СДД, %		ВСЕГО за 2021 и 2022 годы, %	Доля граждан, охваченных СК, среднедушевой доход которых превысил региональную величину ПМ, в общей численности граждан, охваченных СК, в отношении которых проведена оценка СДД, %		ВСЕГО за 2021 и 2022 годы, %
	2021 г.	2022 г.		2021 г.	2022 г.	
Результативность реализации СК на ведение личного подсобного хозяйства						
Республика Карелия	0	100	44	0	0	0
Республика Коми	62	64	64	38	33	33
Архангельская область	0	57	57	0	14	14
Вологодская область	0	0	0	0	0	0
Калининградская область	60	51	56	13	20	16
Ленинградская область	60	42	46	27	26	26
Мурманская область	0	0	0	0	0	0
Новгородская область	85	80	81	2	22	19
Псковская область	85	0	85	25	0	25
Санкт-Петербург	0	0	0	0	0	0
Ненецкий автономный округ	32	0	32	0	0	0
Результативность реализации СК на преодоление тяжелой жизненной ситуации						
Республика Карелия	64	58	61	20	28	24
Республика Коми	52	66	64	15	18	18
Архангельская область	84	88	86	36	33	34
Вологодская область	75	100	84	16	21	18
Калининградская область	77	30	46	57	18	31
Ленинградская область	83	74	80	18	19	19
Мурманская область	82	79	81	29	19	26
Новгородская область	67	72	70	15	22	19
Псковская область	78	53	56	23	16	16
Санкт-Петербург	0	50	50	0	0	0
Ненецкий автономный округ	80	34	61	4	12	7

Источник: Бюллетень Счетной палаты РФ: социальная помощь. Приложение №1 к отчету: информация о реализации мероприятий СК // Счетная палата Российской Федерации. 2023.

Наименее эффективным с точки зрения выхода из бедности является соцконтракт по преодолению трудной жизненной ситуации. Данное направление ограничивается предоставлением финансовой помощи на решение текущих проблем гражданина и не предполагает активных действий с его стороны по изменению жизненной ситуации. По нашему мнению, социальный контракт по преодолению трудной жизненной ситуации не требует от гражданина дополнительной деятельности по освоению новых навыков, знаний, организации предпринимательской деятельности или подсобного хозяйства, а значит, в долгосрочной перспективе не может способствовать увеличению благосостояния и преодолению трудной жизненной ситуации. Преодолеть порог бедности после завершения соцконтракта по данному направлению в 2022 г. в СЗФО удалось только 20,6% его получателей.

Соцконтракт на развитие личного подсобного хозяйства востребован только в ряде субъектов СЗФО. Следует отметить, что Северо-Западный федеральный округ относится к зонам рискованного земледелия, так как территория подвержена неблагоприятным климатическим условиям (короткий вегетационный период, частые заморозки), что снижает интерес к данному направлению в производстве сельскохозяйственных культур. Также в СЗФО около 84% населения являются городскими жителями.

Наибольший интерес данного направления присутствует в Республике Коми, Ленинградской, Калининградской и Новгородской областях. По словам специалистов социального сопровождения, после завершения реализации соцконтракта продолжают вести личное подсобное хозяйство более 85% участников проекта. Однако по данному направлению граждане нуждаются в содействии по сбыту произведенной ими продукции. Преодолеть порог бедности после завершения соцконтракта на развитие личного подсобного хозяйства в 2022 г. в СЗФО удалось 23% получателям.

Наиболее востребованными и результативными мероприятиями соцконтракта у малоимущих категорий населения являются поиск работы и индивидуальная предпринимательская деятельность.

Самые популярные сферы открытия собственного дела, (в 2023 г., например, в Новгородской обл.), – парикмахерские услуги, обслуживание автомобилей, транспортное обслуживание, производство сувенирной продукции, деревообрабатывающее производство, ремонт одежды, обуви.

С 1 января 2024 года введено обязательное тестирование для выявления предпринимательских компетенций граждан, претендующих на получения социального контракта для открытия своего бизнеса. Тестирование проходит на площадке Центров социальной поддержки населения по месту проживания предпринимателя или Центров занятости с обязательным присутствием сотрудника соцзащиты. Граждане, не сдавшие тест, проходят обучение по развитию предпринимательских компетенций, в том числе центрах «Мой бизнес». Разработаны программы обучения продолжительностью 16 и более академических часов, которые отобраны Министерством экономического развития РФ в рамках реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Следует отметить, “данный процесс требует взаимодействие региональных органов социальной защиты, органов службы занятости, а также структур, отвечающих за развитие малого бизнеса” [9].

Преодолеть порог бедности после завершения соцконтракта на осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности в 2022 г. в СЗФО удалось 37,5% получателей. Количество заключенных соцконтрактов на индивидуальную предпринимательскую деятельность имеет повышательную тенденцию (табл. 7). Этому способствовал и максимально возможный размер финансовой поддержки по данному направлению (до 350 тыс. руб., а также средства на обучение, если это необходимо).

Заключение социального контракта на поиск работы находится на втором месте, после индивидуальной предпринимательской деятельности. Для исполнения социального контракта на поиск работы требуется тесное взаимодействие органов социальной защиты и органов службы занятости. Содействие гражданам в поиске подходящей работы, организация прохождения профессионального обучения, получение дополнитель-

тельного образования безработными гражданами относится к компетенции органов занятости. Наиболее популярные сферы трудоустройства в 2024 году (как и в 2023 году) – торговля, технический персонал, сфера услуг. Трудоустройство в указанных сферах преимущественно не требует от работников высокой квалификации и в большинстве случаев подходит гражданам, заключившим соцконтракт. Следует отметить, что в некоторых регионах существуют рабочие места с низким уровнем заработной платы, что не позволяет семье, использующей социальный контракт на поиск работы, преодолеть черту бедности. В 2022 г. после завершения соцконтракта на поиск работы в СЗФО преодолеть порог бедности смогли 36,8% получателей.

Таблица 7 – Основные параметры реализации социальных контрактов за 2021-2024 гг. в целом по Российской Федерации

Наименование	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.*	Всего
Количество заключенных социальных контрактов, тыс. шт.	282,3	276,3	245,4	204,7	1 008,7
<i>индивидуальная предпринимательская деятельность</i>	66,1	90,3	95,4	84,8	336,6
<i>в % к итогу</i>	<i>23,4%</i>	<i>32,7%</i>	<i>38,9%</i>	<i>41,4%</i>	<i>33%</i>
<i>поиск работы</i>	111,9	108,3	92,5	72,0	384,7
<i>в % к итогу</i>	<i>39,6%</i>	<i>39,2%</i>	<i>37,7%</i>	<i>35,2%</i>	<i>38%</i>
<i>ведение личного подсобного хозяйства</i>	26,8	30,3	29,2	24,6	110,9
<i>в % к итогу</i>	<i>9,5%</i>	<i>11,0%</i>	<i>11,9%</i>	<i>12,0%</i>	<i>18%</i>
<i>преодоление трудной жизненной ситуации</i>	77,5	47,4	28,3	23,3	176,6
<i>в % к итогу</i>	<i>27,5%</i>	<i>17,2%</i>	<i>11,5%</i>	<i>11,4%</i>	<i>18%</i>
Охвачено малоимущих граждан и членов их семей, тыс. человек	956,5	875,3	718,4	553,2	3 103,4
<i>индивидуальная предпринимательская деятельность</i>	210,6	273,0	269,0	224,8	977,4
<i>поиск работы</i>	329,2	291,4	226,1	151,9	998,6
<i>ведение личного подсобного хозяйства</i>	108,3	119,9	108,9	83,7	420,8
<i>преодоление трудной жизненной ситуации</i>	308,5	191,0	114,4	92,8	706,6

*Предварительные итоги по состоянию на 1 января 2025 года (за 2024 год).

Источник: Бюллетень Счетной палаты РФ. Социальный контракт. № 7 (333), 2025. Приложение № 1.

В ходе анализа реализации социальных контрактов в субъектах СФЗО были выявлены проблемы, которые можно условно разделить на несколько групп:

- финансовые;
- кадровое обеспечение;
- организационно-методические;
- проблемы профессионального и психологического характера заявителя;
- информационно-технологические.

Финансовые. Основным фактором, влияющим на количество заключённых социальных контрактов, является объем денежных средств, выделенных субъекту РФ из федерального бюджета, а также финансовые возможности региона. Расчет размера субсидий из федерального бюджета на реализацию мероприятий в рамках социального контракта на планируемый год осуществляется на основании «Правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию мероприятий, направленных на оказание государственной социальной помощи на основании социального контракта» (Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 296 (ред. от 12.07.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Социальная поддержка граждан»» [5]. Размер субсидий зависит:

- от потребностей региона (обоснованных на основе данных отчетного года),
- размера прожиточного минимума в регионе,
- возможностей федерального бюджета,
- планируемой доли охвата малоимущих граждан социальным контрактом в регионе.

Введенные изменения в 2023-2024 гг. в финансовое обеспечение социального контракта повысили его эффективность. Однако, выделение федеральной субсидии носит заявительный характер и базируется на данных отчетного года. Существуют прецеденты, когда гражданин не может воспользоваться социальной помощью в виде социального контракта, так как имеет место лимит, предусмотренный на соответствующий год по выбранному направлению. Поэтому при наличии высокой инфляции и дефиците региональных бюджетов механизм планирования финансовых ресурсов на реализацию социального контракта нуждается в дополнительной проработке.

Кадровое обеспечение. Расширение программ социальной помощи населению в регионах вызывает необходимость увеличения кадрового обеспечения.

Анализируя «Методические рекомендации по оказанию государственной социальной помощи на основании социального контракта» (Утверждены приказом Министерства труда и социальной защиты РФ 29 марта 2024 г. N 159) с точки зрения обязанностей сотрудников социальной службы, следует отметить значительный объем профессиональной работы: информирование граждан о возможностях социального контракта, оценка нуждаемости гражданина, сопровождение разработки программы социальной адаптации, мониторинг и оценка эффективности программы и многое другие аспекты, которые за последние годы значительно увеличились.

Активное внедрение цифровых технологий в систему социального обслуживания населения повышает требования к уровню квалификации специалистов. Также оказание социальных услуг требует от работников, помимо владения сугубо профессиональными технологиями и инструментами, навыков эффективного построения диалога с человеком, учета его личностных особенностей. Такие высокие требования существенно затрудняют процесс подбора новых сотрудников социальных служб.

Организационно-методические. Расширению практики соцконтракта препятствуют разные трактовки трудной жизненной ситуации в региональных законах, что повышает уровень субъективности в оценке жизненной ситуации каждого конкретного человека. Главным критерием трудной жизненной ситуации, по нашему мнению, должна быть нехватка денежных средств для преодоления черты бедности.

Не до конца проработано взаимодействие органов социальной защиты населения, органов занятости, органов в сфере регулирования малого и среднего предпринимательства, а также в сфере сельского хозяйства при реализации индивидуальных программ социальной адаптации граждан. Слаженность работы и согласованность действий всех участников еще предстоит достигнуть.

В рамках реализации программы социальной адаптации пунктом 35 Правил № 1931 [6] предусмотрено «оказание содействия семье участника социального контракта в получении мер поддержки по организации ухода за нетрудоспособными членами семьи получателя государственной социальной помощи на основании социального контракта, направлении несовершеннолетних членов семьи в дошкольную образовательную организацию, трудоустройстве членов семьи и иных видов поддержки. Как показала проверка, указанное содействие органами социальной защиты населения практически не оказывается, что для половины участников соцконтракта является одной из причин невыхода из бедности» [7].

При ведении личного подсобного хозяйства срок контракта, равный одному году, не позволяет получить запланированный доход (производственный цикл по некоторым животноводческим направлениям составляет не менее 1,5 лет).

Проблемы профессионального и психологического характера заявителя

Группа психологических факторов участников-заявителей программы связана с:

- наличием страха отказа от льгот и пособий для малоимущих граждан;
- непониманием принципов и сути социального контракта;
- низкой мотивацией к трудовой самореализации;
- боязнью принятия ответственности за обеспечение уровня дохода после срока окончания действия социального контракта;
- трудностями в подготовке отчетности по контракту.

Также следует отметить у желающих заключить социальный контракт на индивидуальную предпринимательскую деятельность наблюдается низкий уровень необходимых компетенций. Именно с этим связано введение с 2024 г. обязательного тестирования для определения уровня предпринимательских компетенций. Тренировочный тест можно пройти на цифровой платформе МСП.РФ [8]. Это условие, с одной стороны, снизило риск невыполнения условий договора, а, с другой стороны, усилило страх потенциальных заявителей при прохождении тестирования.

Информационно-технологические. Недостаточная информированность граждан как о возможности социальной поддержки в виде социального контракта, так и сути социальных контрактов (возможности, права и обязанности сторон контракта) снижают потенциальный охват малоимущего населения этой формой социальной поддержки и создают необоснованные ожидания у потенциальных получателей от их реализации.

Программно-техническое обеспечение структурных подразделений социальных служб требует обновления.

С 2024 года государственная социальная помощь на основании социального контракта предоставляется на принципах Социального казначейства, что позволяет минимизировать объем пакета документов. Сбор сведений, необходимых для заключения социального контракта и контроля за его исполнением, будет происходить по аналогии

с другими мерами поддержки – большую часть данных органы соцзащиты будут получать путем межведомственного взаимодействия. Возможность подать заявление на заключение социального контракта доступна на федеральном портале Госуслуг, однако фактическая возможность инициировать процесс онлайн зависит от интеграции региональных органов социальной защиты с системой Госуслуг.

Идентифицированные проблемы в области реализации социального контракта характерны практически для всех субъектов Российской Федерации, в том числе и для регионов СЗФО.

Итогом 25-летней эволюции социального контракта в Российской Федерации стало создание общедоступной системы мер социальной поддержки населения, в рамках которой предусматривается как традиционная материальная поддержка в трудной жизненной ситуации (в виде единовременного или ежемесячного пособия), так и механизмы, направленные на изменение экономического поведения человека, стимулирующие развитие его человеческого потенциала. Использование бюджетных средств на предоставление государственной социальной помощи на основании социального в целом оценивается как результативное.

Проведенный анализ оказания социальной помощи малоимущему населению на основании социального контракта в субъектах СЗФО позволил сформулировать следующие направления совершенствования механизмов реализации социального контракта:

1. Повышение информированности граждан о возможностях социального контракта, используя для этого современные информационные и цифровые технологии.

2. Сопровождение процесса реализации социального контракта (в виде куратора – специалиста органов соцзащиты, способного оказать поддержку, консультацию на всех этапах реализации социального контракта), что будет способствовать стимулированию активных действий малоимущих граждан.

3. Повышение квалификации специалистов социальной сферы по направлениям: владение современными цифровыми и информационными технологиями; правовыми и психологическими основами социальной работы.

4. Увеличение срока социального контракта на ведении личного подсобного хозяйства до 18 месяцев, так как производственный цикл по некоторым животноводческим направлениям составляет не менее полутора лет.

5. Усиление межведомственного взаимодействия (Центры социального обслуживания населения, Центры занятости, налоговые органы, представители бизнес-структур и др.) с целью комплексного подхода при решении задач социального контракта.

6. Увеличение финансового обеспечения социального контракта на региональном уровне за счет формирования специального фонда путем привлечения инвестиций бизнес-сообществ.

7. Использование мер налогового стимулирования получателей социального контракта, применяя лучшие практики регионов.

8. Взаимодействие с гражданами, не получившими государственной социальной помощи (ГСП) на основании социального контракта в связи с отсутствием у органа социальной защиты населения бюджетных ассигнований, предусмотренных на указанные цели в полном объеме, до момента получения ими ГСП.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015>
2. Более 65 тыс. социальных контрактов заключено с начала года // Парламентская газета. 6 мая 20025 г. URL: <https://www.pnp.ru/social/bolee-65-tys-socialnykh-kontraktov-zaklyucheny-s-nachala-goda.html> (дата обращения: 02.05.2025).
3. Методические рекомендации по оказанию государственной социальной помощи на основании социального контракта: приказ Минтруда России от 3 августа 2021 г. №536. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2004> (дата обращения: 08.05.2025).
4. Отчет о ходе реализации государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» за 2023 г. // Минтруд России. 2024. URL: <file:///C:/Users/anast/Downloads/Document-0-10791-src-1716555585.2536.pdf> (дата обращения: 11.05.2025).
5. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан»: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. №296. URL: https://alexandrov.social33.ru/upload/medialibrary/14a/sz3mf2zg20w6yktq4xwipugc7vlkrhxk/296_post_prav_red12072024.pdf (дата обращения: 05.05.2025)
6. Постановление Правительства РФ от 16.11.2023 N 1931 (ред. от 18.02.2025) «Об оказании субъектами Российской Федерации на условиях софинансирования из федерального бюджета государственной социальной помощи на основании социального контракта в части, не определенной федеральным законом "О государственной социальной помощи" (вместе с "Правилами оказания субъектами Российской Федерации на условиях софинансирования из федерального бюджета государственной социальной помощи на основании социального контракта в части, не определенной федеральным законом "О государственной социальной помощи"»).
7. Бюллетень Счетной палаты РФ. Социальный контракт. № 7 (333), 2025.
8. Цифровая платформа МСП.РФ // Национальные проекты России. URL: <https://msp.rf/>
9. Скворцова М.Б. Социальный контракт как способ вовлечения населения в предпринимательскую деятельность // Стратегии развития предпринимательства в современных условиях : сборник научных статей VII международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 5 апреля 2023 г. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2023. – 240 с.
10. Скворцова М. Б. Социальный контракт как механизм социальной защиты отдельных категорий населения // Проблемы преобразования и регулирования региональных социально-экономических систем: сб. науч. трудов. — СПб, 2020. — С. 35–39.
11. Скворцова М.Б. Социальный контракт – возможность социально-экономической поддержки населения// Региональная экономика и развитие территорий/ Под ред. Л. П. Совершаевой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022, 1 (16). – 252 с.

РАЗВИТИЕ РАССЕЛЕНИЯ И УРБАНИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЛОМОНОСОВСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Ломоносовский муниципальный район (МР) — муниципальное образование (МО) в составе субъекта РФ Ленинградская область. Площадь территории Ломоносовского МР составляет 2404 кв. км, при этом общая площадь земель района — 1919 кв. км [1, с. 40]. Общая численность постоянного населения на начало 2017 г. составляла 69,9, на начало 2024 г. — 90,6 тыс. чел., из которых в 2017 г. 7,2 тыс. чел. (10%) — городское население и 62,7 тыс. чел. (90%) — сельское население, в 2024 г. 40,1 тыс. чел. (44%) — городское население и 50,5 тыс. чел. (56%) — сельское население. Только за 2023 г. рост общей численности постоянного населения района составил 5,3 тыс. чел. [2], и этот рост, как и рост доли городского населения, продолжился и после 2023 г. Укажем, что к городскому населению при этом, в отличие от официальных статистических данных, мы относим всё население всех четырёх городских поселений (ГП) Ломоносовского района, а не только население городских населённых пунктов (ГНП) в их составе. Основания для этого — учёт доминирующей роли этих ГНП, конкретно, городских посёлков, административных центров этих ГП, небольшие размеры и хорошая транспортная доступность заселённых территорий поселений, их близость к Петербургу и другие факторы.

Отметим также, что в летний сезон в силу того обстоятельства, что на территории Ломоносовского района располагается более 200 СНТ и ДНП, а также резко увеличивается количество представителей других категорий временного населения численность наличного населения за счёт жителей Санкт-Петербурга, других МО Ленинградской области и других регионов увеличивается более чем в 2 раза [3].

Таким образом, доля Ломоносовского МР от всей площади территории Ленинградской области составляет 2,3% [1], а от всей численности постоянного населения — 4,5% [2] при значительном количестве с сезонными колебаниями временного населения. Что, конечно, особенно с учётом устоявшегося быстрого роста численности населения района, значимо как для всей области, так и для непосредственно граничащей с Ломоносовским районом юго-западной части города федерального значения (ГФЗ) - Санкт-Петербург.

Принимая во внимание важнейшей значимости специфику пригородного расположения исследуемого муниципального района по отношению к Петербургу, фактическую численность его населения следует считать и ещё большей, так как проявляет себя, местами весьма значимо, например, тенденция приобретения вновь строящегося жилья на территории района с фактическим там проживанием и сохранением при этом регистрации по месту жительства в Петербурге.

Ломоносовский район на северо-востоке и востоке на значительном протяжении граничит с четырьмя административными районами ГФЗ Санкт-Петербург, на юге,

¹ Работа выполнена в соответствии с государственным заданием ИПРЭ РАН в рамках темы НИР «Разработка механизмов обеспечения устойчивого развития городов, городских агломераций и природной среды с использованием методов математического моделирования», (FMGS-2025-0003), №125011000104-7 на 2025-2027 гг.

юго-западе и западе — с тремя муниципальными районами и Сосновоборским городским округом Ленинградской области. На севере и западе территория рассматриваемого района также на значительном протяжении выходит к Финскому заливу Балтийского моря (рисунок 1) [3].

Самый крупный населённый пункт района — городской посёлок (гп) *Новоселье* (более 10 тыс. жителей), располагается в восточной части района и непосредственно примыкает к территории Красносельского района Петербурга, является административным центром крупнейшего по численности населения Аннинского городского поселения (ГП). Второй по численности населения городской посёлок *Лебяжье* (более 5 тыс. жителей) располагается в северной части района. Он находится на побережье Финского залива, недалеко от города Ломоносов Петродворцового района Санкт-Петербурга. И именно в г. Ломоносове располагаются органы местного самоуправления Ломоносовского МР, что является, возможно, ситуацией, требующей рассмотрения при осуществлении планирования его перспективного развития.

Всё обозначенное выше имеет существенное значение для развития экономики, расселения и урбанизации на территории Ломоносовского района, как и целый ряд других определяющих это развитие факторов, выявление и анализ которых является одной из актуальных и важных задач для достижения цели определения характеристик, тенденций и перспектив развития расселения и урбанизации на территории района.

Рисунок 1 — Местоположение МО «Ломоносовский муниципальный район» в Ленинградской области и по отношению к г. Санкт-Петербург

Исходная гипотеза выполняемого исследования по представляемой теме была сформулирована следующим образом. Ломоносовский МР, являясь одним из самых плотно заселённых, с быстро возрастающей с 2016 г. численностью постоянного населения (рисунок 2) и долей в ней городского и урбанизированного населения, экономически развитых и привлекательных для инвестиций районов Ленинградской области

[3], обладает чрезвычайно выгодным экономико-географическим положением и сравнительно крупным, многокомпонентным потенциалом для дальнейшего сбалансированного и устойчивого развития расселения и урбанизации на его территории [4].

Обеспечение полноценной реализации этого потенциала с учётом всех существенных ограничений и возможных рисков — одна из важнейших задач стратегического и территориального планирования развития Ленинградской области и Санкт-Петербургской городской агломерации с зоной формирующего влияния. Подтверждение и уточнение упомянутой исходной гипотезы, обозначение, краткая характеристика наилучших основных направлений и способов обеспечения реализации упомянутого потенциала — цель представляемого исследования.

Характер землепользования таков, что земли лесного фонда составляют 54%, земли с/х назначения — 27%; земли населённых пунктов, среди которых нет пока ни одного города — 5% от всей площади земель Ломоносовского МР. При этом две трети земель лесного фонда составляют санитарно-защитные леса, в которых возможна только рубка ухода. Ресурсы поверхностных вод в целом невелики, но по запасам подземных вод район можно отнести к среднеобеспеченным районам Ленинградской области [3].

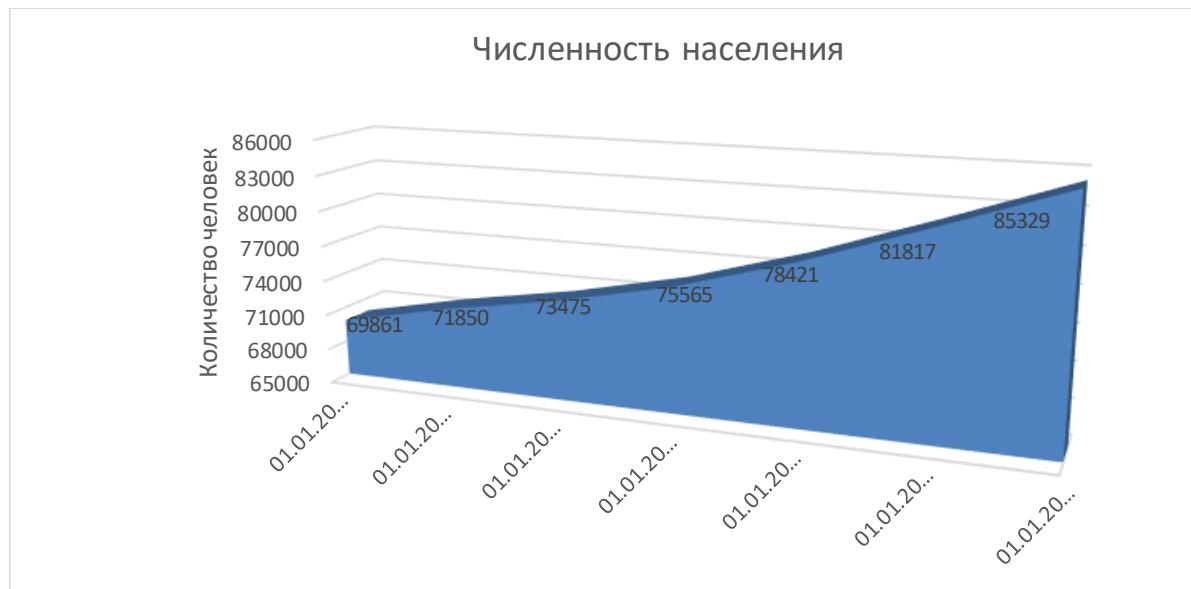

Рисунок 2 — Численность постоянного населения Ломоносовского муниципального района Ленинградской области в 2017-2023 гг.

Интегральную оценку можно дать следующую: территория Ломоносовского района освоена и заселена пока довольно умеренно и неравномерно, в наименьшей степени она заселена в центральной и западной своих частях, где распространены болота и болотисто-лесные ландшафты. Хотя при этом к позитивным тенденциям можно отнести то, что развитие расселения носит поликентрический характер. Однако можно утверждать, что в настоящее время достаточно отчётливо выражены как асимметрии, так и социально-экономические диспропорции в территориально-структурном развитии Ломоносовского МР и его расселения.

Важным фактором для развития расселения, урбанизации, с проявлениями рурбанизации и руралитации на отдельных территориях следует считать и то, что на тер-

ритории Ломоносовского района организованы следующие *особо охраняемые природные территории* [3]:

- государственный природный комплексный заказник регионального значения «Лебяжий»;
- радионовые источники и озера у деревни Лопухинка;
- государственный природный заказник «Гостилицкий»;
- заказник местного значения «Поляна Бианки» (гп Лебяжье).

По значениям показателей выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников Ломоносовский МР является одним из лучших пригородных по отношению к Ядру Петербургской агломерации районов Ленинградской области.

Ломоносовский МР является перспективной территорией для развития туризма: Копорская крепость, Форт Красная горка, Ропшинские пруды, радионовые источники и озёра, храмы, усадьбы, особняки и парки, места Боевой славы и многое другое определяют существующие и вновь возникающие маршруты на территории района, привлекающие уже многочисленных туристов. И это также в определённой степени определяет тенденции и направленность развития расселения Ломоносовского МР.

Отметим, что в непосредственной близости от Ломоносовского района располагаются многофункциональный морской перегрузочный терминал «Бронка», морской порт с контейнерным терминалом в г. Ломоносов, международный аэропорт «Пулково». При этом Ломоносовский МР имеет довольно развитую транспортную сеть и относительно высокий уровень обеспеченности современными транспортными путями сообщения. *Благодаря, в частности, своему выгодному экономико-географическому расположению, хорошей оснащённости транспортными коммуникациями, относительно высокой степени интегрированности в региональную систему, межрегиональные и международные системы транспортных коммуникаций, район обладает сравнимым крупным потенциалом социально-экономического и территориального развития, высоким уровнем конкурентоспособности в регионе и за его пределами* [3, 4].

Железнодорожный транспорт обеспечивает массовые перевозки петербуржцев к местам кратковременного и длительного отдыха, а также постоянного населения Ломоносовского МР к местам приложения труда и объектам культурно-бытового назначения, находящимся как непосредственно на территории муниципального района, так и в Петербурге. В частности, по территории Ломоносовского района проходят две магистральные железнодорожные линии Октябрьской железной дороги (ОЖД): Санкт-Петербург-Балтийский – Лигово – Ораниенбаум I (г. Ломоносов) – Лебяжье – Калище (г. Сосновый Бор) и Лигово – Гатчина-Балтийская с интенсивным движением пригородно-городских электропоездов.

Автомобильные пути сообщения и автомобильный транспорт на территории Ломоносовского района достаточно развиты и даже играют главенствующую роль в реализации пассажирских и грузовых перевозок.

Автодороги межмуниципального значения 41К-008 «Петергоф - Кейкино» (бывшая Р-35), соединяющая восточную и западную части района, федерального значения А-180 «Нарва» Санкт-Петербург – Ивангород – граница с Эстонией, регионального значения 41А-007 «Санкт-Петербург – Ручьи», федерального значения часть юго-западного контура КАД вокруг Санкт-Петербурга (А-118), части Санкт-Петербургского

южного полукольца (А-120) и Волхонского шоссе составляют, наряду с упомянутыми ж/д линиями, основу транспортно-коммуникационного каркаса (ТКК) и планировочного каркаса территории Ломоносовского МР.

Такая ситуация наряду с близостью территории Ломоносовского МР к Петербургу, Ядру Петербургской городской агломерации определяет для неё наличие высокого уровня развития системы маятниковых миграций, осуществляющихся с использованием средств как железнодорожного, так и автомобильного транспорта [4], что в существенной степени способствует усилению процесса рурбанизации и постепенному формированию расселенческого сельско-городского континуума.

К тому же, что важно, ТКК Ломоносовского МР и прилегающих к нему территорий продолжает развиваться, имеет серьёзные перспективы развития во многих отношениях и направлениях. Это и строительство Юго-Западного железнодорожного обхода, и организация движения пригородных электропоездов по маршруту Ораниенбаум I – Белоостров. Большое значение будут иметь строительство автодороги, соединяющей в обход Красного Села КАД вокруг Санкт-Петербурга и «Нарву», автодороги в обход г. Сосновый Бор, реконструкция всех важнейших в районе автодорог (рисунок 3) [5]. Значимым проектом, предполагаемым к реализации в ближайшее время, для Ломоносовского МР будет строительство автодороги федерального значения КАД-2 вокруг Санкт-Петербурга с зоной перспективного развития прилегающих к ней территорий [4]. Понятно, что на территории Ломоносовского района устойчиво и быстрыми темпами развиваются транспортные компании и транспортно-логистическая деятельность [3, 5].

Рисунок 3 — Перспективы развития транспортно-коммуникационного каркаса в части некоторых автодорог Ломоносовского муниципального района

Чрезвычайно динамично развивающаяся промышленность является ведущей отраслью экономики Ломоносовского МР, а по объёму отгруженной продукции промышленности район по итогам 2023 г. (274 млрд руб.) занял второе место среди муниципальных образований 1-го уровня в Ленинградской области, обеспечив производство почти 18% регионального упомянутого объёма (рисунок 4) [3].

В структуре промышленности при этом доминируют производство пищевых продуктов и табачных изделий, полиграфическое производство, машиностроение с высокой долей производства электрооборудования и электронного оборудования, химическая промышленность, деревообработка и производство строительных материалов. На предприятиях района, что важно в контексте обсуждаемой темы, быстрыми темпами возрастает производство компьютеров, электронных и оптических изделий.

Высокоразвитая обрабатывающая промышленность безусловно выступает в качестве одного из основных факторов снижения рисков и негативных последствий воздействия на природно-экологическую ситуацию, являясь фактором устойчивого развитие расселения и урбанизации района. Существенную роль в этих процессах играет создание индустриального парка «Greenstate» в промзоне «Горелово» и в целом достаточно благоприятный инвестиционный климат на территории Ломоносовского района [5]. Пока большая часть крупных и средних промышленных предприятий расположены в юго-восточной части территории района, там же концентрируются и соответствующие многочисленные инвестиционные площадки [4, 5]. Значительная концентрация таких инвестиционных площадок наблюдается и в северной части территории района, прежде всего, в Пениковском сельском поселении (СП).

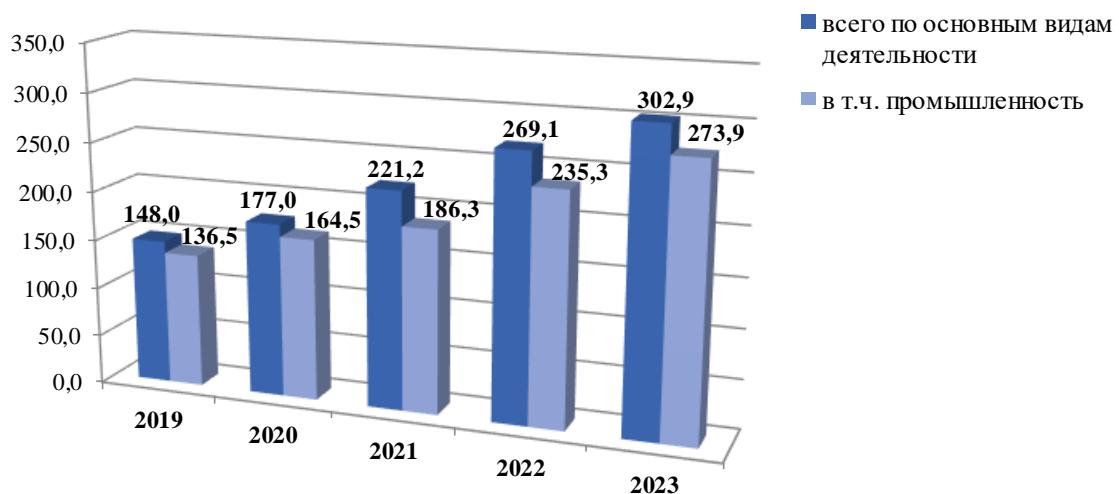

Рисунок 4 — Динамика объёма отгруженной продукции предприятий Ломоносовского муниципального района в 2019-2023 гг.

Следует также отметить, что экономика Ломоносовского МР имеет по ряду важнейших признаков преимущественно индустриальный характер, но при сохраняющейся важной роли для развития и структурирования расселения сельского хозяйства и лесного хозяйства.

Муниципальные образования и населённые пункты в составе Ломоносовского муниципального района определяются в соответствии с областным законом от 15.06.2010 № 32-оз «Об административно-территориальном устройстве Ленинградской области и порядке его изменения». Ломоносовский МР, как МО, включает в пределах своих границ в настоящее время 4 городских поселения и 11 сельских поселений (таблица 1) (рисунок 5) [2, 3].

Таким образом, расселения Ломоносовского МР включает 4 городских населённых пункта и 140 сельских населённых пунктов, расположение которых обнаруживает тяготение к транспортным магистралям с очевидным ростом в целом плотности распределения населения и застройки по мере приближения к границам ГФЗ Петербург (рисунок 5). В своей совокупности эти населённые пункты в их взаимосвязанности и динамике трансформации образуют конкретные структуры расселения на территории района со своими, своеобразными траекториями развития.

Таблица 1 — Административно-территориальное устройство Ломоносовского муниципального района Ленинградской области, 2024 г.

№ п/п	Городские поселения (ГП) и сельские поселения (СП)	Административный центр	Кол-во населённых пунктов	Численность постоянного населения, тыс. чел.
1.	Большенижорское ГП	городской посёлок Большая Ижора	1	2,5
2.	Лебяженское ГП	городской посёлок Лебяжье	10	6,3
3.	Аннинское ГП	городской посёлок Новоселье	14	18,6
4.	Виллозское ГП	городской посёлок Виллози	14	12,7
5.	Горбунковское СП	деревня Горбунки	8	8,6
6.	Гостилицкое СП	деревня Гостилицы	7	5,0
7.	Кипенское СП	деревня Кипень	11	6,3
8.	Копорское СП	село Копорье	17	2,4
9.	Лаголовское СП	деревня Лаголово	3	3,6
10.	Лопухинское СП	деревня Лопухинка	13	3,1
11.	Низинское СП	деревня Низино	10	5,1
12.	Оржицкое СП	деревня Оржицы	6	3,3
13.	Пениковское СП	деревня Пеники	19	3,3
14.	Ропшинское СП	посёлок Ропша	9	4,4
15.	Русско-Высоцкое СП	село Русско-Высоцкое	2	5,4
Итого:			144	90,6

При этом развитие расселения и урбанизации носит в существенной степени подчинённый характер, что объясняется, в частности, ускоренным развитием разнообразных инфраструктурных систем и комплексов на соседних по отношению к Ломоносовскому району территориях Петербурга. Активное градостроительное развитие на территориях, соседствующих с Петербургом, началось после 2011 г., с завершением строительства Кольцевой автодороги (КАД) вокруг Петербурга. В качестве приоритетных направлений развития данных территорий следует отметить создание промышленных зон и реализацию проектов комплексного жилищного строительства, ориентированных на взаимосвязи с Ядром Петербургской агломерации.

Развитию урбанизации и рурбанизации на территории района способствуют такие доминирующие тренды территориально-структурного формообразования, как опережающие развитие промышленности и жилищного строительства, систем инфраструктурного обеспечения и потребительского рынка, что положительно влияет, в т.ч., на баланс миграций трудовых ресурсов. Непосредственная близость Ломоносовского района к Петербургу, Ядру Петербургской агломерации, относительно низкая стоимость жилья и высокий уровень заработной платы содействуют росту положительного миграционного сальдо. Но при этом наблюдаются в силу разных причин и отдельные случаи временного оттока мигрантов, например, из деревни Горбунки [5].

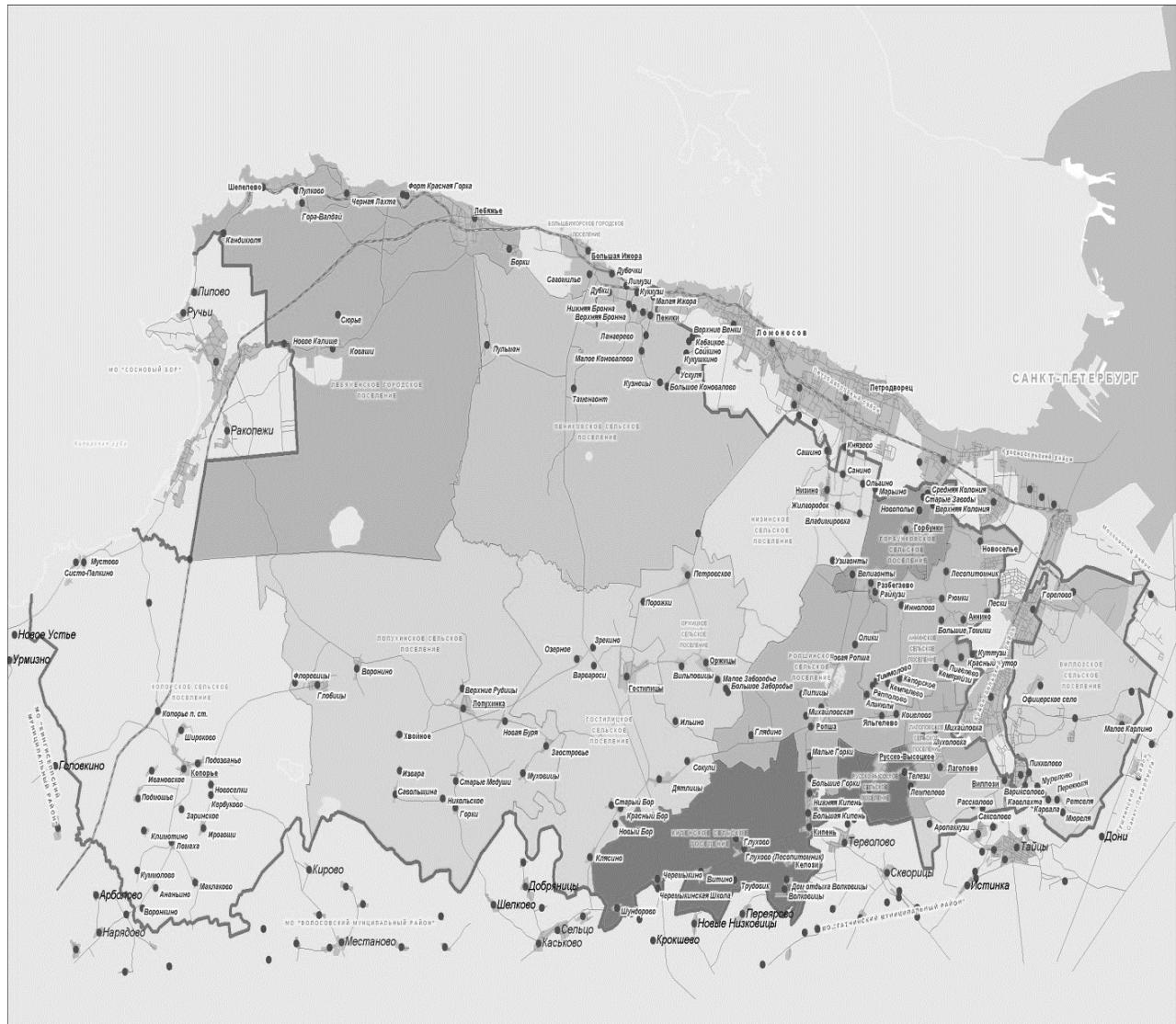

Рисунок 5 — Городские и сельские поселения Ломоносовского муниципального района

Можно утверждать, что рынок труда Ломоносовского МР уже в полной мере интегрирован в общий рынок труда Петербургской агломерации. Высокая во всех аспектах мобильность населения является важным фактором роста его деловой и трудовой активности, снижения структурной безработицы, что сглаживает напряженность на рынке труда. Но сложность ситуации заключается в том, что при этом наблюдается и определён-

ный дефицит квалифицированных кадров, что отчасти объясняется конкуренцией за трудовые ресурсы со стороны предприятий и организаций Ядра Петербургской агломерации.

Интегральная оценка потенциалов саморазвития городских и сельских поселений Ломоносовского МР выявляет очевидные конкурентные преимущества: Виллозского ГП, Горбунковского СП, Аннинского ГП, Лебяженского ГП, Низинского СП, Пениковского СП, Лаголовского СП, Кипенского СП и Ропшинского СП [5]. Эту же особенность территориально-структурного развития района обнаруживает тот факт, что в качестве приоритетных зон развития определены [5]:

- северо-восточная часть Виллозского ГП преимущественно промышленного развития, включающая в себя существующую промзону «Горелово» с примыкающими к ней территориями, а также многофункциональный комплекс «Скачки»;
- юго-восточная часть Ломоносовского МР преимущественно промышленного развития, включающая в себя отдельные части Лаголовского, Русско-Высоцкого и Ропшинского СП;
- северная часть Пениковского СП преимущественно промышленного развития, включающая в себя несколько промзон и возможным образом на границе с Низинским СП и далее единой для этих поселений зоны промышленного и общественно-делового назначения, с реализацией проекта создания образовательно-научного центра в посёлке Троицкая Гора;
- северные части Низинского СП и Горбунковского СП с преимущественным развитием зон промышленного и общественно-делового назначения;
- северная часть Лебяженского ГП и Большеижорское ГП с преимущественным развитием туристско-рекреационных зон.

Действующими генеральными планами городских и сельских поселений, имеющих общую границу с Петербургом, предусмотрена реализация достаточно крупных проектов по строительству многоквартирной жилой застройки. При этом наибольшее увеличение объёмов нового жилищного строительства планируется (в порядке уменьшения упомянутых объёмов) в Аннинском ГП, Лаголовском СП, Низинском СП, Горбунковском СП [6].

При оценке перспектив развития расселения и урбанизации будем исходить из сценария развития Ломоносовского МР, который основан на реалистичной оценке социально-экономической ситуации и реально складывающихся условий и факторов развития [5], обозначая его как «реалистический сценарий».

При таком сценарии диверсификация экономики района будет осуществляться за счёт приоритетного развития инновационно-ориентированных производств, расширения номенклатуры продукции и повышения конкурентоспособности отраслей обрабатывающей промышленности, а также посредством развития потребительского рынка, сферы услуг, снятие основных инфраструктурных ограничений, особенно в части транспортно-логистического комплекса, развития туристско-рекреационного комплекса, агропромышленного комплекса, более равномерного и сбалансированного размещения инвестиционных площадок на территории района.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии потенциала для значительного роста и развития на территории района транспортно-логистических и промышленных функций. Можно также прогнозировать сохранение территориальной концентрации

этих функций в юго-восточной части и северной части района, хотя некоторое их развитие в перспективе следует ожидать и на других территориях, в частности, в юго-западной его части (Лопухинское СП и Копорское СП), что сделает бесспорной её вхождение, интеграцию в состав Петербургской агломерации.

Упомянутый реалистический сценарий предполагает рост инвестиций в бюджетный сектор, а также сохранение высокой доли социальных расходов в муниципальном бюджете для реализации социально значимых муниципальных программ, что несомненно окажет благоприятное воздействие на демографическую ситуацию и её трансформацию в районе.

Предусмотренный данным сценарием поликентрический характер развития производительных сил, размещения инвестиционных площадок по территории района, реализации проектов комплексного жилищного строительства будет способствовать выравниванию уровней социально-экономического развития поселений и повышению качества жизни населения в определённой мере на всей территории Ломоносовского МР.

Городское население Ломоносовского района, проживающее в четырёх городских поселениях, пока составляет 44% от общей численности постоянного населения района (табл. 1). При этом более 20% от численности постоянного населения района проживает в Аннинском ГП (18,6 тыс. чел.) и более 14% — в Виллозском ГП (12,7 тыс. чел.).

Наиболее крупными по численности постоянного населения сельскими поселениями с уже упомянутыми зонами приоритетного развития являются:

- Горбунковское СП (8,6 тыс. чел.),
- Кипенское СП (6,3 тыс. чел.),
- Русско-Высоцкое СП (5,4 тыс. чел.),
- Низинское СП (5,1 тыс. чел.),

Географическое положение, исторический контекст, природные и хозяйственны особенности развития территории Ломоносовского МР предопределяют её определённую целостность, в т.ч. в аспекте развития её расселения и урбанизации. Но *Ломоносовский МР входит в состав Петербургского экономического микрорайона (ЭМ)* [7] с крупнейшим городом, формирующим крупнейшую городскую агломерацию [8].

По нашим представлениям, Ломоносовский муниципальный район бесспорно входит, по крайней большей своей частью, в состав Петербургского ЭМ. Территорию Ломоносовского МР выделяют и другие исследователи, также относя её к внутреннему или 1-му поясу Петербургской агломерации и позиционируя её как возможную территорию ускоренного социально-экономического и территориального роста и развития [9].

Понятно, что на территории Ломоносовского МР распространены самые различные виды маятниковой миграции. В летний сезон численность наличного населения значительно увеличивается, о чём уже упоминалось, за счёт временного населения, кратно увеличивая и так немалую нагрузку на объекты инфраструктуры, осложняя их функционирование, но и выступая в качестве значимого фактора развития и не только инфраструктурных объектов.

Из всего изложенного очевидно, что с точки зрения основной своей типологии расселение Ломоносовского района составляют структуры преимущественно городского расселения, хотя на его территории существенное значение имеют и элементы сельского расселения, сельские населённые пункты, особенно в юго-западной его части.

Диагностируется по ряду значимых признаков, что на основе развивающейся Новосельевско-Аннинской сублокальной системы расселения постепенно *формируется Новосельевско-Аннинская сельско-городская ассоциация населённых пунктов (Новосельевско-Аннинская СГАС)*. Можно говорить и о начале формирования Лябяженско-Большежорской СГАС. Предварительно, но это можно интерпретировать так, что Новосельевско-Аннинская СГАС является развивающейся ассоциацией в ряду других возникающих и динамично развивающихся ассоциаций населённых пунктов Ломоносовского МР в составе Петербургской агломерации. Т.е. на территории Ломоносовского МР отчётливо диагностируется нарастание процессов городского ассоциирования, а формирующиеся две упомянутые СГАС уже соответствуют минимальным критериям выделения таких ассоциаций [10], участвуют в развитии не только Петербургской агломерации, но и Петербургской городской формации, Петербургского урбанистического региона расселения [11].

Основываясь на результатах ранее выполненных нами исследовательских работ [4, 12], был сформирован перечень т.н. «фактических городских населённых пунктов», располагающихся в Ломоносовском МР (таблица 2).

Перечень «фактических городских населённых пунктов» (ФГНП) на территории Ломоносовского МР, который учитывает не только четыре городских поселения, но и семь достаточно урбанизированных по нашим оценкам сельских поселений, включает 11 таких ФГНП, с общей численностью постоянного населения около 77 тыс. человек. То есть *доля фактического городского населения превышает 85% от всей численности постоянного населения Ломоносовского МР*.

Укажем на отсутствие на территории Ломоносовского района городов таких классов, как большие, средние и полусредние города, с численностью жителей, превышающей 100, от 50 до 100 и от 20 до 50 тыс. человек соответственно (таблица 3), что позволяет говорить о невозможности появления здесь т. н. малых городских агломераций.

**Таблица 2 — Фактические городские населённые пункты
(фактические малый город Новоселье и городские посёлки)
на территории Ломоносовского муниципального района**

Номер по порядку	Городские поселения, урбанизированные сельские поселения	Численность постоянного населения, тыс. чел., 2020 г.	Численность постоянного населения, тыс. чел., 2024 г.
1.	Аннинское ГП	11,8	18,6
2.	Большежорское ГП	2,7	2,5
3.	Виллозское ГП	9,3	12,7
4.	Лябяженское ГП	5,2	6,3
5.	Горбунковское СП	9,1	8,6
6.	Лаголовское СП	3,6	3,6
7.	Низинское СП	4,7	5,1
8.	Пениковское СП	3,1	3,3
9.	Кипенское СП	5,2	6,3
10.	Ропшинское СП	3,8	4,4
11.	Русско-Высоцкое СП	5,4	5,4
Итого:		63,9	76,8

Можно и следует также произвести разбиение группы ФГНП Ломоносовского района на ФГНП двух типов: город, городские посёлки. Выделяемый нами «фактический город» Новоселье, занимающий, как мы считаем, всю территорию Аннинского ГП, при этом можно отнести к классу (таблица 3) малых городов (менее 20 тыс. жителей).

Таблица 3 — Типы и классы фактических городских населённых пунктов (ФГНП) на территории Ломоносовского муниципального района

Тип или класс фактических городских населённых пунктов (ФГНП)	Количество фактических городских населённых пунктов (ФГНП)	Численность постоянного населения ФГНП, тыс. чел., 2020 г.	Доля типа или класса ФГНП в численности постоянного населения ФГНП, %
Малые города	1	18,6	24,2
Города	1	18,6	24,2
Городские посёлки	10	58,2	75,8
Итого:	11	76,8	100,0

Тогда следует вывод о высокой значимости в расселении Ломоносовского МР Аннинского ГП или малого города Новоселье: он концентрирует более 20% численности постоянного населения, 24% фактического городского населения и 46% официально статусного (рассчитанной по нашей методике) городского населения района.

Кроме того, некоторые сельские населённые пункты (деревни, сёла, сельские посёлки), их ассоциации являются фактически уже городскими посёлками или почти городскими посёлками, имея также в виду реальные предпосылки и возможности их дальнейшего социально-экономического и территориального роста и развития (таблица 2).

Определённо перспективной в аспекте опережающего развития экономики и урбанизации оценивается нами совокупная территория Лебяженского ГП, Большеижорского ГП и Пениковского СП, которую удобно называть, мы считаем, северной частью территории Ломоносовского МР. В нашем понимании, основную планировочную ось развития этой территории, включающую в т.ч. автодорогу регионального значения 41А-007, можно идентифицировать со следующим обозначением «Большая Ижора – Лебяжье – Гора Валдай – Бухта Батарейная». Такая ось, дополненная второстепенной планировочной осью, формирующейся вдоль автодороги 41К-137 «Форт Красная Горка – Сосновый Бор» и будущего автодорожного обхода г. Сосновый Бор, может стать частью планировочно-структурного образования, которое в существенной степени будет обеспечивать реализацию ресурсного потенциала северной части и западной части территории Ломоносовского района (рисунки 3, 5) [4].

При этом, в частности, совокупная территория Большеижорского ГП и северной части Лебяженского ГП, даже с учётом всего комплекса существующих ограничений, оценивается нами как достаточно конкурентоспособная в аспекте планирования создания и последующего развития целого ряда объектов, традиционно относящихся к морскому хозяйству, которые сыграют и важнейшую роль градообразующих объектов для создания нового научно-инновационного малого города. Анализ ситуации обнаруживает, что в качестве стейкхолдеров создания таких объектов может выступить ряд круп-

ных компаний Петербургского региона, несложным образом определяются и несколько подходящих площадок для размещения упомянутых объектов [4].

Итак, даже предварительный, но в достаточной степени комплексный междисциплинарный анализ показывает, что *территория Ломоносовского МР, по крайней мере, большая её часть, находится в пределах крупнейшей городской агломерации — Петербургской агломерации, с отчётливо проявляющейся тенденцией постепенного вхождения всей этой территории в состав агломерации.*

Резюмируя, можно также сделать вывод о том, что *в целом территория Ломоносовского МР относится, несмотря на все конъюнктурные шоки и колебания в характере социально-экономического развития последних 30-35 лет, к территориям с динамично развивающимся расселением, с высокой почти везде уже степенью развития урбанизации, которая неуклонно возрастает, в частности, и в аспекте усиления агломерационных эффектов.*

Можно сделать вывод и о том, что *подтверждается в целом наша исходная гипотеза: Ломоносовский МР, имея чрезвычайно выгодное экономико-географическим положение, обладает сравнительно крупным, диверсифицированным потенциалом для дальнейшего сбалансированного и устойчивого развития расселения и урбанизации на его территории с вполне понятными, определившимися основными направлениями и способами обеспечения реализации упомянутого потенциала, что и было кратко охарактеризовано выше по тексту.*

Литература

1. Административно-территориальное деление Ленинградской области, 2017. URL: <http://msu.lenobl.ru/ru/obshaya-informaciya/administrativno-territorialnoe-delenie-leningradskoj-oblasti/> (дата обращения: 15.04.2025).
2. Численность постоянного населения в разрезе муниципальных образований Ленинградской области по состоянию на 1 января 2024 года. URL: <https://78.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%9B%D0%9E%20%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%20%D0%BD%D0%BD0%2001.01.2024%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%9C%D0%9E.pdf> (дата обращения: 14.04.2025).
3. Инвестиционный паспорт Ломоносовского муниципального района Ленинградской области. 2024. URL: https://lomonosovlo.ru/city/invest.php_ (дата обращения: 15.04.2025).
4. Солодилов В.В. Перспективы урбанизации северной части Ломоносовского района Ленинградской области // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. №3 (74), 2023. – С. 173–183.
5. Стратегия социально-экономического развития муниципального образования Ломоносовский муниципальный район Ленинградской области на период до 2030 года. URL: <https://lomonosovlo.ru/about/statistics/static-plan.php> (дата обращения: 03.06.2025).
6. Схема территориального планирования Ломоносовского муниципального района Ленинградской области, утверждённая решение Совета депутатов муниципального образования Ломоносовский муниципальный район Ленинградской области от 25.09.2013 №24 (с последующими изменениями). URL:

<https://lomonosovlo.ru/about/gradostroitelnaya-deyatelnost/dokumenty-territorialnogo-planirovaniya/> (дата обращения: 03.06.2025).

7. Лейзерович Е.Е. Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года // Региональные исследования. 2010. № 4 (30). С. 14–28.
8. Лейзерович Е.Е. Типология местностей России (экономические микрорайоны России: сетка и типология) // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 84–125.
9. Олифир Д.И. Совершенствование практики территориального планирования Санкт-Петербургской агломерации: стратегические ориентиры и формирование инновационной структуры // Креативная экономика. 2020. Том 14. № 10. — С. 2331–2352.
10. Катанандов С.Л., Межевич Н.М., Солодилов В.В. «Сельские агломерации» и «сельские ассоциации населенных пунктов» — возможные направления развития местного самоуправления на Северо-Западе России // Управленческое консультирование. 2021. № 9. С. 9–17.
11. Санкт-Петербургская агломерация: этапы формирования и перспективы развития: монография / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. С.В. Кузнецова и канд. техн. наук Л.А. Лосина. — СПб.: ГУАП, 2022. — 219 с.
12. Межевич Н.М., Солодилов В.В., Шамахов В.А. Особенности и перспективы развития Западного планировочного сектора пригородной зоны Санкт-Петербургской городской агломерации // Управленческое консультирование. 2022. № 2. С. 9–19.

УДК 332.14

DOI: 10.52897/978-5-7937-2883-6-2025-99-105

Сырнева Е. А.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НА УРОВНЕ РЕГИОНА

На современном этапе развития экономических систем в условиях необходимости своевременной и результативной адаптации к многочисленным вызовам внешней среды вопрос о взаимосвязи инновационных процессов и достижения приоритетных целей социального-экономического развития территорий представляется крайне актуальным. В данной связи повышается значимость исследования основ и особенностей формирования политики инновационного развития, определяющей не только общую траекторию совместной деятельности заинтересованных сторон (субъектов инновационной политики), но и механизмы взаимодействия участников на каждом из этапов создания и распространения инноваций по различным секторам экономической системы.

Политика в области инновационного развития может рассматриваться как в качестве набора методов и инструментов решения конкретных вызовов развития территориальной социально-экономической структуры, так и в качестве обширной сферы деятельности, направленной на решение стратегических задач территориального развития с учетом национальных целей, ресурсного обеспечения и институциональных условий [4].

Более того, региональная политика в области инновационного развития может рассматриваться, как совокупность интересов ключевых участников, принадлежащих

к различным секторам региональной экономической системы, и приоритетных направлений инновационного развития, согласованность которых достигается за счет сбалансированного (уникального для каждого региона) сочетания стратегий и ресурсов, направленных на формирование инновационной инфраструктуры в соответствии с положениями и принципами концепции экономики, ориентированной на знания [11].

В настоящее время, политика в области инновационного развития приобретает самостоятельное значение в части мобилизации, распределения и использования вариативных ресурсов, и организации процессов жизнедеятельности сообществ на определенной территории, в т.ч. посредством исполнения принципов целостности и целенаправленности, что, в свою очередь, определяет необходимость точной идентификации ключевых элементов инновационной политики, методов и инструментов эффективного планирования, организации, координации и управления [10].

Отметим, что региональная политика в области инновационного развития, как комплексная, динамическая и мультикомпонентная система может быть рассмотрена с позиций системно-механистического, ресурсного и субъектно-структурного подходов (см. таблицу 1).

По нашему мнению, разработка политики в области инновационного развития региона может сочетать в себе элементы всех вышеприведенных подходов, – от определения перечня ключевых участников проектов, программ инициатив в области инновационного развития с последующим распределением целевых установок, задач и зон ответственности при наличии «вертикали власти» (подконтрольность совместной деятельности стороне государства) до практической реализации поставленных задач за счет мобилизации, (пере)распределения и рационального использования доступных ресурсов.

Таблица 1 – Подходы к определению региональной политики в области инновационного развития [2]

Подход	Основа формирования региональной политики в области инновационного развития
Системно-механистический	Скоординированная и контролируемая стороной государства (стратегии социально-экономического развития региона) совместная деятельности заинтересованных сторон, направленная на формирование благоприятной инновационной среды и повышения инновационного потенциала региона.
Ресурсный	Совокупность (не)материальных ресурсов, распределяемых и используемых в целях решения приоритетных задач в области регионального инновационного развития.
Субъектно-структурный	Комплекс ключевых участников, представленных государственными и частными структурами, функционирующих в соответствии с актуальными организационно-институциональными условиями на уровне региона, реализующих задачи в области генерации и распространения знаний и инноваций.

Субъекты региональной инновационной политики могут быть обобщены по трем ключевым группам – государственные учреждения, предпринимательские структуры и общество. Стратегия инновационного развития региона, сформированная при участии ключевых субъектов в соответствии с установленными на уровне действующего законодательства полномочиями, призвана определить приоритетные задачи в области инновационного развития и структурировать «шаги» по их исполнению. Именно стратегия инновационного развития представляет собой основу для последующего распределения и использования материально-технических, финансово-инвестиционных, информационных, человеческих и прочих видов ресурсов совокупностью участников [8].

Объектами политики в области инновационного развития являются: совокупность ресурсов, необходимых для достижения кратко-, средне- и долгосрочных целей, непосредственные результаты инновационно-ориентированной деятельности участников, а также их взаимоотношения. Осуществление управленческих воздействий возможно с помощью нормативно-правового регулирования, определения параметром инновационной инфраструктуры, мониторинга и контроля механизмов получения, распределения и фактического использования ресурсов. Широкое распространение в области инновационного развития получил проектный (программно-проектный) подход, при этом, на уровне регионов ведется комплексная работа в области совершенствования моделей, механизмов и систем управления инновационным развитием на основании определения актуальных потребностей территории, степени связанности целей инновационного и социально-экономического развития, определения качественно-количественных показателей, отражающих степень инновационного потенциала и активности, благоприятности инвестиционного климата региона [3, 12].

Концептуальные основы разработки политики в области регионального инновационного развития представлены на рисунке 1.

В качестве функций политики в области инновационного развития могут рассматриваться [9]:

- формирование условий для устойчивого регионального развития;
- обеспечение соразвития инновационных и социально-экономических систем и экосистем;
- развитие инновационной инфраструктуры региона;
- разработка высокоэффективных моделей управления инновационно-ориентированной деятельностью субъектов инновационной политики;
- повышение степени благоприятности инвестиционного климата региона;
- поиск и мобилизация ресурсных резервов в целях повышения объема выпуска и оптимизации качественных характеристик инновационных товаров, работ, услуг;
- поддержка диффузии инноваций и рынка инновационных проектов на уровне региона;
- создание достаточных условий для бесперебойной реализации инновационных процессов, повышения инновационного потенциала региона.

Региональная политика в области инновационного развития должна удовлетворять таким ключевым (общим, законодательно установленным) принципам, как законность, использование программного (проектно-программного) подхода при постановке целей,

планировании и измерении, доступности государственной поддержки участников инновационной деятельности, защиты частных интересов и поощрения частной инициативы (повышение вовлеченности частного сектора в решение приоритетных задач), обеспечения эффективности государственной поддержки инноваций для повышения результативности достижения целей в области социально-экономического развития, достижения опережающих условий развития инновационной инфраструктуры, целевого характера использования участниками инновационных процессов бюджетного финансирования [1].

Рисунок 1 – Концептуальные основы разработки политики в области регионального инновационного развития [7]

К числу «частных» принципов формирования региональной политики в области государственного развития В.С. Жаров и М.В. Иванова предлагают относить: историзм (учет исторических особенностей регионального развития), дифференциация региональных стратегий развития (на основании степени обеспеченности ресурсами, институционального строя, потенциала и активности субъектов инновационной политики), соответствие результатов инновационной деятельности актуальным инновационным потребностям региона, локальность и уникальность [6].

В исследовании А.И. Королева принципы формирования региональной политики в области инновационного развития систематизированы следующим образом [7]:

- гармония основных компонентов (как в рамках внутрирегиональной инновационной системы, так и в рамках взаимодействия с субъектами и объектами внешней среды);
- единство целей, действий, решений участников (вертикальная согласованность и горизонтальная координация);
- приоритизация направлений инновационного развития, ранжирование целей и задач в соотношении со стратегическими документами в области социально-экономического развития региона;
- использование комплексного подхода в целях обеспечения связанности признаваемых приоритетными направлений инновационного развития;
- интеграция инновационных и инвестиционных задач в целях реализации принципа экономической эффективности региональной политики, обеспечения достаточного финансирования инновационно-ориентированных проектов и программ;
- информационная прозрачность и открытость данных (повышение степени лояльности общества, как субъекта инновационной политики региона, к особенностям инновационных процессов);
- достижение сбалансированности и согласованности интересов ключевых субъектов региональной инновационной политики (баланс государственных, частных и общественных интересов);
- непрерывность совершенствования условий сотрудничества ключевых участников региональных инновационных систем/экосистем.

Отметим, что рассмотрение в качестве неразрывного/цельного объекта политики в области инновационного развития всего жизненного цикла инноваций определило возникновение в 2020-х гг. новой концепции, получившей название «инновационная политика, ориентированная на миссию» (от англ. mission-oriented innovation policy/МОИР), целью которой является оказание на инновационные процессы таких управленческих воздействий, которые бы позволяли использовать полученные в результате совместной деятельности участников инновации в целях оптимизации совокупности социально-экономических процессов, повышения конкурентоспособности территории, достижения устойчивости территориального развития [14].

Практическая реализация данной модели инновационной политики предполагает разработку скоординированного набора («пакета») проектов, программ и инициатив, направленных на мобилизацию секторов науки, технологий, инноваций в целях решения актуальных общественно-значимых задач с четко обозначенными сроками. В качестве преимущества ориентированной на миссию инновационной политики можно выделить трансформацию роли государства, – от разработки мероприятий, призванных устранить «пробелы» инновационного развития до статуса неизменного координатора, действия которого направлены на достижение устойчивости территориального развития (повышение конкурентоспособности инноваций, развитие рынка инновационных проектов и продукции, создание и поддержание оптимальных условий для взаимовыгодного сотрудничества участников и др.) [13].

В своем исследовании И.М. Голова отмечает, что реализация инновационной политики региона, ориентированной на миссию, представляется возможной в условиях повышенной региональной дифференциации, только при разработке эшелонированных стратегий инновационных преобразований. В центре данных стратегий находятся российские регионы-лидеры по уровню инновационного развития, а включение прочих регионов должно осуществляться последовательно на основании уровня подготовленности, региональной специализации в целях сохранения имеющегося уровня инновационного потенциала, обеспечения диффузии инноваций и их межрегионального, и межсекторального распределения в соответствии с актуальными потребностями и институциональными условиями [5].

Таким образом, в качестве ключевых компонентов региональной политики в области инновационного развития были выделены субъекты (государство, бизнес, общество), объекты (инновации, ресурсы, отношения участников инновационных систем), стратегии инновационного развития, инструменты управления, функции, унифицированные и частные (специальные) принципы.

Региональная инновационная политика может рассматриваться на основании положений системно-механистического, ресурсного и субъектно-структурного подходов, объединение отдельных положений которых позволяет определять последнюю, как комплексную социально-экономическую категорию, представляющую собой не только систему взаимоотношений участников, объединенных едиными целями и согласованными интересами в области решения актуальных вопросов инновационного развития территории, но и самостоятельную масштабную сферу совместной деятельности, направленной на консолидацию, мобилизацию и распределение доступных ресурсов не только в соответствии с приоритетными задачами инновационного развития региона, но и в соотнесении с направления достижения социально-экономической устойчивости и роста.

Для российских регионов, характеризующихся повышенной степенью дифференциации в части инновационного развития, возможной к реализации представляется модель инновационной политики, ориентированной на миссию, подразумевающей разработку и реализацию комплекса мероприятий по интеграции целей инновационной политики с задачами развития реальных секторов экономики. Стратегия инновационных преобразований должна носить эшелонированный характер, фокусируясь, в первую очередь, на территориях с высоким уровнем развитости научно-технологического сектора и повышенным инновационным потенциалом, а вовлечение менее развитых регионов в инновационные процессы должно носить поступательный характер с акцентом на горизонтальную кооперацию и формирование межрегиональных рынков реализации инноваций.

Литература

1. Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О науке и государственной научно-технической политике»// Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 35. Ст. 4137.
2. Бабкин М.М. Концептуальные основы изучения региональной инновационной подсистемы // Креативная экономика. 2015. Т. 9. № 11. С. 1371-1384.
3. Башлакова Т.М. Проектный подход в управлении инновационным развитием // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 66. С. 174-191.

4. Глезман Л.В., Исаев С.Ю., Урасова А.А. Инновационная инфраструктура региона в новой экономической реальности // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 12. С. 4605-4620.
5. Голова И.М. Согласование региональных инновационных процессов с приоритетом обеспечения технико-технологической конкурентоспособности РФ // Экономика региона. 2024. № 20(1). С. 63-75.
6. Жаров В.С., Иванова М.В. Основы формирования инновационной региональной политики // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 7. С. 2-8.
7. Королев А.И. Концептуальные основы формирования современной региональной инновационной политики в России // Инновации и инвестиции. 2025. № 3. С. 30-33.
8. Мантаева Э.И., Савченко-Бельский К.А., Слободчикова И.В. К вопросу об уровне инновационного развития региональной экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 250. № 6. С. 128-145.
9. Смирнов М.Ю. Инновационная безопасность как стратегический фактор регионального экономического развития // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т.15. № 4. С. 2689-2704.
10. Суховей А.Ф., Голова И.М. Инновационная составляющая социально-экономического развития региона. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2019. 214 с.
11. Титова М.В. Формирование и реализация региональной инновационной политики в условиях экономики знаний: автореф. дис. канд. э. н. Курск: ЮЗГУ, 2016. 24 с.
12. Тронина И.А., Петрова И.А. Проектное управление инновационным развитием территориальных систем // Комплексное развитие территориальных систем и повышение эффективности регионального управления в условиях цифровизации экономики: Материалы IV Национальной (всероссийской) научно-практической конференции / Редколлегия: Н.А. Шибаева [и др.]. Орел: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2022. – С. 84-92.
13. Alkhazaleh R., Mykoniatis K., Alahmer A. The Success of Technology Transfer in the Industry 4.0 Era: A Systematic Literature Review // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2022. No. 8(4). P. 202-220.
14. Casula M. Designing and implementing policies for transformative change in Europe: ideas, policy mixes, actors // Innovation: The European Journal of Social Science Research. 2022. No. 35(4). P. 507-513.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВНЕДРЕНИЯ ПРИНЦИПОВ РЕСУРСОЭФФЕКТИВНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ¹

В условиях 2025 года переход российских регионов к ресурсоэффективной модели управления объективно превращается из «желательного» направления модернизации в системное требование устойчивости социально-экономического развития: на это одновременно указывают и стратегические ориентиры государства (национальные цели до 2030 года и на перспективу до 2036 года, где отдельно зафиксировано «экологическое благополучие» и «цифровая трансформация»), и отраслевые рамочные документы (Энергетическая стратегия до 2035 года), и климатическая политика (Стратегия социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года), что задаёт для регионов институциональную «рамку обязательности» – необходимость встраивать принципы ресурсоэффективности прямо в систему стратегического и программного управления, а не рассматривать их как факультативный набор технологических практик.

Одновременно эмпирическая динамика подтверждает, что ресурсоэффективность – это не абстракция, а управляемая траектория: по данным Государственного доклада Минэкономразвития о состоянии энергосбережения за 2023 год энергоёмкость ВВП России достигла минимального уровня за период с 2015 года и составила 9,24 т у.т. на 1 млн руб. в ценах 2016 года (снижение на 3,2% к 2022 году), что демонстрирует чувствительность макропоказателей к совокупности регуляторных и управлеченческих стимулов и, тем самым, подчёркивает значимость институционального дизайна региональной политики в этой сфере [1].

Собственно институциональная природа повестки проявляется в том, что ключевые инструменты повышения ресурсоэффективности прямо закреплены в федеральном праве и стратегическом планировании: закон об энергосбережении и повышении энергетической эффективности формирует правовые обязанности и полномочия субъектов РФ и муниципалитетов; «углеродный» закон определяет базовые механизмы управления парниковыми газами; законодательство об обращении с отходами увязывает предотвращение вреда с вовлечением отходов во вторичный оборот; наконец, институт наилучших доступных технологий (введённый через изменение закона «Об охране окружающей среды») прямо связывает технологические нормативы с ресурсосбережением, требуя ориентироваться на технологические показатели НДТ, которые включают энерго- и ресурсосберегающие методы. Тем самым ресурсоэффективность получает статус не просто «технологической» повестки, а нормативно структурированного обязательства, которое должно быть интегрировано в архитектуру регионального управления.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ИПРЭ РАН по теме: «Новые условия и факторы социально-экологического развития регионов России в условиях цифровой трансформации экономики и общества» (№ Г.Р. 124012000100-7), (код – «FMGS-2024-0002»).

Дополнительную актуальность придаёт пространственная специфика страны: для северных и арктических территорий институциональная организация ресурсопользования и инфраструктуры – от энергетики и тепла до логистики и коммунального хозяйства – непосредственно связана с обеспечением устойчивости хозяйствования в условиях сурового климата, низкой плотности населения и протяжённых плеч снабжения; именно поэтому стратегические документы по Арктике подчёркивают особые природно-климатические и транспортно-логистические ограничения, требующие системных управленческих решений, а не разрозненных технологических инициатив, что делает институциональные механизмы ресурсоэффективности критически значимыми для таких регионов.

Наконец, накопленный массив официальной статистики и аналитики – от ежегодников Росстата до профильных государственных докладов по энергосбережению – обеспечивает верифицируемую базу для мониторинга ключевых индикаторов (энергоёмкости, водоёмкости, отходообразования и вторичного вовлечения, материалоёмкости), а также для сопоставления регионов и оценки результативности управленческих решений, что позволяет переходить от деклараций к измеряемым целям, встраивая соответствующие KPI в региональные стратегии и госпрограммы [2].

Институциональная рамка ресурсоэффективности в России складывается из взаимосвязанных федеральных законов, подзаконных актов и стратегических документов, которые одновременно задают целевые ориентиры, закрепляют обязанности публичных субъектов и открывают инструменты для региональной политики: базовый Федеральный закон № 261-ФЗ предписывает органам власти субъектов РФ и муниципалитетам разрабатывать и реализовывать программы энергосбережения, вести учёт и отчётность по показателям энергоэффективности, а также формирует обязательства по представлению данных в государственные информационные системы. Эти положения институционально подкрепляются нормами о ГИС «Энергоэффективность», которая функционирует как федеральная инфраструктура для сбора и анализа данных, и актами Правительства РФ, определяющими порядок представления информации, что превращает мониторинг энергоёмкости и результативности мероприятий в формализованный элемент регионального управления [3].

Комплементарный блок регулирования составляют Федеральный закон № 89-ФЗ об обращении с отходами и принятые в его развитие решения о создании федеральной государственной информационной системы учёта твёрдых коммунальных отходов (ФГИС УТКО): в силу статьи 13.5 закона формируется цифровая модель федеральной схемы обращения с ТКО, оператором которой является ППК «Российский экологический оператор»; для регионов это означает, что территориальные схемы, инфраструктурные проекты, зоны деятельности регоператоров и показатели по вторичному вовлечению ресурсов подлежат учёту и контролю в единой системе, доступной публичным органам и гражданам, – и, следовательно, интеграция принципов ресурсоэффективности в региональное управление получает инструментальную опору в виде обязательного цифрового контура данных [4].

Климатически ориентированное регулирование укрепляет институциональные стимулы к ресурсосбережению: Федеральный закон № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» устанавливает правовые основы учёта и регулирования ПГ на уровне

хозяйствующих субъектов и территорий, что требует от субъектов РФ включать индикаторы декарбонизации и энергоэффективности в свои стратегии и госпрограммы, выстраивая механизмы отчётности и проектной поддержки, сопряжённые с низкоуглеродными траекториями развития; таким образом, климатическое право становится для регионов самостоятельным каналом институционализации ресурсоэффективности [5].

Экологическое законодательство придаёт технологическую определённость задачам ресурсосбережения: через изменения в Федеральный закон № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в т. ч. посредством закона № 219-ФЗ) был введён институт наилучших доступных технологий (НДТ), а Постановление Правительства РФ № 1458 конкретизировало порядок определения НДТ и цикл разработки/актуализации справочников НДТ (ИТС НДТ); для регионов это означает, что поддержка модернизации предприятий, экспертиза проектов и привязка к целевым технологическим показателям (включая энерго- и ресурсосбережение) получают нормативную опору в виде утверждённых справочников и процедур, которыми в практическом плане управляет Бюро НДТ совместно с Росстандартом [6].

Стратегическая координация осуществляется через «пирамиду» документов долгосрочного планирования: Указ Президента № 474 (21.07.2020) закрепил национальные цели, среди которых – экологическое благополучие и цифровая трансформация, а Указ Президента от 07.05.2024 уточнил горизонт целей до 2036 г., что требует пересборки региональных стратегий под новые КПИ; Энергетическая стратегия РФ до 2035 г. (распоряжение Правительства № 1523-р) придаёт приоритет снижению энергоёмкости экономики, а Стратегия социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов ПГ до 2050 г. (№ 3052-р) задаёт траектории декарбонизации и технологической модернизации, с которыми должны быть сопряжены региональные документы; механизмом правового «встраивания» на уровне субъектов служит Федеральный закон № 172-ФЗ о стратегическом планировании, требующий формировать и согласовывать системы целей, показателей, программ и планов, – именно здесь индикаторы ресурсоэффективности должны быть институционально закреплены в региональных стратегиях, госпрограммах и докладах о ходе их реализации.

Наконец, национальные проекты и федеральные инструменты промышленной политики создают «мотор» внедрения: в рамках нацпроекта «Экология» (включая федеральный проект «Комплексная система обращения с ТКО») формируются инфраструктура переработки и цифровые сервисы учёта отходов (в т. ч. ФГИС УТКО), а программа «Цифровая экономика Российской Федерации» обеспечивает институциональную поддержку цифровой трансформации публичного управления; параллельно механизмы ГЧП/МЧП и концессионные соглашения (законы № 224-ФЗ и № 115-ФЗ) и поддержка промышленных кластеров по Постановлению № 41 дают регионам юридические и финансовые инструменты для развёртывания проектов ресурсосбережения и экономики замкнутого цикла.

Даже при наличии развитой нормативной базы внедрение принципов ресурсоэффективности на региональном уровне сталкивается с комплексом институциональных барьеров, связанных с координацией уровней власти, качеством данных и устойчивостью финансово-инвестиционных механизмов: во-первых, сохраняется фрагментар-

ность регуляторных требований и разноуровневых целевых установок – с одной стороны, национальные цели и отраслевые стратегии задают рамку (в т. ч. через новые ориентиры до 2036 г.), с другой – фактическая сборка региональных стратегий по 172-ФЗ не всегда сопровождается доведением до единого набора измеримых индикаторов ресурсоэффективности и синхронизацией с отраслевыми федеральными приоритетами, что проявляется в неоднородности региональных KPI и процедур мониторинга.

Во-вторых, качество и полнота данных нередко ограничивают возможность управлять на основе доказательств: хотя ГИС «Энергоэффективность» и ФГИС УТКО формально введены в эксплуатацию и развиваются, практика их заполнения и использования демонстрирует «провалы» и асинхронность – Минэкономразвития указывает на эволюцию ГИС «Энергоэффективность» и регламент отчётности, однако для многих регионов актуальным остаётся вопрос методической подготовки и дисциплины представления данных; по ТКО – ФГИС УТКО открыта для граждан и органов власти и агрегирует сведения по объектам и территориальным схемам, но переход к полному и оперативному контурному учёту (включая труднодоступные территории и новые типы объектов) происходит поэтапно, что снижает управленческую «резолюцию» при планировании мощностей и инвестиционных решений [7].

В-третьих, институциональная и проектная инерция в сфере обращения с отходами и модернизации коммунальной/промышленной инфраструктуры подтверждается независимыми аудиторами: Счётная палата и профильные обзоры указывают на дефицит объектов переработки и сложность ликвидации накопленного вреда, что напрямую препятствует целям экономики замкнутого цикла и снижению отходоёмкости, а также выявляют риски «формального» достижения показателей за счёт их пересмотра, а не структурных изменений; для регионального уровня это означает, что даже при высокой кассовой дисциплине сохраняются узкие горлышки внедрения – подготовка площадок, технологическая комплектация, тарифно-инвестиционные решения.

В-четвёртых, инструменты технологического регулирования (НДТ, комплексные экологические разрешения) требуют высокой административной и экспертной готовности: справочники НДТ и процедуры их актуализации заданы, но организационная ёмкость регионов – от экспертизы проектов до сопровождения модернизаций – различается, что порождает асимметрии внедрения и риски «переходных издержек» для предприятий, особенно средних и малых.

С другой стороны, именно сочетание стратегического и инструментального уровней образует окно возможностей для регионов: цифровые платформы учёта и мониторинга (ГИС «Энергоэффективность» и ФГИС УТКО) при должной дисциплине данных позволяют встроить ресурсоэффективность в регулярные управленческие циклы – от стратегического планирования до оценки результативности госпрограмм и регуляторной «обратной связи», а также расширяют прозрачность отраслей для граждан и инвесторов, что повышает легитимность решений и облегчает координацию участников.

Климатическая и энергетическая стратегии формируют дополнительный спрос на проекты снижения энергоёмкости и углеродоёмкости, что оправдывает приоритизацию региональных мер поддержки энергосервисных контрактов, цифрового учёта потребления и потерь, внедрения НДТ и программ модернизации тепловой инфраструктуры; государственный доклад Минэкономразвития фиксирует исторически низкий

уровень энергоёмкости ВВП по итогам 2023 г., что показывает чувствительность макро- и мезо-показателей к институциональным стимулам и подтверждает целесообразность усиления региональных программ.

Для развития экономики замкнутого цикла доступны правовые и организационные конструкты: институт экопромышленных парков/экотехнопарков получил нормативное закрепление через обновление актов об индустриальных и промышленных технопарках, а федеральный проект «Комплексная система обращения с ТКО» предусматривает создание/модернизацию мощностей и вовлечение вторичных ресурсов; на уровне промышленной политики субсидии участникам промышленных кластеров по ПП № 41 и механизмы ГЧП/концессий создают канал долгосрочного финансирования инфраструктурных и технологических проектов, в том числе связанных с ресурсосбережением и утилизацией [8, 9].

Формирование действенных механизмов внедрения ресурсоэффективности в региональное управление предполагает переход от декларативного закрепления целей к институционально обеспеченному циклу управления, где стратегическое планирование, нормативное регулирование, экономические стимулы и цифровые инструменты образуют взаимосвязанную систему. В настоящее время практическая реализация принципов ресурсоэффективности часто сталкивается с тем, что федеральные ориентиры не трансформируются в измеримые региональные KPI, а региональные стратегии и программы остаются фрагментарными и недостаточно координированными с федеральными целями, что существенно снижает результативность. Для преодоления указанных проблем необходимо комплексное институциональное совершенствование.

Во-первых, представляется целесообразным интегрировать показатели ресурсоэффективности в систему регионального стратегического планирования, закрепив их на уровне стратегий социально-экономического развития субъектов РФ, государственных программ и территориальных схем. Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании» позволяет формировать систему целевых индикаторов и увязывать их с бюджетным процессом, что открывает возможность для институциональной «привязки» энергоёмкости, отходоемкости, водоёмкости и материалоёмкости к механизмам межбюджетных трансфертов и программного финансирования, обеспечивая тем самым не только мониторинг, но и экономическую заинтересованность регионов в снижении ресурсоёмкости экономики.

Во-вторых, необходима цифровизация управленческого цикла ресурсоэффективности. В рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и актуализированной государственной политики по цифровой трансформации следует формировать единую систему цифровых платформ для учёта и анализа ресурсопотребления, включая данные о потреблении энергии, воды, материалов и обращении с отходами на региональном и муниципальном уровнях. Такие цифровые инструменты должны интегрироваться с государственными информационными системами в области экологии и энергосбережения, что позволит сократить транзакционные издержки, устраниить дублирование отчётности и повысить прозрачность ресурсопотоков.

В-третьих, требуется расширение инструментов экономического стимулирования бизнеса и населения. Практика применения Федерального закона № 261-ФЗ пока-

зала эффективность налоговых льгот и субсидий на внедрение энергоэффективных технологий, однако для комплексного продвижения ресурсоэффективности необходимы механизмы преференциального кредитования, «зелёные» облигации региональных субъектов, а также развитие институтов государственно-частного партнёрства (ГЧП) в сфере создания экотехнопарков и кластеров по переработке отходов. Важно также формировать системы тарифного регулирования, учитывающие стимулирование вторичного использования ресурсов и снижение ресурсной нагрузки на инфраструктуру.

В-четвёртых, требуется институционализация участия научных организаций и экспертного сообщества. В соответствии с положениями Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» и институтом наилучших доступных технологий (НДТ) именно научно-техническое сопровождение обеспечивает актуальность технологических нормативов. Региональные органы власти должны включать научные центры в разработку территориальных схем обращения с отходами, программ энергосбережения и климатических стратегий, а также обеспечивать институциональные механизмы внедрения результатов прикладных исследований (например, через грантовую поддержку и экспертные советы при региональных правительствах).

Таким образом, институциональные рекомендации сводятся к четырём взаимосвязанным блокам: нормативное закрепление и целеполагание (интеграция индикаторов ресурсоэффективности в стратегическое планирование), цифровизация учёта и анализа, расширение экономических стимулов и создание устойчивых каналов взаимодействия власти, науки и бизнеса. Реализация этих направлений позволит превратить ресурсоэффективность из декларативного принципа в управляемую норму региональной политики.

Анализ институциональных основ внедрения принципов ресурсоэффективности в региональное управление позволяет констатировать, что в современной России складывается многоуровневая нормативно-правовая и организационная система, которая задаёт стратегические ориентиры и механизмы для перехода регионов к более рациональному использованию ресурсов. С одной стороны, федеральные законы об энергосбережении, об отходах, об охране окружающей среды и об ограничении выбросов парниковых газов формируют правовой каркас, задающий обязательные параметры для субъектов РФ в части разработки программ энергосбережения, обращения с отходами, внедрения наилучших доступных технологий и интеграции климатических индикаторов в региональные стратегии. С другой стороны, стратегические документы федерального уровня – «Энергетическая стратегия России до 2035 года», «Стратегия социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года», а также национальные проекты «Экология» и «Цифровая экономика» – конкретизируют долгосрочные приоритеты, трансформируя их в измеряемые целевые показатели и проектные ориентиры для регионального уровня.

Однако институциональная система внедрения принципов ресурсоэффективности по-прежнему характеризуется рядом барьеров, среди которых фрагментарность нормативного регулирования, недостаточная согласованность федеральных и региональных программ, ограниченность материально-технологической базы регионов, а также низкий уровень вовлечённости бизнеса и населения в практики циркулярной

экономики. Эти факторы препятствуют превращению ресурсоэффективности в устойчивый элемент управленческого цикла, ограничивая её роль рамочными документами и декларативными стратегиями.

Вместе с тем институциональная среда обладает и значительным потенциалом, реализация которого может существенно повысить эффективность регионального управления. Среди ключевых возможностей выделяются: цифровизация процессов мониторинга и контроля за ресурсопотреблением и обращением с отходами, формирование кластеров и экотехнопарков на основе принципов циркулярной экономики, развитие государственно-частного партнёрства и инструментов «зелёного» финансирования, а также институционализация роли научных организаций в разработке и сопровождении управленческих решений.

Предложенные рекомендации позволяют сформировать комплексную институциональную модель внедрения ресурсоэффективности, основанную на интеграции индикаторов в систему стратегического планирования, цифровизации управленческого цикла, расширении инструментов экономического стимулирования и развитии эксперто-научного сопровождения региональной политики. Такая модель способна превратить ресурсоэффективность из дополнительного управленческого приоритета в структурный элемент региональной политики, непосредственно влияющий на устойчивость социально-экономического развития, конкурентоспособность регионов и их способность адаптироваться к современным вызовам – от санкционного давления и геополитической нестабильности до климатических и ресурсных ограничений.

Литература

1. Государственный доклад о состоянии энергосбережения и повышении энергетической эффективности в Российской Федерации в 2023 году URL: https://economy.gov.ru/material/file/cf41490cdfb6bfbc81eb74f7c8e1fed/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_energosberezeniya_v_rf_za_2023_god.pdf
2. Российский статистический ежегодник. 2024: Стат.сб./Росстат. – Р76 М., 2024 – 630 с. URL: https://eng.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2024%281%29.pdf
3. Федеральный закон «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» от 23.11.2009 N 261-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93978/
4. Федеральный закон "Об отходах производства и потребления" от 24.06.1998 N 89-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/
5. Федеральный закон "Об ограничении выбросов парниковых газов" от 02.07.2021 N 296-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388992/
6. Федеральный закон "Об охране окружающей среды" от 10.01.2002 N 7-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/
7. ГИС «Энергоэффективность» URL: https://economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/povyshenie_energoeffektivnosti/gis_energoeffektivnost/
8. Постановление Правительства РФ от 28.01.2016 N 41 "Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий участникам промышленных

кластеров на возмещение части затрат при реализации совместных проектов по производству промышленной продукции кластера в целях импортозамещения" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193186/?

9. Федеральный закон "О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 13.07.2015 N 224-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/?

УДК 332.1:502.5

DOI: 10.52897/978-5-7937-2883-6-2025-113-125

Хильченко П. А.

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАССАЖИРСКИХ ПЕРЕВОЗОК ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ НА АГЛОМЕРАЦИОННЫЕ ЭФФЕКТЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)¹

Вопросам изучения влияния реализации инфраструктурных транспортных проектов на развитие агломераций уделяли многие исследователи и научные коллективы. Еще в начале XX века немецкий экономист Альфред Вебер отмечал, что развитие транспорта и снижение издержек при логистике влияет на развитие агломерационных процессов [1]. Позднее, в 30-е – 40-е годы прошлого века Август Лёш развел теорию формирования и развития экономических районов, в том числе изучая влияние транспортных издержек на радиус сбыта товаров [2]. В России значительный вклад в исследования в области экономики и организации пассажирских перевозок на уровне регионов внесли такие ученые, как Г.В. Егоров, А.В. Курбатова, В.А. Персианов и др. Агломерационные эффекты от реализации проектов транспортной инфраструктуры являлись предметом исследований В.С. Чеботарева, А.А. Смирнова, А.Д. Разуваева, Лавриненко П. А., Михайловой Т. Н., Ромашиной А. А., Чистякова П. А. В 2013 году фонд Центр стратегических разработок представил исследование по теме оценки и систематизации прямых и внешних эффектов, возникающих в результате реализации крупных инфраструктурных проектов на железнодорожном транспорте, в котором был предложен новый подход, в основе которого лежит комплексная количественная оценка прямых и косвенных эффектов от реализации инфраструктурных проектов [3]. Внешние эффекты, возникающие от реализации проектов высокоскоростного железнодорожного сообщения, исследовал М.В. Пятаев [4]. Свои подходы и эмпирические оценки влияния транспортной инфраструктуры на экономику формулировал Ю. Пономарев [5], в то же время, К.А. Митрюкова в своих исследованиях отмечала, что «среди исследователей нет единого мнения о характере и степени воздействия состояния транспортной инфраструктуры на экономическое развитие терри-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ИПРЭ РАН по теме: «Разработка механизмов обеспечения устойчивого развития городов, городских агломераций и природной среды с использованием методов математического моделирования» (№ Г.Р. 124012000100-7), код (FMGS-2025-0003).

торий» [6]. Проекты транспортной инфраструктуры требуют значительных объемов инвестиций и в условиях дефицита инвестиционных возможностей в стране исследования в настоящей области становятся еще более актуальными и значимыми. Работы в направлении изучения влияния развития железнодорожного транспорта на экономику региона велись рядом исследователей, например, Волковым Б.А., Терешиной Б.А., Капустиной Н.В., Петровским А.И. и др. В данной работе в отдельное исследование выделено влияние на экономику региона пассажирских железнодорожных перевозок.

Автор статьи предлагает рассмотреть агломерационный эффект от развития пассажирских региональных железнодорожных перевозок, в случае организации новых железнодорожных маршрутов в Республике Крым с учетом ввода в эксплуатацию нового участка железной дороги вдоль берега Азовского моря. В работе будут оценены агломерационные эффекты на ретроспективный период 2022–2024 гг. и ожидаемый эффект на перспективный период до 2030 г. включительно, как в монетизированном виде, так и в разрезе изменения границ агломераций и численности их населения. Кроме того, автором был сделан прогноз численности населения муниципальных образований Севастопольской и Симферопольской городских агломераций. Подобное исследование видится актуальным, поскольку в распоряжении Министерства транспорта Российской Федерации от 28.12.2023 № АК-287-Р «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта "Развитие общественного транспорта" национального проекта "Безопасные качественные дороги"» представлен перечень 105 городских агломераций, которые участвуют в реализации данного федерального проекта, в том числе две агломерации, расположенные на территории Крымского полуострова, - Симферопольская и Севастопольская агломерации.

Агломерационный эффект от развития железнодорожного транспорта обуславливается приростом населения агломерации в результате расширения её границ, повышением доступности территории, ростом экономической эффективности хозяйствующих субъектов в связи с расширением доступа к потребителям. Агломерационный эффект при ускорении транспортного сообщения, который способствует снижению времени в пути, возникает за счет роста производительности труда, заработной платы, повышения конкуренции на рынках товаров, работ и услуг, роста спроса и цен на недвижимость, способствует сокращению разрыва между благосостоянием жителей центра и периферии агломерации и обуславливает повышение качества жизни населения.

По данным специалистов ЦЭИ увеличение численности населения агломерации в 2 раза за счет роста транспортной связанности приводит к росту производительности труда на 3,4% [7].

К городским агломерациям относятся урбанизированные территории, на которых расположены один или несколько городов и окружающих населенных пунктов, объединённых интенсивными социально-экономическими, производственными, транспортными и культурно-бытовыми связями.

Близость населённых пунктов создаёт так называемый агломерационный эффект, который позволяет получить экономические и социальные выгоды за счёт пространственной концентрации трудовых ресурсов, объектов производства, образования, социальной сферы, торговли и других, а также снижения издержек, связанных с транспортным обеспечением потребностей населения и отраслей экономики.

Для городских агломераций характерны массовые трудовые, учебные, культурно-бытовые и рекреационные поездки. В маятниковой миграции участвуют, как правило, не менее 10–15% от общей численности трудоспособного населения, проживающего в городах и поселениях агломерации.

Необходимо отметить, что в настоящее время правовой статус понятия «агломерация» или «городская агломерация» остается неопределенным, хотя и присутствует в Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года [8]. Проект Федерального Закона «О городских агломерациях», подготовленный Минэкономразвития России в 2020 году на дату написания статьи не принят.

В Российской Федерации в настоящее время отсутствует государственное статистическое наблюдение за показателями городских агломераций. Методики определения количества городских агломераций обычно основаны на показателях численности населения ядра агломерации и интенсивности маятниковой миграции, при этом внешние границы агломерации рассчитываются по 1,5 – 2-часовой изохроне транспортной доступности до центра агломерации.

Развитие железнодорожного транспорта, в первую очередь высокоскоростная магистраль (далее - ВСМ) обуславливает его преимущества с точки зрения сокращения времени в пути перед воздушным транспортом, так как при использовании воздушного транспорта пассажир тратит примерно 1,5-2 часа для прибытия в аэропорт до вылета, 0,5 часа – на получение багажа, по 0,5 часа, чтобы доехать и выехать из аэропорта, в основном, суммарно около 3 часов в зависимости от расположения аэропорта в регионе. В рамках настоящей работы это не входило, тем не менее, исследования в этом направлении видятся крайне перспективными. Можно предположить, что расширение маршрутной сети скоростного пригородного железнодорожного транспорта и в первую очередь строительство ВСМ повлияют на расширение границ агломераций в радиусе 5-6 часов транспортной доступности, в частности будут стимулировать развитие туризма выходного дня и сопутствующие отрасли экономики. Кроме того, надо отметить, что агломерационные эффекты в сфере услуг, торговли, ИТ, логистике, финансовом секторе, т.е. там, где добавленная стоимость выше, проявляются в большей степени, чем в отраслях с низкой добавленной стоимостью, например, в промышленности.

Для определения агломерационных эффектов границы Симферопольской и Севастопольской агломераций приняты с учётом зоны 1,5 – 2-часовой транспортной доступности, что соответствует 1,5–2 часа времени на дневное маятниковое передвижение в один конец. Расстояние от Севастополя до Симферополя – 79 км, время в пути укладывается в указанные рамки при перемещении и на электричке, и на автомобиле, поэтому эти два города уже практически вошли в состав объединенной Симферопольской-Севастопольской агломерации. Внешняя зона данной агломерации определяется радиусом 50–60 км от центров двух городов.

В состав Севастопольской городской агломерации вошли следующие муниципальные образования: Андреевский, Балаклавский, Верхнесадовский, Гагаринский, Качинский, Ленинский, Нахимовский, Орловский и Терновский муниципальные округа, внутригородское муниципальное образования города Севастополя город Инкерман.

В границы Симферопольской городской агломерации вошли следующие муни-

ципальные образования: городские округа Симферополь и Саки, Бахчисарайский, Белогорский и Симферопольский муниципальные районы в полном составе, частично муниципальные образования Красногвардейского и Сакского муниципальных районов. Схема территорий Симферопольской и Севастопольской городских агломераций, входящих в зону 2-часовой транспортной доступности от г. Симферополя и г. Севастополя, представлены на Рисунке 1.

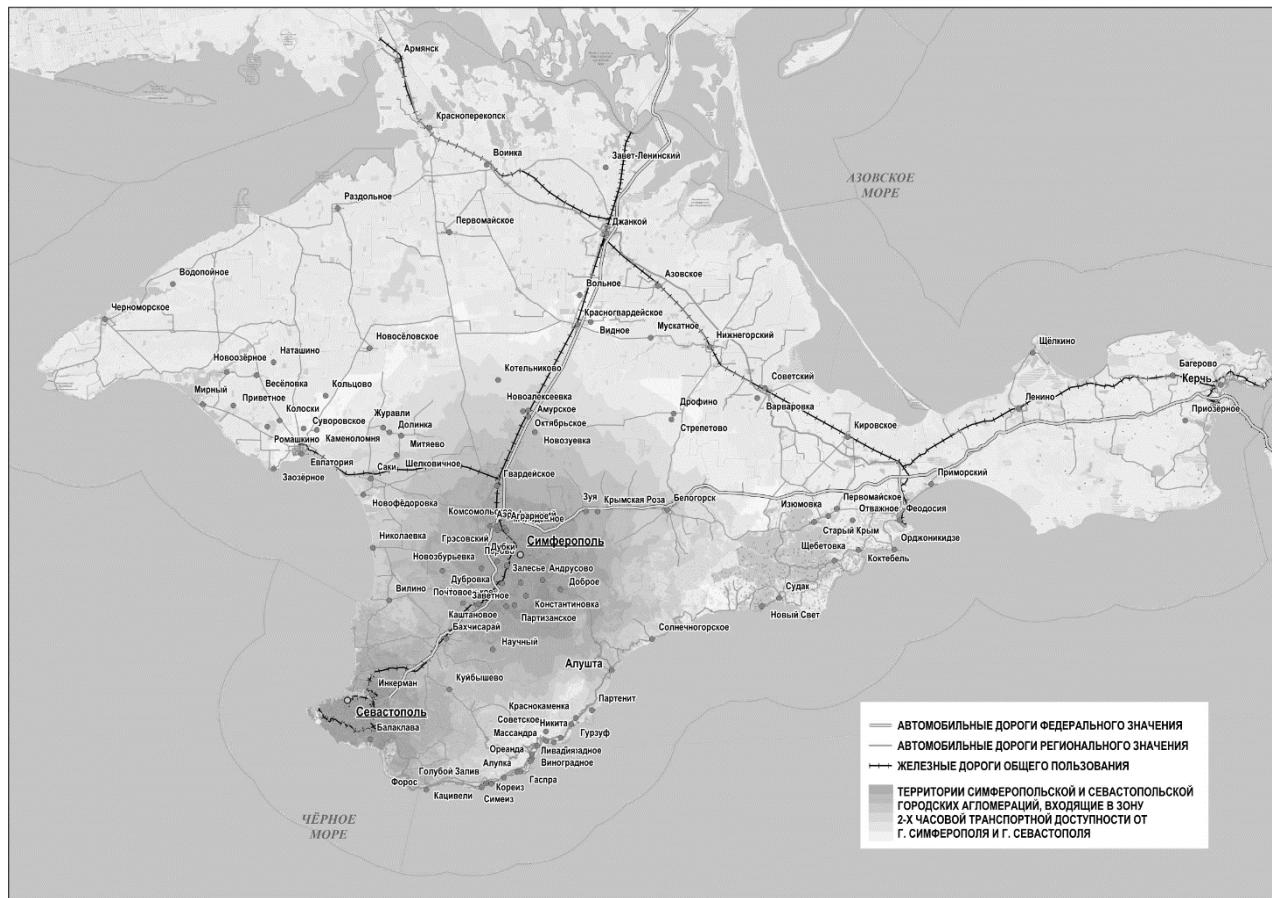

Рисунок 1 – Схема территорий Симферопольской и Севастопольской городских агломераций, входящих в зону 2-часовой транспортной доступности от г. Симферополя и г. Севастополя в 2025 г.

Источник: составлено автором.

В рамках Стратегии развития федерального государственного унитарного предприятия «Крымская железная дорога» на период до 2025 года и перечня мероприятий технического развития и модернизации ФГУП «КЖД» на период 2026–2030 гг. предусмотрены мероприятия, обеспечивающие повышение транспортной доступности регионов:

- строительство однопутного электрифицированного участка от международного аэропорта Симферополь до существующей инфраструктуры ФГУП «КЖД» с организацией пригородного сообщения с периодом реализации после 2025 года;
- организация движения «городской электрички» в г. Севастополе с использованием рельсовых автобусов РА-3 в тактовом движении и организацией новых остановок;

вочных пунктов на маршрутах Севастополь – Камышовая Бухта, Севастополь – Золотая Балка с периодом реализации после 2025 года.

На Рисунке 2 показаны территории Симферопольской и Севастопольской городских агломераций, входящих в зону 2-часовой транспортной доступности от г. Симферополя и г. Севастополя в 2030 г. при условии реализации проектов, указанных выше.

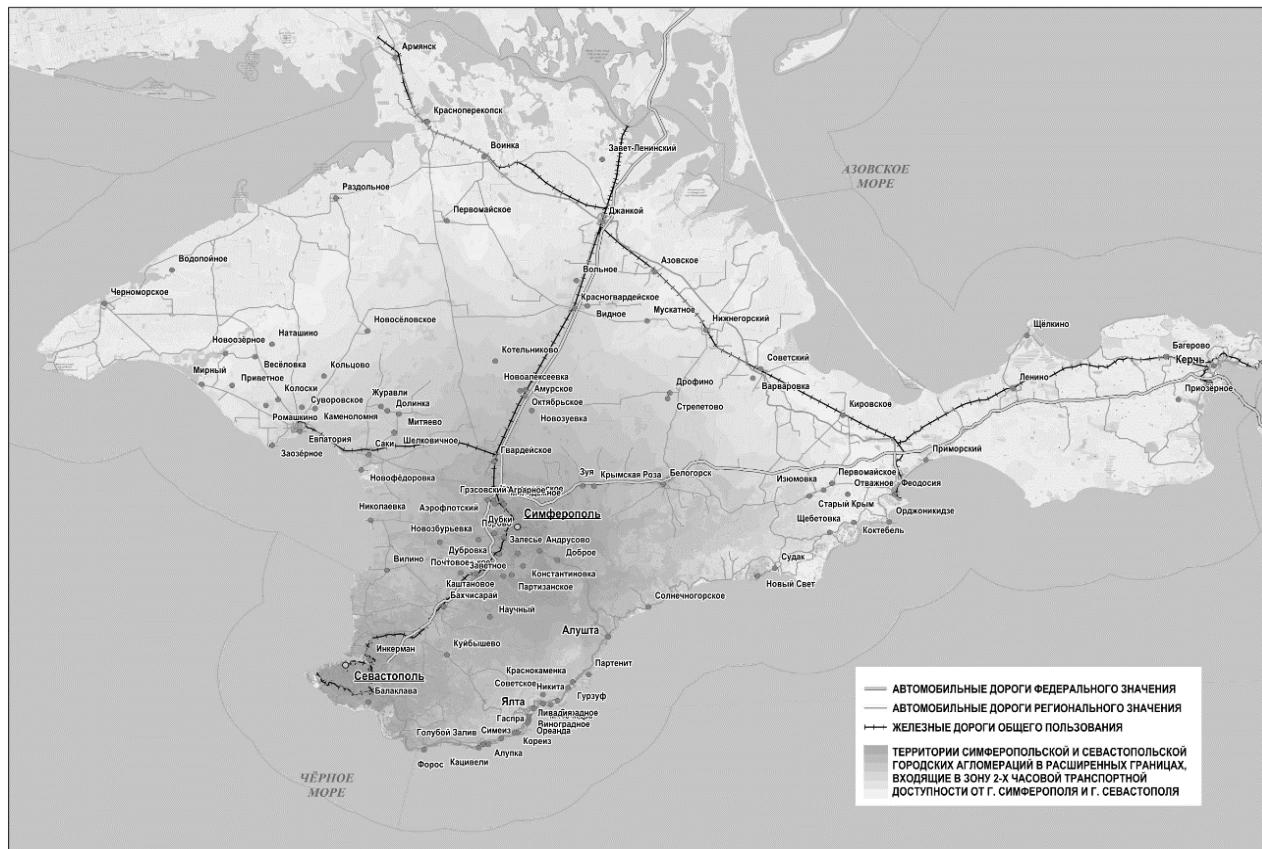

Рисунок 2 – Схема территорий Симферопольской и Севастопольской городских агломераций, входящих в зону 2-часовой транспортной доступности от г. Симферополя и г. Севастополя в 2030 г. при реализации проекта

Источник: составлено автором.

Оценка агломерационных эффектов выполнена с учетом следующих допущений:

- расширение границ Симферопольской городской агломерации прогнозируется с 2027 г. при условии организации скоростного пригородного сообщения в направлении Симферополь – Джанкой, повышения пропускной способности инфраструктуры железнодорожного транспорта. В состав Симферопольской городской агломерации дополнительно отнесены муниципальные образования Красногвардейского и Джанкойского муниципальных районов 4 и 8 ед. соответственно, Джанкойский городской округ;
- с 2029 г. расширение границ Симферопольской городской агломерации прогнозируется за счет двух муниципальных образований Нижнегорского, Джанкойского и Советского муниципальных районов Республики Крым 12, 2 и 4 ед. соответственно при условии организации скоростного пригородного сообщения в направлении Джанкой – Феодосия (см. Рисунок 3).

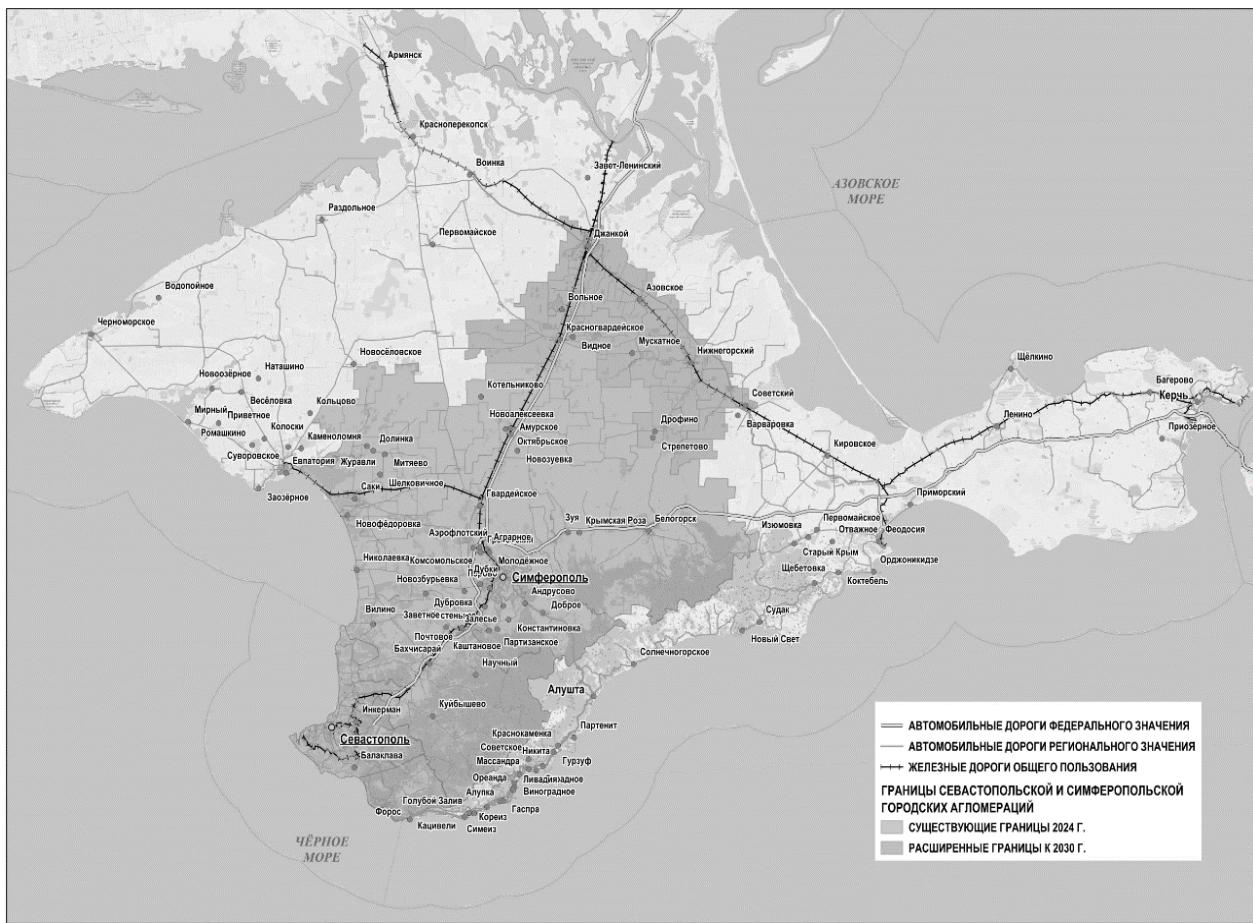

Рисунок 3 – Схема границ муниципальных образований, входящих в состав Симферопольской и Севастопольской городских агломераций в 2025 году и 2030 году при реализации проекта

Источник: составлено автором.

Динамика численности населения муниципальных образований Севастопольской и Симферопольской городских агломерации в 2022–2024 гг. и прогноз на период 2025–2030 гг. представлены в Таблице 1.

По данным Росстата, численность населения Севастопольской и Симферопольской городских агломераций в 2024 г. составляла 1 359,7 тыс. чел. (55% от общей численности населения Республики Крым и г. Севастополя) или 104,1% к уровню 2022 г. При этом численность населения Севастопольской городской агломерации в 2024 г. увеличилась относительно уровня 2022 г. на 7,5%, Симферопольской городской агломерации – на 1,8%.

В двух муниципальных образованиях Симферопольской городской агломерации с наибольшей численностью населения: Симферопольский городской округ и Симферопольский муниципальный район, темпы роста численности населения в 2024 г. относительно уровня 2022 г. составили 100,4% и 100,9% соответственно. Наибольшие темпы роста численности населения за указанный период продемонстрировали Виноградовское сельское поселение (2,3 раза), Крымское и Геройское сельские поселения (в 1,3 раза).

Таблица 1 – Численность населения муниципальных образований Севастопольской и Симферопольской городских агломераций, чел.

Муниципальное образование	Отчет			Прогноз					
	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Численность населения городских агломераций в границах 2024 г.	1 306 190	1 356 562	1 359 696	1 365 501	1 375 307	1 385 787	1 396 819	1 407 642	1 418 363
Севастопольская агломерация	522 057	558 273	561 374	566 900	573 700	580 200	586 400	592 300	598 000
Симферопольская агломерация	784 133	798 289	798 322	798 601	801 607	805 587	810 419	815 342	820 363
Городской округ Симферополь	354 238	356 838	355 620	356 331	357 044	357 758	358 474	359 191	359 909
Городской округ Саки	24 146	23 691	23 432	23 081	23 127	23 173	23 219	23 265	23 312
Бахчисарайский муниципальный район	87 095	94 126	93 847	93 569	93 292	93 479	93 666	93 853	94 041
Белогорский муниципальный район	60 329	64 588	64 367	64 147	66 264	68 451	70 710	73 043	75 453
Амурское сельское поселение	4 295	3 725	3 755	3 785	3 815	3 846	3 877	3 908	3 939
Зерновское сельское поселение	1 216	1 241	1 249	1 265	1 281	1 298	1 315	1 332	1 349
Колодезянское сельское поселение	1 340	1 453	1 447	1 441	1 435	1 429	1 432	1 435	1 438
Котельниковское сельское поселение	2 068	2 162	2 166	2 170	2 174	2 178	2 182	2 186	2 190
Краснознаменское сельское поселение	2 513	2 555	2 568	2 581	2 594	2 607	2 636	2 665	2 694
Ленинское сельское поселение	2 107	1 966	1 968	1 970	1 972	1 974	1 976	1 978	1 980
Марьяновское сельское поселение	3 326	3 170	3 173	3 176	3 179	3 182	3 185	3 188	3 191
Найденовское сельское поселение	1 365	1 073	1 043	1 014	1 016	1 018	1 020	1 022	1 024
Октябрьское сельское поселение	10 772	10 966	10 996	11 106	11 217	11 329	11 442	11 556	11 672
Полтавское сельское поселение	2 682	2 573	2 572	2 571	2 570	2 575	2 580	2 585	2 590
Пятихатское сельское поселение	2 844	2 981	2 967	2 953	2 939	3 001	3 064	3 128	3 194
Ровновское сельское поселение	3 220	3 308	3 273	3 238	3 264	3 290	3 316	3 343	3 370
Янтарненское сельское поселение	4 171	3 772	3 758	3 744	3 730	3 737	3 744	3 751	3 759
Вересаевское сельское поселение	2 354	2 517	2 514	2 511	2 508	2 505	2 588	2 673	2 761
Виноградовское сельское поселение	1075	1 098	2 515	2 569	2 624	2 680	2 737	2 796	2 856
Геройское сельское поселение	2 306	2 901	2 909	2 917	2 925	2 954	2 984	3 014	3 044
Зерновское сельское поселение	1 182	1 265	1 273	1 281	1 289	1 297	1 346	1 397	1 450
Ивановское сельское поселение	1 947	1 890	2 201	2 340	2 363	2 387	2 411	2 435	2 459
Крайненское сельское поселение	2 419	2 374	2 361	2 333	2 305	2 310	2 315	2 320	2 325
Крымское сельское поселение	2 346	3 106	3 098	3 090	3 082	3 113	3 144	3 175	3 207
Лесновское сельское поселение	5 471	4 718	4 801	4 885	4 971	5 058	5 147	5 238	5 330

Муниципальное образование	Отчет			Прогноз					
	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Митяевское сельское поселение	5 863	5 516	5 453	5 257	5 068	5 078	5 088	5 098	5 108
Новофедоровское сельское поселение	5 500	6 446	6 491	6 536	6 582	6 628	6 674	6 721	6 768
Ореховское сельское поселение	8 731	8 327	8 352	8 377	8 402	8 427	8 452	8 477	8 502
Охотниковское сельское поселение	3 552	3 486	3 495	3 504	3 513	3 522	3 531	3 540	3 549
Сизовское сельское поселение	2 864	2 500	2 474	2 448	2 423	2 428	2 433	2 438	2 443
Фрунзенское сельское поселение	3 010	2 837	2 835	2 833	2 831	2 837	2 843	2 849	2 855
Симферопольский муниципальный район	167 786	169 120	169 349	169 578	169 808	170 038	170 888	171 742	172 601
Численность населения городских агломераций в расширенных границах	1 306 190	1 356 562	1 359 696	1 365 501	1 375 307	1 484 512	1 496 241	1 559 136	1 570 653
Севастопольская агломерация	522 057	558 273	561 374	566 900	573 700	580 200	586 400	592 300	598 000
Симферопольская агломерация	784 133	798 289	798 322	798 601	801 607	904 312	909 841	966 836	972 653
Численность населения муниципальных образований, входящих в Симферопольскую городскую агломерацию с 2027 и 2029 гг.	152 675	153 189	151 760	150 502	149 446	149 905	150 712	151 494	152 290
Городской округ Джанкой	36 827	36 157	35 353	34 646	33 953	34 021	34 089	34 157	34 225
Красногвардейский муниципальный район									
Калининское сельское поселение	2 234	2 398	2 364	2 330	2 297	2 302	2 307	2 312	2 317
Клепининское сельское поселение	2 954	2 569	2 531	2 494	2 457	2 462	2 467	2 472	2 477
Красногвардейское сельское поселение	11 598	11 818	11 747	11 676	11 606	11 676	11 746	11 816	11 887
Петровское сельское поселение	11 663	11 963	11 938	11 913	11 888	12 031	12 175	12 321	12 469
Новопокровское сельское поселение	3 072	3 124	3 132	3 140	3 148	3 156	3 188	3 220	3 252
Восходненское сельское поселение	7 138	7 566	7 527	7 488	7 503	7 518	7 533	7 548	7 563
Джанкойский муниципальный район									
Вольновское сельское поселение	1 913	2 024	1 980	1 937	1 895	1 927	1 960	1 993	2 027
Изумрудновское сельское поселение	5 267	5 379	5 352	5 395	5 368	5 341	5 314	5 287	5 260
Кондратьевское сельское поселение	1 246	1 323	1 302	1 281	1 261	1 289	1 317	1 346	1 376
Майское сельское поселение	3 645	3 438	3 423	3 408	3 393	3 400	3 407	3 414	3 421
Мирновское сельское поселение	4 574	5 004	4 976	4 948	4 920	4 930	4 940	4 950	4 960
Рошинское сельское поселение	1 998	2 495	2 469	2 443	2 467	2 492	2 517	2 542	2 567
Победненское сельское поселение	3 565	3 841	3 828	3 815	3 802	3 810	3 947	4 089	4 236
Яркополенское сельское поселение	1 873	2 108	2 107	2 106	2 234	2 370	2 515	2 520	2 525

Муниципальное образование	Отчет				Прогноз				
	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Азовское сельское поселение	3 359	3 419	3 435	3 451	3 467	3 483	3 499	3 537	3 576
Табачненское сельское поселение	1 505	1 623	1 608	1 593	1 596	1 599	1 602	1 605	1 608
Нижнегодский муниципальный район									
Митрофановское сельское поселение	2 963	2 910	2 894	2 878	2 862	2 846	2 852	2 858	2 864
Нижнегорское сельское поселение	9 365	9 260	9 142	9 026	8 911	8 797	8 815	8 833	8 851
Садовое сельское поселение	3 031	3 000	2 998	2 996	2 994	2 992	2 998	3 004	3 010
Новогригорьевское сельское поселение	2 159	2 179	2 193	2 207	2 221	2 235	2 249	2 263	2 278
Михайловское сельское поселение	2 850	2 842	2 815	2 788	2 762	2 768	2 774	2 780	2 786
Ивановское сельское поселение	1 947	1 890	1 883	1 876	1 869	1 873	1 877	1 881	1 885
Жемчужинское сельское поселение	1 793	1 553	1 562	1 571	1 580	1 589	1 598	1 607	1 616
Косточковское сельское поселение	1 514	1 572	1 549	1 526	1 504	1 507	1 524	1 541	1 558
Желябовское сельское поселение	3 166	2 992	2 965	2 938	2 911	2 885	2 859	2 865	2 871
Дрофинское сельское поселение	1 499	1 303	1 292	1 281	1 270	1 259	1 248	1 250	1 253
Уваровское сельское поселение	814	686	678	670	662	654	646	647	648
Зоркинское сельское поселение	1 373	1 289	1 285	1 281	1 277	1 273	1 276	1 279	1 282
Советский муниципальный район									
Черноземненское сельское поселение	2 333	2 423	2 407	2 391	2 375	2 413	2 452	2 491	2 531
Советское сельское поселение	10 005	9 406	9 395	9 384	9 373	9 362	9 351	9 370	9 389
Прудовское сельское поселение	2 143	2 309	2 302	2 295	2 288	2 293	2 298	2 303	2 308
Заветненское сельское поселение	1 289	1 326	1 328	1 330	1 332	1 352	1 372	1 393	1 414

Источники: Росстат; прогноз автора

Прогноз численности населения городских агломераций выполнен с учетом динамики численности населения в 2022–2024 гг., прогноза Росстата, Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года. По прогнозу, численность населения Севастопольской и Симферопольской городских агломераций в границах 2024 г. в 2030 г. составит 1 418,4 тыс. чел. или 104,3% к уровню 2024 г.

При расширении границ городских агломераций за счет развития скоростных видов транспорта и реализации мероприятий по развитию железнодорожной инфраструктуры в Республике Крым и г. Севастополе общая численность населения Севастопольской и Симферопольской городских агломераций в 2030 г. прогнозируется на уровне 1 570,7 тыс. чел., Севастопольской городской агломерации – 598,0 тыс. чел., Симферопольской городской агломерации – 922,7 тыс. чел.

Площадь городских агломераций в существующих границах составляет 8 622 кв. км, в расширенных границах в 2030 г. – 10 529 кв. км при реализации проекта.

Прогноз ВРП субъектов РФ, на территории которых расположены городские агломерации, а также численности занятых в регионах был разработан на основании стратегических документов, средне- и долгосрочных прогнозов социально-экономического развития субъектов РФ, утвержденных органами власти субъектов Федерации. К ним относятся:

- Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года, утвержденная Государственным Советом Республики Крым 28 декабря 2016 г. (в ред. от 26.12.2022 № 382-ЗРК/2022);
- Прогноз социально-экономического развития Республики Крым на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов, утвержденный распоряжением Совета министров Республики Крым от 29.10.2024 № 1959-р;
- Прогноз социально-экономического развития города Севастополя на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов, утвержденный постановлением Правительства Севастополя от 21.10.2024 № 488-ПП.

Кроме того, для выполнения прогнозов были использованы Сценарные условия функционирования экономики Российской Федерации, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и прогнозируемые изменения цен (тарифов) на товары, услуги хозяйствующих субъектов, осуществляющих регулируемые виды деятельности в инфраструктурном секторе, на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов, разработанные Минэкономразвития России (30 апреля 2025 г.).

Интегральная оценка агломерационного эффекта рассчитывалась на основе приста валовой добавленной стоимости по отраслям экономики субъекта Российской Федерации, в нашем случае – Республика Крым, на территории которого реализуется проект развития железнодорожного транспорта. Для оценки агломерационного эффекта использовался методический подход, разработанный Центром экономики инфраструктуры [9].

Для оценки социально-экономических и экологических эффектов от развития пассажирских перевозок на железнодорожном транспорте на территории Крымского полуострова на ретроспективный период 2022-2024 гг. и перспективный период до 2030 г. включительно, в том числе агломерационных эффектов авторами была разработана расчетная модель, состоящая из трех основных блоков:

1. Блок исходных данных.
2. Расчетный блок, включающий в себя два модуля:
 - 2.1. Модуль прогноза основных транспортных и сопутствующих показателей.
 - 2.2. Модуль расчета социально-экономических эффектов.
3. Результирующий блок.

В каждом из трех блоков представлены, соответственно, исходные данные, расчеты и основные результаты по каждому оцениваемому социально-экономическому эффекту. Расчетная модель формировалась на основе принятых методических подходов для каждого из оцениваемых социально-экономических эффектов, в том числе и агломерационного эффекта. Исходные данные и допущения для расчета агломерационных эффектов представлены в Таблице 2.

**Таблица 2 – Исходные данные и допущения
для расчета агломерационных эффектов**

Наименование показателя	Ед. измерения	Значение	Комментарий
Доля занятых в рассматриваемой агломерации по отношению к общему числу занятых в регионе в целом	%	Определялась для каждой агломерации исходя из соотношения численности населения агломерации и региона	Расчет автора
Коэффициент эластичности производительности труда по численности населения в зоне 2-часовой доступности для агломерации			Оценка на основе материалов Центра экономики инфраструктуры
для Севастопольской агломерации	%	0,3	
для Симферопольской агломерации	%	3,0	
Коэффициент затухания			Оценка на основе материалов Центра экономики инфраструктуры
для Севастопольской агломерации	-	0,5	
для Симферопольской агломерации	-	0,5	

Согласно исследованиям Центра экономики инфраструктуры, эластичность производительности труда по численности населения в зоне 2-часовой транспортной доступности различна для агломераций с численностью населения до 700 тыс. чел, от 700 до 1500 тыс. чел., от 1,5 до 5 млн чел. и свыше 5 млн человек [10]. Поэтому при расчете агломерационного эффекта от реализации мероприятий применялись различные коэффициенты эластичности производительности труда и коэффициенты затухания в зависимости от численности населения агломерации.

Результаты расчетов агломерационных эффектов приведены в Таблице 3.

В результате проведенных расчетов агломерационный эффект за ретроспективный период 2022–2024 гг. оценивается в 14,6 млрд руб. (в ценах соответствующих лет), за период 2025–2030 гг. – 50,1 млрд руб., с учетом дисконтирования – 38,7 млрд руб.

Таблица 3 – Расчет агломерационных эффектов

Показатели	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Численность населения городских агломераций, тыс. чел.									
Севастопольская го- родская агломерация	522,1	558,3	561,4	566,9	573,7	580,2	586,4	592,3	598,0
Симферопольская городская агломера- ция	784,2	798,3	798,3	798,6	801,6	904,3	909,8	966,8	972,7
ВРП Республики Крым, млрд руб.	229,7	261,5	301,9	342,1	385,4	435	470,7	509,3	551,2
ВРП г. Севастополя, млрд руб.	655,9	707,9	768,1	839,8	907,6	983,7	1 066,0	1 155,2	1 251,8
Доля занятых в рассматриваемой агломерации по отношению к общему числу занятых в регионе в целом, %									
Севастопольская го- родская агломерация	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
Симферопольская городская агломера- ция	40,8%	41,7%	41,9%	42,0%	42,3%	47,8%	48,2%	51,4%	51,8%
Агломерационный эффект, млн руб. (в ценах соответствую- щих лет)	4 359,8	4 930,0	5 283,4	5 812,1	6 362,3	8 620,5	8 475,1	10 236,1	10 628,1
Агломерационный эффект, дисконтиро- ванный, млн руб.	-	-	-	5 812,1	5 631,7	7 034,6	6 375,9	7 099,2	6 795,5

Источник: составлено автором.

Проведенное автором исследование показывает, что:

1. Реализация инфраструктурных проектов по развитию железнодорожных пассажирских перевозок в регионе влияет на изменение границ агломераций региона и численность населения этих агломераций.

2. Используя разработанные автором алгоритмы расчета эффектов и расчетную модель, возможно оценить эти изменения как в ретроспективном, так и в перспективном периоде, что на взгляд автора представляет интерес для вопросов перспективного территориального планирования в регионах, в которых реализуется или предполагается реализовать инфраструктурный транспортный проект по пассажирским железнодорожным перевозкам.

3. Оценка ожидаемого монетизированного эффекта от реализации инфраструктурного транспортного проекта может служить одним из показателей при принятии управленческих решений, в первую очередь на уровне региона, в части рассмотрения необходимости реализации инфраструктурного транспортного проекта и/или для сравнения нескольких таких проектов.

4. Высокие значения агломерационных эффектов позволяют рекомендовать реализацию мероприятий по дальнейшему развитию пассажирского железнодорожного сообщения Крымского полуострова с субъектами Российской Федерации.

5. Результаты исследований могут иметь высокую практическую значимость при

далнейшем тиражировании при реализации государственных и региональных программ и проектов, направленных на развитие железнодорожных пассажирских перевозок, например, федерального проекта «Развитие общественного транспорта», поскольку подавляющее большинство агломераций расположены в регионах, где осуществляются подобные перевозки.

Литература

1. Вебер А. Теория размещения промышленности. 1925.
2. Лёш А. Географическое размещение хозяйства. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. — 455 с.
3. Оценка крупных инфраструктурных проектов. Задачи и решения. Разработки в рамках проектов ЦСР. 2013.
4. Пятаев М.В. Региональные эффекты проектов высокоскоростных железнодорожных магистралей// Мир транспорта. 2016. № 3. С. 132-141.
5. Пономарев Ю. Влияние развития транспортной инфраструктуры на экономику: подходы и эмпирические оценки. – URL: https://www.iep.ru/files/Gaidarovskie_chtenia/30years/2020.12.11_Ponomarev.pdf?ysclid=meci5xuwqg372340598
6. Митрюкова, К.А. Влияние транспортной инфраструктуры на социально-экономическое развитие регионов: практическая значимость и научные разногласия // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, №7, - С. 2399-2412. – DOI 10.18334/epp.13.7.118352.
7. Чистяков П. Большие стройки: почему сейчас нужно вкладываться в дороги и аэропорты. – URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/04/03/2015/54f6d5669a7947d78cc80c6f>
8. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ 28 декабря 2024 г. № 4146-р.
9. Транспортная инфраструктура и экономический рост. – М. Изд. Пере. 2019. 142 с.
10. Лавриненко П.А., Михайлова Т.Н., Ромашина А.А., Чистяков П.А. Агломерационные эффекты как инструмент регионального развития // Проблемы прогнозирования. 2019. №3.

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ СЗФО РФ)¹

Устойчивое развитие региона предполагает сбалансированную динамику социальной, экономической и экологической составляющих. Оно должно осуществляться с учетом экономического роста и при обеспечении его сбалансированности с потребностями общества по улучшению качества жизни населения и предотвращения деградации окружающей среды. Оптимальное соотношение ресурсно-экологических возможностей территории с потребностями региональной социально-экономической системы определяет социо-экологическую сбалансированность развития регионов на принципах: территориальности (учет специфики конкретного региона), системности (обеспечение социо-экологической сбалансированности и координации работ всех участников), целенаправленности (реализация единой цели), непрерывности (постоянная и целенаправленная работа по достижению и дальнейшему поддержанию состояния сбалансированности в регионе), открытости (способность воспринимать положительный опыт других регионов). Эффективность устойчивого развития регионов на принципах социо-экологической сбалансированности определяется повышением качества жизни населения. Одной из основных составляющих качества жизни является здоровье населения.

На протяжении всей жизни человека на его здоровье существенное влияние оказывают различные факторы. Существуют различные классификации таких факторов в зависимости от целей и направлений исследований. По экспертной оценке, Всемирной Организации Здравоохранения, состояние здоровья каждого человека зависит от 4-х факторов: заложенной в организм генной программы – на 20%, экологии – на 20%, медицинского сервиса – на 10%, образа жизни – на 50% [1]. Киселева Л.С. предлагает классификацию, состоящую из двух групп факторов, имеющих эндогенную и экзогенную природу. Эндогенные факторы – факторы, оказывающие влияние на здоровье человека и являющиеся в той или иной мере зависимыми от него (генетический, психологический, культурный, социально-бытовой). На данную группу факторов человек способен оказывать регулирующее воздействие. Экзогенные факторы – внешние факторы, оказывающие воздействие на здоровье человека (экономические, социальные, политические, технологические, экологические, демографические, географические) [2]. Полякова Л.Б. выделяет биологические (пол, возраст, наследственность и др.), природные (климатические, антропогенное загрязнение и др.), социально-экономические (образ жизни), медицинские (организация медицинской помощи) факторы, влияющие на здоровье населения [1]. Все группы факторов оказывают свое влияние как на уровне отдельного человека, так и на уровне населения в целом, но степень их влияния различна. Среди факторов окружающей среды, негативно

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ИПРЭ РАН по теме: «Новые условия и факторы социально-экологического развития регионов России в условиях цифровой трансформации экономики и общества» (№ Г.Р. 124012000100-7), (код – «FMGS-2024-0002»).

влияющих на здоровье населения, можно выделить приоритетные: атмосферный воздух и питьевая вода. Загрязнение атмосферного воздуха и водных объектов наряду с промышленными и бытовыми отходами, изменением климата, ростом показателей заболеваемости – основные проблемы регулирования устойчивого развития субъектов СЗФО РФ.

За период 2010 – 2023 годы заболеваемость на 1000 человек населения в Российской Федерации незначительно выросла (в 1,05 раза). Наблюдался рост этого показателя практически во всех субъектах СЗФО РФ за исключением Калининградской и Новгородской областей, где наметилась тенденция к его снижению (таблица 1).

Таблица 1 – Изменение показателей заболеваемости на 1000 человек населения в субъектах СЗФО РФ (2023 г. к 2010 г.).

Субъекты СЗФО РФ	Заболевае- мость на 1000 человек насе- ления в 2010 г.	Заболевае- мость на 1000 человек насе- ления в 2023 г.	Изменение показате- лей заболеваемости на 1000 человек населения (2023 г. к 2010 г.)
Российская Федерация	780,0	822,1	1,05
СЗФО	850,8	1008,5	1,19
Республика Карелия	1 078,8	1 505,9	1,39
Республика Коми	1 035,2	1 149,3	1,11
Архангельская область	1 048,5	1 134,2	1,09
Вологодская область	886,3	1 066,5	1,20
Калининградская об- ласть	799,9	781,1	0,98
Ленинградская область	548,5	693,4	1,26
Мурманская область	891,9	922,7	1,03
Новгородская область	881,7	795,3	0,90
Псковская область	677,2	755,1	1,11
г. Санкт-Петербург	857,1	1 124,0	1,31

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сборник. 2011-2024 гг.

Значительно выросла за этот период заболеваемость органов дыхания во всех субъектах СЗФО РФ, особенно в Республике Карелия (в 1,73 раза), Ленинградской области (в 1,49 раза) и Санкт-Петербурге (в 1,45 раза). Количество новообразований у населения выросло в 2,38 раза в Калининградской области, в 1,58 раза в Республике Коми, в 1,36 раза в Санкт-Петербурге. Заболеваемость эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ увеличилась в 2,28 раза в Калининградской области; в 1,77 раза в Ленинградской области; в 1,69 раза в Санкт-Петербурге. В 2,32 раза выросла заболеваемость системы кровообращения в Калининградской области, в 1,45 раза в Санкт-Петербурге [3].

Проблема роста заболеваемости населения субъектов СЗФО РФ тесно связана с проблемой сложившейся неблагоприятной экологической ситуацией в связи с наличием и развитием в регионе нефтегазодобычи, которая осуществляется в Республике

Коми, Ненецком автономном округе, Мурманской области; угольной промышленности в Республике Коми; черной и цветной металлургии, химической промышленности в Ленинградской, Мурманской и Вологодской областях, в Республике Карелия; машиностроения и судостроения в Санкт-Петербурге, Ленинградской и Архангельской областях; целлюлозно-бумажного производства в Ленинградской, Калининградской, Вологодской и Архангельской областях, в Республике Карелия и Республике Коми; ядерных объектов и полигонов для испытания ядерного оружия в Архангельской области. За последние годы наметилась тенденция к снижению выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников во всех субъектах СЗФО РФ. Тем не менее, в 2023 году достаточно высоки они были в Вологодской области (367 тыс. т), Республике Коми (344 тыс. т), Ленинградской области (234 тыс. т), Архангельской области (187 тыс. т) (рисунок 1).

Проблемой в субъектах СЗФО РФ является улавливание и обезвреживание загрязняющих атмосферу веществ. Так, в 2023 году их доля в общем количестве загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, была незначительна в Псковской области (27,0%), Калининградской области (31,1%), Республике Коми (31,6%) и Санкт-Петербурге (34,8%) [3].

Развитие автомобильного и железнодорожного транспорта в Российской Федерации увеличивает количество выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от передвижных источников во всех субъектах РФ, что представляет проблему и для субъектов СЗФО РФ. Выбросы автотранспортных потоков в атмосферный воздух, содержащие загрязняющие вещества (оксид углерода, оксид азота, диоксид серы, формальдегид и т.д.) отрицательно сказываются на здоровье населения.

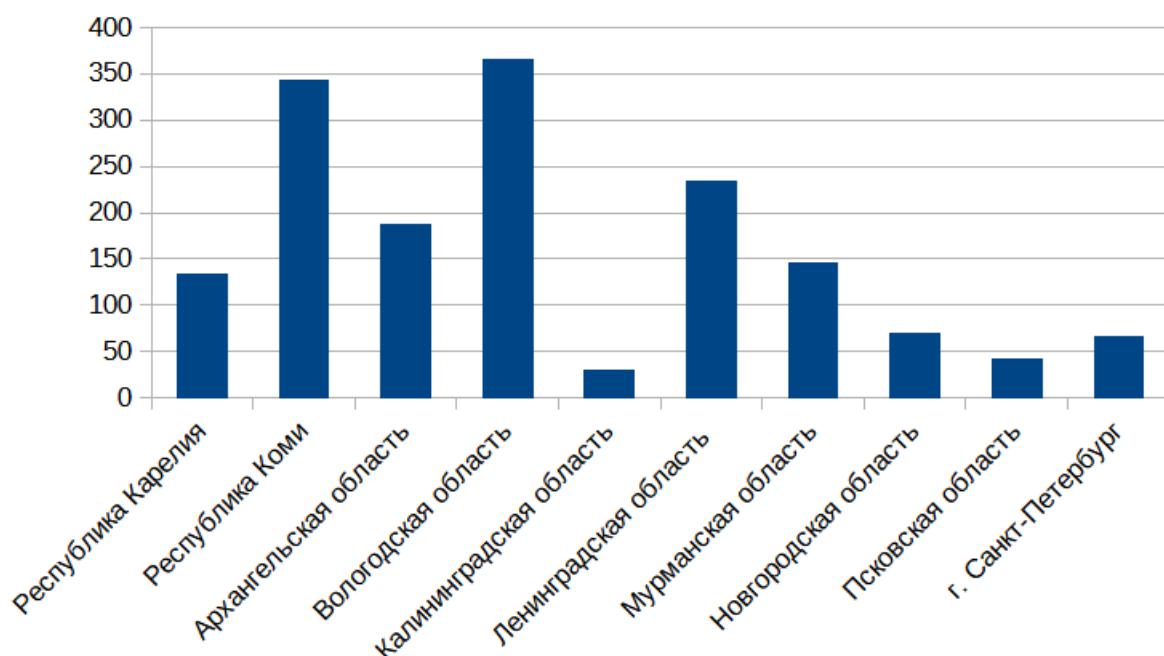

Рисунок 1 – Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников в субъектах СЗФО РФ в 2023 г. (тысяч тонн)

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сборник. М., 2024.

В соответствии с приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 27 ноября 2019 года № 804 была утверждена Методика определения выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от передвижных источников для проведения сводных расчетов загрязнения атмосферного воздуха в соответствии с пунктом 2 статьи 22.1 Федерального закона от 04.05.1999 N 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха». Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от передвижных источников в субъектах СЗФО РФ в 2023 году представлены в таблице 2. Как видно из таблицы основную долю выбросов составляет автомобильный транспорт – 95% от объема выбросов загрязняющих веществ от передвижных источников (автомобильный и железнодорожный транспорт). Причем 35% объема выбросов в СЗФО РФ приходится на Санкт-Петербург.

Таблица 2 – Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от передвижных источников в субъектах СЗФО РФ в 2023 г.

	Объем выбросов загрязняющих веществ от автомобильного транспорта за 2023 г., тыс. тонн	Объем выбросов загрязняющих веществ от передвижных источников (автомобильный и железнодорожный транспорт) за 2023 г., тыс. тонн
СЗФО	401,36	423,36
Республика Карелия	20,01	21,99
Республика Коми	43,24	46,70
Архангельская область	22,51	28,15
Вологодская область	32,04	32,58
Калининградская область	30,47	30,88
Ленинградская область	43,70	46,59
Мурманская область	24,77	25,39
Новгородская область	21,21	23,61
Псковская область	22,85	25,68
г. Санкт-Петербург	140,56	141,79

Источник: О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2023 году. Государственный доклад. - М.: Минприроды России, 2024. - 707с.

В соответствии с существующими методами оценки выделяют четыре уровня загрязнения атмосферного воздуха в зависимости от индекса загрязнения атмосферы (ИЗА): низкий (ИЗА от 0 до 4), повышенный (ИЗА от 5 до 6), высокий (ИЗА от 7 до 13), очень высокий (ИЗА больше 14). В субъектах СЗФО РФ индекс загрязнения атмосферы

превышает предельно допустимые значения в трех областях. Причем население, проживающее в городах этих областей, составляет 49% в Архангельской области, 38% в Вологодской области и 57% в Мурманской области [4].

К экологическим проблемам СЗФО РФ относится сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, который в конечном итоге оказывается на здоровье населения. При общей тенденции снижения объемов сброса сточных вод в целом по Российской Федерации и СЗФО наблюдалось увеличение этого показателя в Республике Коми (в 1,51 раза) и Калининградской области (в 1,1 раза) [3]. При этом достаточно велик объем сброса сточных вод в 2023 году в Санкт-Петербурге (936 млн м³), в Ленинградской (278 млн м³) и Архангельской (247 млн м³) областях (рисунок 2).

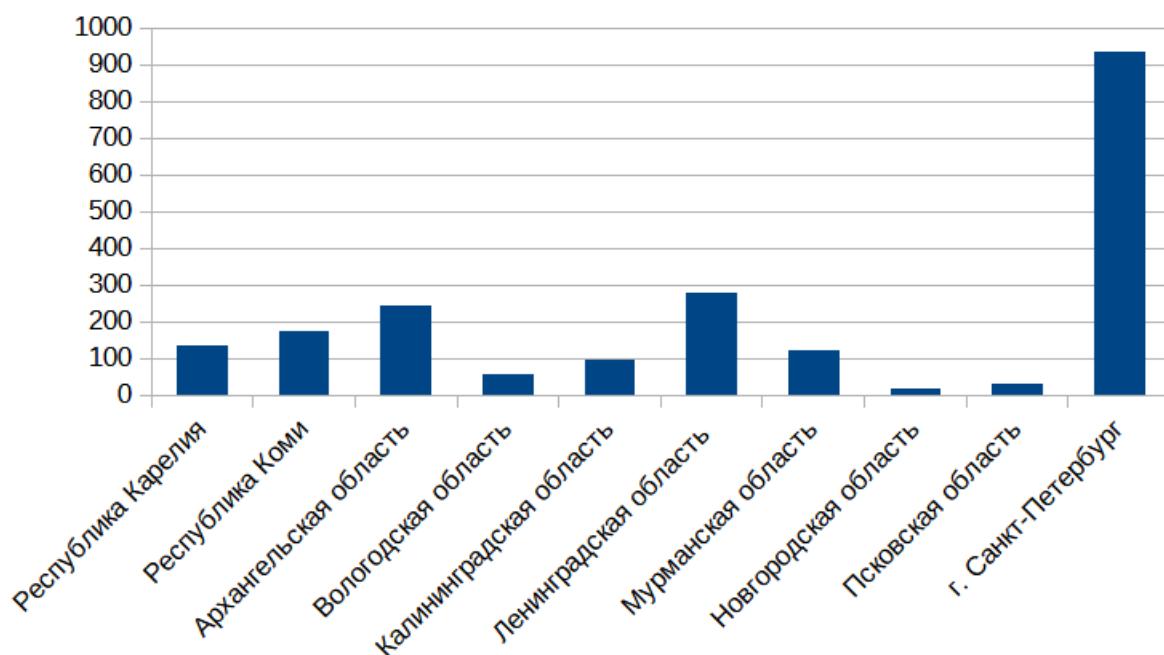

Рисунок 2 – Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты в субъектах СЗФО РФ в 2023 г. (млн м³).

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сборник. М., 2024.

Улучшение экологической ситуации в регионе предусматривается при разработке стратегий социально-экономического развития как федерального округа в целом, так и его субъектов. Анализ стратегий социально-экономического развития субъектов СЗФО РФ до 2035 года показал, что нет единобразия в отражении таких показателей как выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, водопотребление и водоотведение. Указывается снижение выбросов на определенный процент, повышение качества питьевой воды и т. д. (таблица 3). Только в Санкт-Петербурге предусматривается достижение уровня загрязнения воздушного бассейна степени 2, а водного бассейна класса качества 3. Существует национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 59059-2020 (Охрана окружающей среды. Контроль загрязнений атмосферного воздуха), который предусматривает классификацию уровней загрязнения атмосферного воздуха на основе сравнения результатов мониторинга с экологическими стандартами:

1. Низкая степень загрязнения. Уровни загрязняющих веществ значительно ниже допустимых пределов. Воздух считается чистым. Такая степень часто наблюдается в отдалённых и малоиндустриализированных районах.

2. Повышенная степень загрязнения. Концентрации одного или нескольких загрязнителей приближаются к предельно допустимым уровням. Хотя непосредственной угрозы здоровью может не быть, долгосрочное воздействие может начать оказывать отрицательное влияние на жителей и экосистему.

3. Высокая степень загрязнения. Концентрация загрязнителей воздуха превышает нормативы. Воздействие такого воздуха на здоровье может быть уже заметным, повышается риск развития респираторных и других заболеваний среди населения. Необходимы немедленные меры по снижению уровня загрязнителей.

4. Очень высокая степень загрязнения. Концентрации загрязнителей критически высоки, что может привести к серьёзным последствиям и даже смертельным исходам. Такие условия требуют экстренного вмешательства и реализации чрезвычайных мер по улучшению качества атмосферного воздуха [5].

Таблица 3 – Значения экологических показателей в стратегиях социально-экономического развития субъектов СЗФО РФ

Субъекты СЗФО РФ	Из стратегий социально-экономического развития субъектов СЗФО РФ до 2035 г.	
	Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу	Водопотребление и водоотведение
Республика Карелия	Снижение на 30%	Достижение 100%-й доли проб питьевой воды, соответствующей нормативам
Республика Коми	Снижение	
Архангельская область	Уменьшение на 20%	
Вологодская область	Снижение на 35%	
Мурманская область	Увеличение доли уловленных и обезвреженных загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников до 92,7%	Повышение доли водохозяйственных участков, класс качества которых (по индексу загрязнения) повысится, в общем количестве водохозяйственных участков до 91,7%
Новгородская область	Фактические выбросы довести до предельно допустимых	Совершенствование технологий подготовки питьевой воды и очистки сточных вод
Псковская область		Повышение качества питьевой воды для населения
Санкт-Петербург	Уровень загрязнения воздушного бассейна, степень – 2	Уровень загрязнения водного бассейна Санкт-Петербурга, класс качества 3

Для оценки степени загрязнения поверхностных вод Федеральной службой по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды была разработана рабочая документация РД 52.24.643-2002 Метод комплексной оценки степени загрязненности поверхностных вод по гидрохимическим показателям, предусматривающая 5 классов загрязненности (условно чистая, слабо загрязненная, загрязненная, грязная, экстремально грязная) [6]. Для использования при разработке стратегий социально-экономического развития регионов единых экологических показателей необходимы распорядительные документы на федеральном уровне и совершенствование системы стандартов по выбросам загрязняющих веществ в атмосферу, водопотреблению и водоотведению.

Для повышения эффективности процесса регулирования устойчивого развития регионов в контексте здоровья населения на принципах социо-экологической сбалансированности необходимо соблюдение ряда условий. Прежде всего, это совершенствование системы государственного и регионального регулирования и контроля в области устойчивого развития, исполнение Федерального законодательства в области природопользования и охраны окружающей среды (ФЗ «Об охране окружающей среды», Водный кодекс Российской Федерации, Градостроительный кодекс Российской Федерации и др.). Не менее важна экологизация социальной сферы, предполагающая приоритетный учет интересов и безопасности населения при решении вопросов о потенциально экологически опасных видах деятельности; обеспечение открытости информации о состоянии окружающей среды, доступ граждан к экологической информации, жизненно важной для их безопасности. Необходимым условием является экологизация региональной инвестиционной деятельности, включающая совершенствование механизма регулирования, стимулирующего предпринимателей и инвесторов к эколого-экономической сбалансированности своей деятельности; повышение экологической ответственности хозяйствующих субъектов; совершенствование экономического механизма, стимулирующего экологизацию инвестиционной деятельности (льготное кредитование; страхование инновационных рисков для фирм, разрабатывающих экоинновации и т.д.). Росту эффективности процесса регулирования устойчивого развития регионов будет способствовать совершенствование институциональной среды (совершенствование институциональных основ управления экологической деятельностью на уровне государства и региона, совершенствование деятельности институтов, осуществляющих государственный, ведомственный, производственный, муниципальный и общественный экологический контроль, института социального партнерства для решения экологических проблем).

Экологические региональные проблемы тесно связаны с проблемами экологического образования во всех субъектах Российской Федерации. В настоящее время отсутствуют единая методическая база в сфере экологического образования и просвещения, а также целевые показатели формирования экологической культуры. Не сформированы нормативные требования к специалистам в области устойчивого развития, экологии и охраны окружающей среды, корпоративного управления. Отсутствует единый координационный орган для создания и функционирования в Российской Федерации системы непрерывного экологического образования и просвещения. В настоящее время не во всех субъектах СЗФО РФ приняты законы об экологическом образовании. Отсут-

ствуют самостоятельные региональные законы в Республике Карелия, Ненецком автономном округе. В Республике Коми, Мурманской и Псковской областях разработаны региональные программы. В шести субъектах СЗФО РФ приняты законы об экологическом образовании (Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Новгородская области, Санкт-Петербург).

Среди актуальных направлений регулирования устойчивого развития регионов в контексте экологического образования, просвещения и формирования экологической культуры населения можно выделить такие как: законодательное закрепление определений терминов «экологическое образование», «экологическое просвещение», «экологическая культура»; законодательное закрепление требований по организации и обеспечению экологического образования и просвещения, разработка механизмов реализации экологического образования и просвещения, формирования экологической культуры, а также определение ответственных лиц; создание единого координационного органа для функционирования в Российской Федерации системы непрерывного экологического образования и просвещения; разработка профессиональных стандартов специалистов в области устойчивого развития и ответственного корпоративного управления; создание методической базы в сфере экологического образования и просвещения [7].

Литература

1. Полякова, О. Б. Общественное здоровье: дайджест [Электронный ресурс] / О. Б. Полякова, Т. И. Бонкало. – Электрон. текстовые дан. – М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2024. – URL: <https://niioz.ru/moskovskaya-meditsina/izdaniya-nii/daydhest-meditsinskiy-turizm-i-eksport-meditsinskikh-uslug/>
2. Киселева Л.С. Факторы, формирующие здоровье населения: сущность и типология // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 8-1. С. 17-20; URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=7812>
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник. М., 2011-2024 гг.
- 4 О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2023 году. Государственный доклад. - М.: Минприроды России, 2024. – 707 с.
6. Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2022 г. М., Росгидромет, 2023.
5. ГОСТ Р 59059-2020 Национальный стандарт Российской Федерации. Охрана окружающей среды. Контроль загрязнений атмосферного воздуха. М., Стандартинформ, 2020.
6. РД 52.24.643-2002 Метод комплексной оценки степени загрязненности поверхностных вод по гидрохимическим показателям. Федеральной службой по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет). Ростов-на-Дону. 2002.
7. Рекомендации Общественной палаты Российской Федерации по вопросу построения эффективной системы непрерывного экологического образования и просвещения в Российской Федерации. М., 13.04.2023.

Шестакова Н. Н.

ПРОДВИЖЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ¹

Проблематика цифровизации в сфере образования появилась в научном дискурсе в начале 2000-х годов. В нашей стране как сам процесс цифровизации образования, так и его исследования начали проводиться примерно на 10 лет позднее.

Согласно ряду отечественных и зарубежных аналитических исследований, а также оценке Минцифры, одним из наиболее значимых трендов цифровизации в кратко- и среднесрочном периодах как в мире, так и в России будет являться внедрение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ²). «В настоящее время наблюдается трансформация самого принципа цифровизации: от цифровизации процессов фокус смещается на внедрение технологий искусственного интеллекта. Тренд на цифровизацию, о котором говорили с 2016 года, фактически исчерпал себя <...> сейчас фокус всецело направлен на искусственный интеллект (ИИ) как технологию общего назначения»³. Он постепенно находит свое применение даже в самых консервативных сферах.

Так, развитие искусственного интеллекта и внедрение отдельных его практик и процессов в сферу образования в последние годы стали приобретать повсеместный характер. Международные эксперты сходятся во мнении, что внедрение ИИ приведет к наиболее существенным трансформациям в индустриях, связанных с интеллектуальной деятельностью, к числу которых относится образование [2]. По мнению экспертов, российская сфера образования находится на раннем этапе внедрения технологий ИИ, однако она характеризуется высоким уровнем доступности информации о возможностях ИИ, реализуемых проектах и лучших практиках – как российских, так и зарубежных, а также высокой динамикой изменений [2, с. 66].

Согласно 12-му ежегодному отчёту серии «Инновационная педагогика» (Innovating Pedagogy) [3], подготовленному Открытым университетом Великобритании совместно с Вандербильтским университетом (США) ключевыми трендами в 2024 г. в образовании стали:

- обучение в диалоге с генеративным ИИ (образовательные чат-боты на основе генеративных нейросетей);
- создание мультимодальных проектов с помощью ИИ (предполагает замену традиционных письменных творческих заданий такими, в которых текст сочетается с контентом других модальностей: изображениями, видео, музыкой и другим аудио, а также с разной пространственной организацией объектов);

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ИПРЭ РАН по теме: «Новые условия и факторы социально-экологического развития регионов России в условиях цифровой трансформации экономики и общества» (№ Г.Р. 124012000100-7), (код – «FMGS-2024-0002»)

² Под ИИ понимают совокупность методов и технологий машинного обучения (ML) и методов продвинутой аналитики данных См.: [1]

³ Объединение английской аббревиатуры Artificial Intelligence — искусственный интеллект и Digital. См.: [1].

- умные (интерактивные электронные) учебники (в этом случае под искусственным интеллектом подразумеваются не только генеративные нейросети, но и аналитические системы);
- оценивание в расширенной (XR), т.е. виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности;
- иммерсивное обучение, включающее погружение в язык и культуру и изучение научных моделей изнутри. Первое из них базируется на использовании разнообразных видеоигр, в т. ч. и в VR-формате. Второе — инновация, основанная на XR-технологиях и ИИ-аналитике;
- педагогика мира и педагогика действий в ответ на климатические изменения (*не связаны с технологиями*).

Как можно видеть, большая часть поименованных позиций строится/использует ИИ.

Отечественные исследователи выделяют семь основных трендов влияния ИИ на образование [2, с.66-67]:

- 1) распространение технологий адаптивного обучения;
- 2) распространение геймификации на основе ИИ;
- 3) внедрение интеллектуальной робототехники в образовательные процессы;
- 4) включение изучения ИИ в образовательные программы;
- 5) использование ИИ в микро- и нанообучении в корпоративном образовании;
- 6) использование генеративного ИИ в образовании;
- 7) распространение ИИ на платформах массовых открытых онлайн курсов.

Отметим, что наиболее перспективным направлением использования ИИ в образовании считается анализ текстов.

Ключевым дивидендом внедрения ИИ в образовательный процесс безусловно является возможность улучшения доступности образовательной сферы и инклюзивности образовательной среды.

Факторами, способствующими проникновению ИИ в образование, также могут стать, при условии их реализации, следующие позиции [2, с.69-75]:

на уровне федеральных и региональных органов исполнительной власти в сфере образовательной политики:

- Реализация крупных инфраструктурных проектов, поддерживающих внедрение ИИ в системе государственного образования.
- Развитие государственного заказа в области образовательных ИИ-инноваций и поддержка отечественных бизнес-разработок.
- Стимулирование инновационной деятельности образовательных учреждений, связанной с использованием ИИ.
- Развитие образования в области ИИ за счет привлечения ИИ-специалистов и обучения действующих преподавателей новым навыкам.
- Проведение просветительских информационных кампаний по поддержке ИИ-инноваций в сфере образования.

на уровне образовательных учреждений:

- корректировка и модификация программ и методик преподавания в условиях трансформации образовательной среды;
- поддержка преподавателей, использующих ИИ-решения;
- внедрение в образовательный процесс технологий генеративного ИИ;
- активное институциональное взаимодействие с центрами компетенций в области использования ИИ в образовании и профильным бизнесом;
- создание новых программ обучения ИИ технологий с целью повышения масштабности и доступности обучения в данной предметной области.

Возвращаясь к вопросу цифровизации и цифровой трансформации образования, следует обозначить органическую связь этого процесса с современным рынком труда. *«Сегодня рынок труда может существовать не только локально, но и транслокально: происходит слияние локальных рынков труда. Рынок труда формируется в цифровом символическом пространстве»*. И это предопределяет важность формирования у обучающихся совокупности необходимых цифровых навыков. Динамика показателя, характеризующего развития цифровых навыков у студентов среднего профессионального и высшего образования представлена в таблице 1.

Соответственно данные об освоении навыков обучающимися интересно было бы соотнести с информацией относительно владения цифровыми навыками работниками, фактически занятыми в народнохозяйственном комплексе страны. Однако в официальной статистике доступны только сведения, касающиеся цифровых навыков населения в целом. Приведем их (таблица 2).

Сопоставление сведений, содержащихся в таблицах 1 и 2, демонстрирует однозначно позитивную динамику освоения цифровых навыков россиянами. В целом с течением времени по мере продвижения цифровизации и перехода ее на стадию цифровой трансформации эти навыки постепенно видоизменяются, а спектр их постепенно расширяется. Однако следует отметить, что набор навыков, присущих студентам/требуемых от студентов, несравненно шире перечня позиций, характеризующих навыки населения в целом (совпадающие позиции выделены *курсивом*): 21 вид навыков против 11. Представляется, что это косвенно указывает на определенную актуализацию подготовки студентов, а также ее перспективную направленность.

Ограничения, обуславливающие продвижение процессов цифровой трансформации и, в частности искусственного интеллекта, в сегменте «Образование» социальной сферы, могут быть принципиально сведены к четырем основным положениям [2, с.63]:

- 1) наличие цифрового разрыва или неравные возможности доступа населения (по критериям: город/сельская местность; богатые/бедные; возраст и др.) к цифровым ресурсам (в первую очередь, к Интернет-коммуникациям и Интернет-контенту);
- 2) нехватка квалифицированных специалистов и специальных компетенций у некоторых категорий работников для работы с ИИ-решениями (см. таблицы 1 и 2, а также комментарии к ним);
- 3) недоступность/сложность доступа к государственным большим данным;
- 4) разного рода (вполне обоснованные) опасения родителей по поводу использования ИИ в школьном образовании.

Таблица 1 – Цифровые навыки работы у студентов по уровню образовательных программ и типу населенных пунктов

	Среднее профессиональное образование						Высшее образование					
	Всего		Городская местность		Сельская местность		Всего		Городская местность		Сельская местность	
	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022
<i>навыки работы с программным обеспечением*</i>												
<i>Работа с текстовым редактором</i>	75	80	80	84	64	70	83	86	85	88	73	79
<i>Работа с электронными таблицами (фильтрация, сортировка, использование формул, создание диаграмм и др.)</i>	50	59	54	63	41	49	63	72	66	74	50	63
<i>Использование программ для редактирования фото-, видео- и аудиофайлов</i>	47	55	50	57	37	48	56	59	58	61	46	53
<i>Создание электронных презентаций с использованием специальных программ (PowerPoint и др.)</i>	39	44	42	47	31	38	46	53	48	55	37	44
<i>Использование инструмента копирования и вставки для дублирования или перемещения данных, информации или других материалов</i>	54	60	58	65	44	49	65	67	69	70	50	55
<i>Самостоятельное написание программного обеспечения с использованием языков программирования</i>	1	1	2	1	1	1	3	3	3	3	1	2
<i>коммуникационные навыки**</i>												
<i>Отправка или получение электронной почты</i>	58	58	62	62	46	48	72	71	75	73	58	60
<i>Телефонные звонки или видеоразговоры через сеть Интернет (используя Skype или другие приложения)</i>	86	93	87	94	82	90	90	94	91	94	86	92
<i>Общение с помощью систем мгновенного обмена сообщениями (WhatsApp, Telegram, Viber и др.)</i>	76	78	76	81	70	72	82	80	83	81	74	74
<i>Участие в социальных сетях (ВКонтакте, Одноклассники и др.)</i>	85	90	86	90	83	88	88	88	89	88	82	87
<i>Участие в онлайн-голосованиях, консультациях и формировании обращений по общественно-политическим вопросам (городского планирования и др.)</i>	2	9	2	9	1	8	4	13	4	14	3	11
<i>Публикация мнений по общественно-политическим проблемам через веб-сайты, участие в форумах</i>	5	4	2	4	5	2	11	6	11	7	10	5
<i>навыки работы с информацией</i>												
<i>Поиск информации о товарах и услугах**</i>	55	60	58	63	47	52	67	70	70	72	55	64
<i>Поиск информации, связанной со здоровьем или услугами в области здравоохранения**</i>	13	17	14	18	10	14	22	24	23	25	18	21

Окончание табл. 1

	Среднее профессиональное образование						Высшее образование					
	Всего		Городская местность		Сельская местность		Всего		Городская местность		Сельская местность	
	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022
Чтение онлайновых газет, журналов, книг**	15	23	17	25	11	17	26	31	28	33	18	22
<i>Проверка достоверности информации, найденной в сети Интернет (например, проверка источника информации, поиск на других сайтах, обсуждение онлайн или офлайн с другими людьми)*</i>	–	18	–	20	–	13	–	23	–	25	–	14
навыки решения задач												
<i>Поиск, загрузка, установка и настройка программного обеспечения*</i>	12	13	13	14	9	8	17	20	18	22	13	12
Навыки использования онлайн-сервисов: покупка товаров или услуг через интернет**	44	53	48	57	33	43	57	69	61	70	41	62
продажа товаров или услуг через интернет**	7	11	8	13	5	6	12	17	13	19	7	10
осуществление финансовых операций с помощью интернета (интернет-банкинг)**	46	57	49	59	41	51	63	69	66	71	50	61
дистанционное обучение**	44	31	47	33	37	24	50	37	53	39	35	26
поиск вакансий (используя сервисы hh.ru, Работа.ру, Superjob и др.)***	6	7	7	7	3	6	12	11	12	12	7	8
навыки цифровой безопасности***												
Создание безопасных паролей для защиты устройств, приложений или учетных записей от несанкционированного доступа	10	13	11	16	7	7	16	21	18	23	9	11
<i>Изменение настроек веб-браузера для отключения или запрета на сохранение файлов cookies, истории посещения сайтов, отслеживания местоположения</i>	7	10	8	12	5	6	12	16	13	18	8	9

* За последние 12 месяцев.

** За последние 3 месяца.

***Навыки из методики Евростата, которые измеряются за последние 12 месяцев.

Составлено на основе: [4, с. 106, 108, 110, 113, 116].

Таблица 2 - Цифровые навыки населения (в процентах от общей численности населения в возрасте 15 лет и старше*)

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
<i>Отправка электронной почты с прикрепленными файлами**</i>	—	—	—	—	36.8	39.7	42.2	62.2	64.8
<i>Работа с текстовым редактором</i>	38.1	38.8	41.5	41.7	41.1	40.4	40.4	38.4	42.3
<i>Копирование или перемещение файла или папки</i>	—	—	—	—	34.5	36.3	37.5	36.3	39.8
<i>Использование инструмента копирования и вставки в документе</i>	—	—	—	22.4	24.9	27.7	27.7	29.3	25.8
<i>Работа с электронными таблицами</i>	19.6	21.7	22.9	22.7	20.8	22.0	22.9	21.4	25.8
<i>Использование программ для редактирования фото-, видео- и аудиофайлов</i>	19.4	21.3	21.4	20.6	21.2	21.9	20.9	21.4	23.4
<i>Передача файлов между компьютером и периферийными устройствами</i>	23.8	27.6	29.0	27.4	31.1	31.0	27.3	26.1	22.7
<i>Подключение и установка новых устройств</i>	7.2	8.4	8.9	9.7	9.8	15.3	14.2	14.2	15.1
<i>Создание паролей для защиты устройств, приложений, учетных записей</i>	—	—	—	—	—	—	—	11.1	13.4
<i>Создание электронных презентаций с использованием специальных программ</i>	6.5	7.7	8.5	9.1	8.2	9.0	9.3	10.1	12.4
<i>Проверка достоверности информации, найденной в сети Интернет</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	12.3
<i>Изменение настроек доступа к учетным записям</i>	—	—	—	—	—	—	—	6.7	9.0
<i>Поиск, загрузка, установка и настройка программного обеспечения</i>	—	—	—	—	—	5.8	5.5	5.7	7.0
<i>Изменение настроек веб-браузера</i>								4.5	6.6
<i>Установка новой или переустановка операционной системы</i>	2.8	2.8	2.7	3.0	2.8	2.9	2.5	2.6	2.9
<i>Самостоятельное написание программного обеспечения</i>	1.1	1.0	1.0	1.2	1.1	1.2	0.7	0.9	1.0

* В 2014–2016 гг. – в возрасте 15–72 лет.

** С 2021 г. в связи с изменением методологии Росстата приводятся данные по отправке или получению электронной почты.

Источники: здесь и далее в статье – Росстат (10.1, 10.3, 10.5, 10.7), расчеты Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ по данным Росстата (10.2, 10.4, 10.6, 10.8).

Источник: [5, с. 152].

Еще одним важнейшим сегментом системы образования, который по сути воплощает в себе концепцию непрерывного образования и о котором нельзя не упомянуть, является корпоративное обучение. В этой связи приведем основные результаты совместного исследования Академии бизнеса Б1 и «Эксперт РА», посвященного корпоративному обучению¹.

– В текущих условиях важной задачей функции обучения является *повышение качества коммуникаций между сотрудниками*, так как от эффективности взаимодействия практически напрямую зависит продуктивность. В 2024 г. главными задачами выступают *цифровизация и работа с искусственным интеллектом*.

– В 2024 году ведущей темой в сфере образования станет *искусственный интеллект*. В число наиболее востребованных тем обучения также входит тематика *лидерства в условиях неопределенности и управление изменениями*.

– Установлено также, что поскольку многие виды бизнеса переходят от стадии адаптации (к режиму антироссийских экономических санкций) к стадии развития, то это увеличивает потребность в навыках, связанных с применением технологий *искусственного интеллекта, управлением эффективностью деятельности, цифровой трансформацией и стратегическим менеджментом*.

Говоря о системе образования как механизме обеспечения социально-экономического комплекса кадрами, следует учитывать основные перспективные направления технико-технологического развития этого комплекса. Особенно это важно в перспективном плане. В качестве ключевого направления развития в краткосрочном периоде эксперты называют экспансию искусственного интеллекта (ИИ). Отечественные хозяйствующие субъекты активно откликаются на эту тенденцию. Так, совместное исследование Сбербанка, Минэкономразвития России и Фонда «Общественное мнение» «Предприниматели России: исследовательский мониторинг» [7] показало, что 45% предпринимателей уже применяют искусственный интеллект в работе. По оценкам Минэкономразвития России, к 2030 г. ИИ будет внедрен в 95% отраслей. Повсеместно ИИ распространяется и в таком сегменте социальной сферы как образование. При этом влияние ИИ просматривается как минимум по двум векторам:

– извне: в русле изменение профессиональной конъюнктуры/ситуации на рынке труда и

– внутри системы образования: в русле трансформации образовательного процесса.

Так, по первому вектору следует отметить появление заявок на новые профессии, диктуемые массированным распространением ИИ: до 2030 г. заявлено появление таких профессий как ML-разработчики (занимаются анализом данных), AI-инженеры (могут интегрировать сложные современные модели во все многообразие бизнес и обучающих процессов), data-архитекторы, ИИ-исследователи (изучают рынок с целью поиска еще не использованных технологий и областей применения ИИ; промпт-инженеры (составляют текстовые запросы для нейросетей (от англ. prompt — подсказка); ИИ-тренеры (помогают обучать ИИ-модели) и целый ряд других. Предполагается, что

¹ В исследовании приняли участие более 100 сотрудников HR, L&D, а также руководители компаний. См.: [6].

это произойдет на фоне отмирания ряда профессий и специальностей, которые в значительной степени подвержены автоматизации: продавцов, рекрутеров, переводчиков, таксистов, дизайнеров, логистов и проч.

Кроме того, система образования должна быть готова удовлетворить возникающие потребности в переподготовке, поскольку практически каждая профессия будет подлежать трансформации в контексте актуальных технологий.

Второй вектор характеризуется применением ИИ для контроля и проверки выполнения заданий учащимися и студентами (в первую очередь, тестов), использованием чат-ботов на основе искусственного интеллекта в виртуальном образовательном пространстве и т.д.

Изложенное приводит нас к следующим выводам. Несмотря на то, что российская сфера образования находится на раннем этапе внедрения технологий ИИ, можно констатировать факт постепенного их внедрения в собственно систему образования, а также высокий потенциал ИИ в части укрепления связи между системой образования (сегментом «Образование» социальной сферы экономики регионов) и реальным сектором экономики.

Литература

1. АИджитализация как новая цифровизация [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fintechru.org/publications/aidzhitalizatsiya-kak-novaya-tsifrovizatsiya/>
2. Влияние искусственного интеллекта на образование. АНО «Цифровая экономика». 2024., 88 с. [Электронный ресурс]. URL: https://files.data-economy.ru/Docs/Vliyanie_i_i_na_obrazovanie_.pdf; Искусственный интеллект в образовании https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_в_образовании
3. Innovating Pedagogy 2024 <https://www.open.ac.uk/blogs/innovating/?p=829>; Что отнесли к трендам инновационной педагогики в 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://skillbox.ru/media/education/chto-otnesli-k-trendam-innovatsionnoy-pedagogiki-v-2024-godu/>
4. Индикаторы образования: 2024 : статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 416 с.
5. Индикаторы цифровой экономики: 2024 : статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; И60 Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 276 с.
6. Искусственный интеллект в образовании [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_в_образовании
7. Пополнение в команде: 45% предпринимателей уже используют искусственный интеллект в работе [Электронный ресурс]. URL: <https://sberbusiness.live/publications/popolnenie-v-komande-45-predprinimatelei-uzhe-ispolzuiut-iskusstvennyi-intellekt-v-rabote>

Шестакова Н. Н.,
Джанелидзе М. Г.,
Скворцова М. Б.

РОЛЬ И МЕСТО ПОЖИЛЫХ В ОБЩЕСТВЕ: ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕОРИИ СТАРЕНИЯ

Точной отсчета в плане привлечения внимания науки к социальным проблемам пожилых и старых людей и положению их в обществе принять считать период «Великой депрессии» 1929-1933 г. в США, одним из результатов которой стало обострение экономических и социально-психологических проблем старших поколений, которое среди прочего выразилось и в форме массовых «возрастных» движений.

Системно социальные проблемы старения начали разрабатываться относительно недавно: с середины 1950-х годов, что, собственно, и символизирует возникновение социальной геронтологии как науки. Именно этот период соответствует и началу проявления объективной тенденции демографического постарения населения в мире.

Увеличение продолжительности жизни ведет к расширению когорты пожилых поколений, состоящих из резко различающихся как по своему экономическому и семейному положению, так и по психическому и физическому статусу групп. При этом в процессе разного рода исследований, как правило, выделяют лишь страты, связанные с тем или иным видом стигматизации, ведущей к социальному исключению – человек попадает в разряд «уязвимых» по причине невозможности реализовать базовые права: право на труд, медицинское обслуживание, образование, жилье.

Первоначально феномены старости и старения исследовались в области медицины (и не в последнюю очередь, психиатрии), самыми «удобными» респондентами являлись стигматизированные, социально исключенные пожилые люди. Они состояли из представителей наиболее отягощенной по медицинским показателям части пожилых, поэтому обобщающие выводы о пожилой страте населения базировались отнюдь не на данных, полученных о здоровом, активном пожилом населении. Такой подход с медицинских позиций смещает акценты в рассмотрении процессов здорового старения с его естественного характера процесса на его болезненные проявления. Проблемы пожилого возраста стали рассматриваться как типично медицинские проблемы, представление о старости как болезни и немощи укоренилось в общественном сознании.

В период 1960-80 годов в социальной геронтологии формируется ряд методологических концепций старения, которые отражают позицию социального исключения пожилых <из общественной жизни>, отождествляющей понятия «старение» и «болезнь/болезни». Они рассматривают старение как девиацию, отклонение от нормы, соответственно помещая в фокус исследования институциональные возможности реализации прав теми или иными группами населения, но: не социально-экономические условия, определяющие качество их жизни [16].

Наибольшую известность среди них получила «теория освобождения от дел» или разобщения/разобществления (выдвинута Дж. Розеном и Б. Ньюгартереном (Rosen, Neugarteri), 1960 [8]; дополнена Э. Каммингом и У. Генри (Cumming, Henry), 1961-1962

[3]). В Советском союзе представлена работами М.Д. Александровой [10]. Эта теория исходит из факта естественного снижения работоспособности по мере увеличения возраста, ослабления здоровья пожилых, а также социально обусловленной передачи занимаемых ими постов и должностей более молодым, активным и адаптивным к современным условиям людям. Процесс освобождения от социальных ролей в трудовой и руководящей сферах сопровождается разобщением, разрывом между личностью и обществом, социальной эксклюзией пожилых и принятием ими статуса «доживающего поколения» [19].

«Теория модернизации» эксплуатирует тему изменения положения пожилых в обществе вследствие модернизации, технического прогресса. Считается, что в условиях модернизации производства накопленный пожилыми предшествующий опыт оказывается ненужным, не востребованным обществом.

«Теория распределения материальных средств» (Дж. Куйперс, В. Бенгстон (Kuypers & Bengston), 1973 [6]) и близкая к ней «теория возрастной стратификации» рассматривают отдельные возрастные группы в качестве особых социальных слоев, полагая, что некоторые из них обладают властью, влиянием и материальными средствами в большей степени, нежели другие. При этом первые стараются уклониться от оказания материальной помощи <юным> и пожилым, расценивая их исключительно как бесполезных иждивенцев.

К двум поименованным выше примыкает и «теория маргинальности», трактующая старость как состояние девиантности, а пожилых и старых людей как бесполезных членов общества, занимающих пассивную позицию. Поэтому трудоспособная и активная часть общества должна по отношению к ним занимать патерналистскую позицию.

А. Роузом (Rose, 1965 [7]) предложена «теория субкультуры», согласно которой люди легче переживают переход к старости, равно как и возрастную дискриминацию, если они приобщаются к своеобразной групповой культуре - «субкультуре пожилых».

Вообще, в теоретических работах, опубликованных до 1990-х годов, часто упоминается, что «общество неуважительно относится к старости. В последующие периоды на фоне изменений в условиях труда, жизни, развития медицины и науки, приведшей к увеличению средней продолжительности жизни и сокращению смертности, на международном уровне актуализировался вопрос преодоления изоляции, включения и социальной интеграции уязвимых групп населения в общество [18]. Соответственно, системный анализ проблем бедности, стигматизации, нетерпимости, дискриминации, а также ущемления прав тех или иных возрастных когорт привел к формированию парадигмы социальной включенности, подразумевающей социальную инклюзию, или процесс преодоления социальной изоляции, конечной целью которой является социальная интеграция индивида. Появились альтернативные, гораздо более позитивно оценивающие пожилых теории. Приведем некоторые из них.

«Теория развития и непрерывного жизненного пути» интерпретирует старость как процесс борьбы за сохранение привычного стиля жизни, накопленный собственный жизненный опыт, усвоенные роли и функции, привычки. Нормальное старение возможно лишь при разносторонней адаптации к новым условиям и сохранении прежнего положения сразу в нескольких областях деятельности.

Еще одна теория, «активная теория оптимального старения»/«теория активности» (Р. Хэвигхарст, Дж. Маддокс (Havighurst, Maddox), 1980 [5]), являющаяся, по нашему

мнению, наиболее прогрессивной и соответствующей реальной социально-экономической ситуации, основывается на использовании потенциала пожилых людей как людских ресурсов общества, человеческого его капитала, обладающего несомненной ценностью. Эта теория постулирует необходимость создания условий для практической реализации прав и законных интересов; обеспечения возможности самореализации и самовыражения пожилых граждан и вовлечения их в активную трудовую и общественную жизнь; дифференциации подходов к устранению проблем различных групп пожилых людей при условии учета влияния факторов социального риска.

В странах Запада в настоящее время набирает популярность и концепция успешного старения (Дж.Роуи и Р.Кан (Rowe & Kahn), 1987 [9]), которая определяет, как наилучшим образом должно протекать старение, используя современные достижения медицины и геронтологии. В соответствии с концепцией пожилые люди, которые «стареют успешно», прилагают известные усилия для поддержания мозговой активности беспрерывным обучением и расширением социальных контактов с людьми младшей возрастной группы.

В этом контексте любопытны результаты исследования, проведенного в конце 1990-х годов американскими учеными К. Эдвардсом и Дж. Ветслером [4]. Проверяя гипотезу относительно восприятия молодыми людьми угрозы в лице пожилых как носителей факторов, сопутствующих старению (немощь, слабость, возможная физическая несостоятельность), исследователи пришли к выводу, что эти тревожные чувства нивелируются, если молодые изначально воспринимают и осознают себя потенциальной частью когорты пожилых.

В последнее время получила развитие концепция «высвобождения ресурсов». Она направлена на активизацию внутреннего потенциала пожилых, традиционно находящегося под спудом социальных запретов, ограничений и стереотипов, следствием чего становится разрушение ими привычных социальных связей. Концепция поднимает вопрос о необходимости преодоления мифов и догм социального окружения, разрушении внешних и внутренних ограничений (соответственно, самих стереотипов и их усвоения человеком) и преобразовании таковых в возможности личности.

Разрабатывались также модель счастливой (успешной) старости (М. Балтес (Baltes M.M.) [1]), опирающаяся на идею замещения потерь в старости положительными процессами отбора, компенсации и оптимизации; и теория социально-эмоционального отбора (Л. Карстенсен (Carstensen L.L., 1993) [2]), устанавливающая связь процесса сокращения социальных контактов на протяжении жизни с изменениями в системе мотивации человека.

В обобщенном виде динамика расширения фокуса внимания основных концепций в сфере старения населения – по мере его либерализации – в общемировом дискурсе представлена в монографии Е.В.Васильевой и выглядит следующим образом: Теория активности (Поддержание социальной активности в пожилом возрасте) (1950) –> Теория непрерывности (Сохранение образа жизни в пожилом возрасте) (1960) –> Успешное старение (Предотвращение заболеваний, поддержание функциональных и когнитивных функций и участие в общественной жизни в пожилом возрасте) (1970) –> Продуктивное старение (Вовлечение в продуктивную деятельность в пожилом воз-

расте) (1980) → Здоровое старение (Развитие и поддержание функциональных способностей в пожилом возрасте) (1990) → Активное старение (Развитие и реализация потенциала физического, социального и психического благополучия для активного участия в жизни общества по мере старения) (2000) [11].

Таким образом, можно говорить о переходе научной мысли от концепции социального исключения (эксклюзии) пожилых к концепции их социальной инклюзии.

Национальные исследования в области старения населения располагают собственной историей. Отечественная фундаментальная наука обратилась к исследованию социальных проблем пожилых в конце 1950-х годов, когда в системе Академии наук СССР был создан специализированный Институт геронтологии (1959). Среди отечественных исследователей, посвятивших свои работы населению старших возрастных групп населения в начале 1970-х годов, следует в первую очередь указать, М.С. Бедного, Б.Ц. Урланица, И.В. Калинюк (изучение социально-демографического состава населения, продолжительности жизни различных поло-возрастных и социально-демографических групп, анализ динамики процесса старения населения); М.Я. Сонина (исследование перспектив вовлечения пенсионеров в общественное производство, разработка мер рационального и эффективного использования их труда); В.А. Ачаркана, А.Г. Соловьева (изучение социальных, экономических и правовых проблем обеспечения пожилых людей).

В конце 1970-х – начале 1980-х годов исследованию проблем пожилого населения были посвящены монографические исследования социальных геронтологов: М.Д. Александровой, Н.Н. Сачук, Д.Ф. Чеботарева.

В 80-е годы исследования в области социальной геронтологии дополняются социологическими исследованиями поведения пожилых людей, их социальной роли и функций в обществе, проблем досуга, общественной активности, их потребностей, установок, ценностных ориентаций, социального обеспечения, образа жизни, влияния социальной среды на процессы старения (А.В. Дмитриев, М.Я. Дыскин, А.П. Решетюк, В.Д. Шапиро, М.Я. Сонин).

Этап экономических, политических и социальных трансформаций 1990-х годов не только изменил подходы и ракурсы изучения социально-геронтологических проблем, но и на некоторое время прервал сам процесс фундаментальных исследований проблем населения старших возрастов.

С конца 1990-х годов этот процесс постепенно был восстановлен в новых социально-экономических условиях. Он реализован посредством издания фундаментальных трудов Р.С. Яцемирской и И.Г. Беленькой, Н.Ф. Шахматова, Е.И. Холостовой, П.Д. Павленка, а также работ геронтосоциологов В.П. Гордина, Т.З. Козловой, Т.К. Арефьевой (методологические основы социальной геронтологии; направления и формы социальной работы с пожилым населением; проблемы пенсионной реформы; самоопределения и социальной адаптации пенсионеров к новым условиям), коллектива авторов Томского политехнического университета. Среди ныне здравствующих и активно работающих в исследуемом направлении специалистов следует назвать также В.Г. Доброхлеб, О.В. Синявскую, Г.Л. Сафарову, Т.И. Сапожникову, И.А. Григорьеву, Е.В. Щанину и др. [12, 13, 14, 15].

Отдельно следует указать на «возвращение» проблем старших возрастов в тематическое пространство докторских исследований (М.Э. Елотина, 1999; С.В. Монастырова, 2005; Т.П. Ларионова, 2005, Е.В. Щанина, 2006; М.В. Субочев, 2009, М.С.

Ахметова, 2009; З.К. Алиева, 2009; С.В. Долбина, 2015, О.А. Парфенова, 2017; Гончарова Н.Л., 2022 и др.).

В новейшее время проблематика старения населения изучается такими исследователями как И.А. Григорьева, Л.А. Видясова, Е.В. Васильева и др. С течением времени в проблематике открываются и новые аспекты, связанные, в частности, с цифровизацией, внедрением инновационных технологий в различные сферы жизнедеятельности пожилых.

Сама идея обеспечения продолжительной и активной жизни россиян подспудно уже была заложена и в нормативно-правовые документы. Так, в 2016 г. принята Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в РФ (до 2025 года); разработан и реализуется Федеральный проект «Старшее поколение» («Программа системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения» в рамках Национального проекта «Демография»); на XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, 2020) была представлена Единая концепция активного долголетия (разработана на период до 2034 года). Однако в российском научном сообществе пока не возник широкий интерес к адаптации к отечественным условиям и продвижению идеи общества для всех возрастов. Исследования ведутся в рамках традиционных подходов: они фрагментарны, разрознены и зачастую привязаны к иным конкретным проблемам и/или событиям.

На современном этапе развития идея необходимости включения населения старших возрастов во все сферы жизнедеятельности общества на международном уровне оформлена в концепцию построения общества для всех возрастов. В нашей стране в определенном смысле параллель с ней может быть проведена в плане постановки вопроса относительно продвижения идеи *продолжительной и активной жизни* [17].

В этой связи следует иметь в виду, что категория «продолжительная и активная жизнь» в научной сфере является принципиально новой, границы ее – даже в первом приближении не определены [17]. И соответственно обозначенная категория может смешиваться с такими смежными понятиями как «успешное старение», «активное старение», «активное долголетие» и проч. Очевидно, это происходит потому, что до настоящего момента не разработан понятийный аппарат категории «продолжительная и активная жизнь», исследования ведутся достаточно интуитивно и спонтанно, зачастую в это понятие вносятся результаты, полученные применительно к иным категориям, а также в различных отраслях знания.

Немаловажным моментом является также и изменение социально-демографического состава и структуры самой когорты пожилых (увеличение абсолютной и относительной их численности в составе населения; внутренняя дифференциация представителей когорты; повышение интеллектуальной и физической сохранности граждан старших возрастов; принципиальное изменение характера труда работников, включая и работников старших возрастов; и проч.).

Изложенное предполагает, как минимум два вывода.

– О необходимости формализации категории «продолжительная и активная жизнь» и создании стройной системы его атрибутов (принципов, факторов, ограничений, механизмов его формирования, функционирования и развития и проч.).

– О необходимости обособления категории в ряду близких, смежных и аналогичных, а также установлении взаимосвязей между этими категориями.

Литература

- 1.Baltes, M.M. & Carstensen, L.L. The process of successful aging. Aging and Society (in Druck). 1996.
- 2.Carstensen, L.L. Motivation of social contact across the life-span [Text] / L.L. Carstensen. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1993. – P. 209-254.
- 3.Cumming E., Henry W.E. Growing Old. New York, 1962, 456 p.
- 4.Edwards, K. Too young to be old: The roles of self-threat and psychological distancing in social categorization of the elderly [Text] / K. Edwards, J. Wetzler // Journal of Language & Social Psychology. — 1998. — № 12 (3). — P. 207-223.
- 5.Havighurst R.J., Ruth E. Albrecht. Older people, N.Y., Amo Press, 1980, 333 p.
- 6.Kuypers, J. A., Bengtson V. L. Social Breakdown and Competence: A Model of Normal Aging. Human Development 16: 1973, p.181-201.
- 7.Rose, A.M. (1965). The subculture of aging, a topic for sociological research. In A.M. Rose & W.A. Peterson (Eds.), Older people and their social world. Philadelphia, PA: Dvid Company
- 8.Rosen J., Neugarten B.L. Ego Functions In Middle And Later Years: A Thematic Apperception Study Of Normal Adults // Journal of Gerontology. 1960. V5. P. 62-70.
- 9.Rowe, J.D., Kahn, R.L. Human ageing: Usual and successful. 1987, p. 143-149.
10. Александрова, М.Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии [Текст] / М.Д. Александрова. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. - 136 с.
11. Васильева Е.В. Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России / под ред. Ю.Г. Лавриковой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. 190 с.
12. Видясова Л.А., Григорьева И.А. Предметное поле исследований активного/отложенного старения: результаты научометрического анализа и картирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16, № 1. С. 4-26. DOI: 10.21638/spbu12.2023.101
13. Дорохлеб В.Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социологические исследования, 2008, №8, с. 55-61;
14. Сафарова Г. Л. Демографические аспекты старения населения России // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 110-123;
15. Сафарова Г. Л. Демография старения: современное состояние и приоритетные направления исследования // Успехи геронтологии. 2009. Т. 22, № 1. С. 49 - 59.
16. Шестакова Н. Н., Скворцова М.Б. Потребность в долговременном родственном (семейном) уходе за пожилыми в Санкт-Петербурге: экспертная оценка // Социальная работа: теория, методы, практика: научно-методический сборник. 2020. Вып. 2: Реализация комплексной системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста в учреждениях социального обслуживания населения Санкт-Петербурга. С. 34-53.
17. Шестакова Н.Н., Джанелидзе М.Г., Скворцова М.Б. Перспективы построения в России общества для всех возрастов: подходы к исследованию // Вестник образования и развития науки РАН. 2-21. № 25 (2). С. 57-70.

18. Шестакова Н.Н., Скворцова М.Б. Жестокое обращение с пожилыми в контексте долговременного ухода за ними // Социальная работа: теория, методы, практика: научно-методический сборник. 2020. Вып. 2: Реализация комплексной системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста в учреждениях социального обслуживания населения Санкт-Петербурга. С. 65-76.
19. Шестакова Н.Н., Чистякова Н.Е., Скворцова М.Б. Человеческий капитал старших поколений в современном российском обществе : монография / под ред. к. т. н. Н.Н. Шестаковой. ИПРЭ РАН. – СПб. : СПбГЭУ, 2018. – 302 с.

УДК 332.1

DOI: 10.52897/978-5-7937-2883-6-2025-148-152

*Шестаков А. А.,
Бурылов В. С.*

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

Состояние региональных рынков промышленной продукции служит важным индикатором здоровья всей национальной экономики. В период 2023–2025 годов именно промышленный сектор столкнулся с наиболее серьезными вызовами, вызванными глобальными экономическими потрясениями, перестройкой цепочек поставок и ускоренной цифровой трансформацией. Эта отрасль, исторически являвшаяся основой занятости и источником налоговых доходов в регионах, переживает переломный момент [1, 2, 8].

Несмотря на мощное давление внешних факторов, промышленность сохраняет стратегическое значение. Она по-прежнему критически важна для пространственного развития страны: формирует локальные рынки труда, стимулирует модернизацию транспортной и энергетической инфраструктуры, обеспечивает стабильность региональных бюджетов.

Однако нарастающая фрагментация региональных промышленных рынков стала следствием значительных диспропорций в развитии обрабатывающих и добывающих секторов, неоднородности институциональных условий и логистических уязвимостей. Эта ситуация требует разработки новых механизмов регулирования и пересмотра ролей государства и бизнеса в поддержке промышленного потенциала.

Целью исследования является выявление ключевых тенденций, проблем и перспектив развития региональных промышленных рынков России с учетом влияния внешних и внутренних факторов. Объект исследования – региональные рынки промышленной продукции России, представляющие собой важный сегмент национальной экономики, ответственный за производство товаров, обеспечение занятости и формирование доходов регионов. Предмет исследования охватывает социально-экономические процессы, формирующие эти рынки: структурные сдвиги в промышленности, адаптацию предприятий к меняющимся условиям, внедрение цифровых технологий и особенности промышленной политики на различных уровнях управления.

Методология исследования включает сравнительный анализ региональной статистики, системный подход к выявлению факторов рыночных трансформаций и элементы институци-

онального анализа для оценки роли государственных и корпоративных структур в регулировании промышленности. Такой комплексный подход позволяет получить многогранное представление о специфике функционирования региональных промышленных рынков.

Теоретико-методологические основы исследования. Понимание функционирования промышленных рынков требует рассмотрения через три взаимодополняющие теоретические перспективы.

Классическая рыночная теория, фокусирующаяся на равновесных ценах под воздействием спроса и предложения, оказывается недостаточной для промышленного сектора. Она не учитывает его специфику: длительные сроки окупаемости инвестиций, высокую капиталоемкость и значительные барьеры для входа новых игроков [4,7].

Региональный подход рассматривает рынок как пространственную систему, где решающее значение приобретают транспортные издержки, доступность квалифицированной рабочей силы, а также развитость энергетической и производственной инфраструктуры. Концентрация ресурсов создает агломерационные преимущества для одних территорий, одновременно формируя барьеры для развития других.

Институциональная теория подчеркивает, что промышленный рынок не существует вне системы формальных и неформальных правил. Ключевое влияние на него оказывают механизмы государственного заказа, особенности налоговой политики, доступность кредитных ресурсов и меры поддержки инновационной деятельности.

Методология данного исследования основана на синтезе этих подходов. Такой синтез дает возможность не только описывать статистические данные, но и интерпретировать наблюдаемые процессы через призму реально действующих экономических механизмов и институтов.

Современное состояние региональных рынков. Период последних трех лет стал для российской промышленности временем сложной структурной перестройки, отразившейся на региональных рынках по-разному (табл. 1).

Центральный федеральный округ сохранил лидирующие позиции, опираясь на мощное машиностроение, химическую промышленность и значительные объемы оборонного заказа. Этот регион выделяется активным внедрением цифровых платформ в производство, развитием логистических возможностей и концентрацией кадров высокой квалификации [6].

Приволжский федеральный округ продемонстрировал устойчивость благодаря диверсификации отраслей – от автомобилестроения и нефтехимии до легкой промышленности. Важным фактором стабильности выступило наличие развитого аграрного сектора, обеспечивающего внутренний спрос на промышленную продукцию.

Уральский регион, исторически специализирующийся на металлургии и добыче полезных ископаемых, ответил на новые вызовы ускоренным переходом к выпуску продукции с высокой добавленной стоимостью. Эта стратегия позволила предприятиям Урала удержать конкурентные позиции на межрегиональном уровне.

Сибирь и Дальний Восток получили стимул к развитию за счет интенсификации экономических связей со странами Азии. Однако их полноценной интеграции в общего-государственную производственную систему по-прежнему препятствуют слаборазвитая инфраструктура и связанная с этим высокая себестоимость продукции [11].

Таблица 1 – Условные показатели региональных промышленных рынков России, 2023–2024 гг.

Федераль- ный округ	Доля про- мышленно- сти в ВРП, %	Индекс про- изводства (к 2022 г.), %	Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	Доля цифро- вых решений в производ- стве, %	Средний уровень за- грузки мощ- ностей, %
Центральный	31,8	107,5	1420	64	78
Северо- Западный	27,2	102,1	850	59	74
Южный	22,5	110,4	670	47	70
Приволжский	34,1	105,3	1180	53	76
Уральский	41,7	106,2	990	51	81
Сибирский	28,4	103	710	46	73
Дальневосточ- ный	20,9	108,7	550	43	68

Северо-Западный федеральный округ пережил этап вынужденной переориентации. Сокращение традиционных экспортных направлений побудило предприятия активнее осваивать рынки внутри страны, сделав приоритетными такие отрасли, как судостроение, деревообработка и энергетическое машиностроение.

Основные факторы формирования рынков. Эволюция региональных промышленных рынков в указанный период определялась комплексом взаимосвязанных факторов.

Существенно изменилась структура спроса, где ведущую роль стали играть государственные заказы на оборонную продукцию и масштабные инфраструктурные проекты. Ограниченный доступ к импортному оборудованию стимулировал развитие кооперационных связей внутри страны и поиск альтернативных поставщиков среди дружественных государств.

Цифровая трансформация охватила производственные процессы, позволив предприятиям сокращать издержки и повышать прозрачность контроля на всех стадиях цикла. Параллельно наблюдалась активизация инвестиционной деятельности как бизнеса, так и региональных властей, направленной на создание индустриальных парков и инновационных кластеров.

Именно сочетание этих факторов определило основные векторы развития локальных рынков и выявило наиболее перспективные рыночные ниши.

Цифровизация и инновации. Цифровизация в промышленности перешла в последние два года из стадии отдельных пилотных проектов в фазу массового внедрения. Широкое распространение получили технологии цифровых двойников, автоматизированные системы управления производством и учета ресурсов. Их применение не только снизило операционные затраты, но и значительно повысило управляемость сложных логистических цепочек.

Знаковым нововведением стало создание корпоративных маркетплейсов. Эти плат-

формы предоставили предприятиям возможность напрямую предлагать продукцию межрегиональным заказчикам, расширяя каналы сбыта и снижая зависимость от устаревших схем торговли и закупок.

Новые технологии, такие как аддитивное производство и использование материалов с улучшенными характеристиками, активно внедряются в авиастроении, энергетике и производстве медицинской техники. В регионах, где власти целенаправленно развивают инновационную инфраструктуру (технопарки, инжиниринговые центры), сформировались новые точки промышленного роста [8].

Проблемы и вызовы. Несмотря на позитивные изменения, промышленные рынки сталкиваются с рядом серьезных вызовов.

Наиболее остро проявляется инфраструктурное неравенство. Предприятия восточных регионов, в отличие от европейской части России с ее развитой транспортной сетью, несут высокие издержки на перевозки, что подрывает их конкурентоспособность.

Кадровый дефицит превратился в критическую проблему. Промышленность испытывает острую нехватку специалистов в ключевых областях: робототехнике, энергетике, цифровых системах. Система подготовки кадров отстает от быстрорастущего спроса на такие компетенции.

Рост производственных издержек, опережающий рост доходов предприятий, создает серьезные трудности, особенно для малого и среднего бизнеса. Эти компании часто лишены доступа к льготному финансированию и крупным государственным заказам, усугубляя их положение. Нестабильность институциональной среды подрывает инвестиционную привлекательность. Частые изменения регулирования, сложности с сертификацией продукции и бюрократические барьеры снижают стимулы для вложений в промышленность.

Перспективы регулирования. Учет выявленных проблем определяет ключевую задачу на ближайшую перспективу: формирование более сбалансированной системы государственного и регионального регулирования промышленных рынков.

Приоритетными направлениями видится:

- расширение возможностей малых и средних предприятий для участия в госзакупках;
- сокращение инфраструктурного разрыва между регионами, особенно в транспортной и энергетической сферах;
- стимулирование цифровой трансформации через целевые налоговые льготы и грантовую поддержку;
- усиление инвестиций в подготовку квалифицированных кадров и развитие региональных инженерных школ.

Успех зависит от построения эффективной многоуровневой модели регулирования. В ней федеральный центр задает стратегические рамки, а региональные власти фокусируются на создании благоприятных условий для реализации локальных инициатив бизнеса.

Выводы. Период последних трех лет вновь подтвердил ключевую роль промышленности как для регионального развития, так и для национальной экономики России в целом. Региональные промышленные рынки стали основной ареной адаптации к внешним вызовам и поиска новых траекторий роста [1,2,5].

Их будущая устойчивость и способность выполнять стратегическую функцию основы экономического роста и технологического обновления страны напрямую зависят от:

1. сбалансированности интересов государства и бизнеса;
2. эффективности интеграции инноваций и цифровых технологий в производство.
3. сокращения территориальных диспропорций в развитии последовательности и комплексности реализуемой промышленной политики.

Литература

1. Акбердина В. В., Романова О. А. Региональные аспекты индустриального развития: обзор подходов к формированию приоритетов и механизмов регулирования // Экономика региона. – 2021. – Т. 17. – №. 3. – С. 714-736.
2. Балашова Р. И., Квартина А. И., Гребенкова Е. А. Теоретико-методические основы регионального функционирования и развития промышленности // Вестник Института экономических исследований. – 2023. – №. 2 (30). – С. 154-163.
3. Васильева З. А. и др. Выбор приоритетных товарных групп промышленной продукции для формирования экспортного потенциала региона // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17. – №. 9. – С. 3231-3252.
4. Гагарина Г. Ю., Сорокина Н. Ю., Чайникова Л. Н. Промышленные кластеры в России: старые проблемы и новые вызовы // Вестник Российского экономического университета им. ГВ Плеханова. – 2021. – Т. 18. – №. 4 (118). – С. 78-85.
5. Дорошенко Ю. А., Старикова М. С., Ряпухина В. Н. Выявление моделей индустриально-инновационного развития региональных экономических систем // Экономика региона. – 2022. – Т. 18. – №. 1. – С. 78-91.
6. Заступов А. В. Развитие промышленных кластеров через формирование цифровых инноваций // Бизнес. Образование. Право. – 2021. – №. 1. – С. 153-158.
7. Луковникова Н. С. О роли развития промышленности и территориального планирования регионов России // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2021. – №. 3 (38). – С. 74-81.
8. Рассанова О. Е., Лаврентьев А. В., Федорова А. С. Актуальные аспекты формирования и реализации региональной промышленной политики // Вестник Российского университета кооперации. – 2022. – №. 2 (48). – С. 67-72.
9. Тутыгин А. Г., Чижова Л. А., Урыков В. А. Промышленная политика и трансформация потребительского рынка арктических регионов России // Арктика и Север. – 2022. – №. 48. – С. 75-90.
10. Шестакова Е. В., Ситжакова А. М., Прытков Р. М. Проблемы и перспективы развития промышленных предприятий региона // Научный результат. Экономические исследования. – 2023. – Т. 9. – №. 1. – С. 80-92.
11. Юрова П. Н. и др. Кластеризация региональной экономики: проблемы финансирования и мониторинга деятельности региональных кластеров // Journal of Economics. – 2022. – Т. 12. – №. 7.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ РЫНКА ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ¹

Началом современного этапа развития национальной цифровой экономики можно считать появление российского Интернета и поисковой системы в 1994-1995 гг. На границе веков (в 1999 г.) по инициативе Государственного комитета Российской Федерации по связи и информатизации и Комитета Государственной Думы по информационной политике и связи была разработана Концепция формирования информационного общества, в которой определялись условия и приоритеты построения данного общества в России. Уже на этом этапе декларировалось взаимосвязь информационного развития с процессами устойчивого развития: «переход к информационному обществу полностью отвечает концепции устойчивого развития – формированию экономики, основанной на знаниях, а не на расширяющемся потреблении природных ресурсов, сокращению отходов производства, решению экологических проблем, приобщению к благам техногенной цивилизации» [1].

Расширение рынка информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в начале XX века происходило на основе иностранных комплектующих и технологий. Значительное отставание развития данной сферы по сравнению с западными странами проявлялось в отсутствии в России рынка технологий, развитой инфраструктуры и законодательного регулирования данной сферы, слабой заинтересованности стейкхолдеров в использовании цифровых технологий в экономической деятельности.

Стратегия развития информационного общества (2008) [2] в качестве цели формирования информационного общества декларирует повышение качества жизни граждан и обеспечение конкурентоспособности России на основе использования ИКТ во всех сферах жизнедеятельности человека, включая: формирование информационной и телекоммуникационной инфраструктуры и доступность данных ИТ технологий для бизнеса и населения, развитие экономических и социальных отраслей, сферы государственного управления с использованием ИКТ, обеспечение научно-технического и кадрового потенциала развития сферы ИКТ, обеспечение национальной безопасности в сферах использования ИКТ. Тем самым ИКТ признается «локомотивом социально-экономического развития», требующим целенаправленного усилия «органов государственной власти, бизнеса и гражданского общества» [2].

Санкционное давление 2014 года показало глубокую зависимость отрасли ИТ от западных технологий, остро возникли проблемы быстрой замены импортных комплектующих для отечественного производства и осуществления ремонтных работ, несовместимость с иностранными программным обеспечением и т.п. Санкции 2022 г. пока-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ИПРЭ РАН по теме: «Новые условия и факторы социально-экологического развития регионов России в условиях цифровой трансформации экономики и общества» (№ Г.Р. 124012000100-7), (код – «FMGS-2024-0002»).

зали необходимость цифрового суверенитета как фактора устойчивого развития государства и национальной безопасности в условиях геополитической турбулентности.

Под цифровым суверенитетом понимается способность государства самостоятельно определять и контролировать свою цифровую инфраструктуру, данные и информационные потоки. Основными условиями цифрового суверенитета являются: контроль за данными; независимость от иностранных технологий, защита критической инфраструктуры (цифровые системы и ресурсы, обеспечивающие устойчивое развитие бизнеса и общества). Сегодня цифровые технологии проникли во все социально-экономические сферы, и определяют уровень развития и конкурентоспособность государства.

Кадровое наполнение сфер деятельности, связанных с ИКТ, определяет качество и перспективы цифровых преобразований, в свою очередь, потребность в кадрах, обладающих определенными количественными и качественными характеристиками, формируется на основе цифровых трансформаций.

Значимость кадрового потенциала в реализации целей и задач развития цифровой экономики закреплена в программе «Цифровая экономика РФ» [3], включающей два федеральных проекта, которые относятся к занятости населения в цифровой экономике: 1. «Кадры для цифровой экономики» (введен с 2019 г.) и 2. «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли» (с 2022 г.).

Обозначенные в проектах цели предполагают: 1) обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики; 2) создание возможностей для формирования цифровых компетенций, востребованных рынком труда.

Национальный проект «Кадры для цифровой экономики» направлен на представление дополнительного ИТ-образования (проект «Цифровые профессии»), обучение безопасной работе с цифровыми технологиями (проект «Готов к цифре»), освоение новых цифровых компетенций (проект «СДО»), поддержку научно-технических проектов молодых исследователей (программа «Умник»). Национальный проект «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли» помогает студентам вузов приобретать дополнительную цифровую квалификацию, необходимую в рамках основной профессии (программа «Приоритет-2030» и проект «Цифровые кафедры»).

В научном мире ведутся дискуссии о влиянии цифровизации на занятость посредством сокращения традиционных рабочих мест, влекущего за собой рост безработицы. Представляется, что в условиях многофакторной конъюнктуры рынка труда [4, с.117], стремительного цифрового развития, появления и выхода на рынок новых технологий и продуктов, кастомизации дистанционных сервисов, серьезных демографических проблем, при невысоком уровне жизни населения, усилия специалистов необходимо направить на нивелирование рисков, связанных с процессами адаптации экономики и общества к новым моделям развития, в том числе и на процессы переподготовки и перераспределения кадров между сферами экономической деятельности.

На данном этапе развития цифровой экономики на рынок труда и сферу занятости в сфере ИКТ наиболее сильное влияние оказывают такие элементы цифровой трансформации, как: структура ИТ-технологий, структура и перспективы развития кадрового потенциала сферы ИКТ, цифровая зрелость экономики и общества, отраслевая структура экономики и уровень цифровой восприимчивости отраслей.

Разнообразие элементов цифровой трансформации в отраслях предполагает наличие как общих, универсальных цифровых навыков у специалистов, так и набора специфических компетенций, характерных для отдельных технологий. Для сравнения представим наборы технологий 1) промышленности и 2) сельского хозяйства:

1) индустрия 4.0; цифровые, умные, виртуальные фабрики; интернет вещей (IoT); компьютерное моделирование; виртуальные испытания; цифровые двойники; киберфизические системы; цифровые платформы; предиктивное обслуживание; промышленные аватары; аддитивные технологии;

2) точное земледелие; БПЛА; сенсоры; роботизация; электронные карты полей; беспилотная сельхозтехника; умная ферма; шеринг сельхозтехники; Farming-as-a-Service; Urban Farming.

Готовность специалистов к использованию цифровых технологий является одним из определяющих факторов цифровой трансформации. Ограничения реализации цифровых технологий по отраслям в результате недостаточного уровня развития кадрового потенциала представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Кадровые ограничения реализации цифровых технологий по отраслям (% от числа организаций, использующих или планирующих использовать цифровые технологии)

	Сельское хозяйство	Добыча	Производство	Энергетика	ЖКХ	Строительство	Торговля	Транспорт	Телеком и ИТ	Финансы
Нехватка цифровых компетенций у сотрудников	33.6	33.9	31.9	36.8	35.6	29.8	37.5	42.7	22.0	13.9
Нехватка специалистов для обучения сотрудников работе с цифровыми технологиями	29.6	19.8	27.0	28.3	26.0	31.4	32.7	32.2	17.5	15.6
Нехватка руководителей цифровой трансформации	23.0	13.0	21.1	18.4	20.5	24.5	28.5	27.3	13.6	20.1
Низкая готовность контрагентов к использованию цифровых технологий	16.4	24.0	18.9	18.9	19.2	24.5	32.0	27.8	28.1	22.2

Источник: [5, с.10].¹

Наименее подготовленными к цифровой трансформации отраслями представляются торговля и транспорт, работникам не хватает цифровых компетенций в 40% организаций данных отраслей, отсутствуют лидеры по руководству внедрением цифровых инноваций в 28% организаций, кроме этого, более, чем в 30% организаций этих отраслей отсутствует резерв специалистов для повышения цифровой квалификации. В наибольшей степени к цифровой трансформации подготовлены кадры в финансовом секторе и в сфере ИКТ.

¹ Представлены результаты обследования более 4 тыс. организаций из 10 отраслей экономики, проведенного в июне — июле 2023 г.

Отметим, что низкая готовность контрагентов к использованию цифровых технологий может стать фактором демотивации сотрудников к цифровому совершенствованию своих навыков и компетенций, в то время как стремительная трансформация ИТ-сфера последних лет требует от специалистов приобретения новых профессиональных навыков и компетенций.

Как показывает практика, возможна ситуация, когда кадровое обеспечение цифровой экономики связано с несколькими вызовами [6]: отсутствием финансовой возможности для индивида в получении ИТ-специальности; слабой востребованностью ИТ-специалистов; низкой мотивацией для развития цифровых компетенций.

Для Псковской области, например, характерно недостаточное количество специалистов ИТ-сферы на фоне не отвечающей требованиям цифровой экономики системы образования, отсутствии цифровых компетенций и эффективной системы подготовки и переподготовки государственных служащих, а также недостаточной информированности граждан о возможностях повышения квалификация в сфере ИКТ.

В качестве мер по подготовке и переподготовке специалистов ИТ-сферы следует предложить следующие меры:

1. расширение количества учебных мест по ИТ-специальностям в системе ВПО и СПО;
2. обеспечение каналов обратной связи с компаниями-работодателями по поводу специализации и качеству подготовки, обучение перспективным направлениям ИКТ по запросу работодателей;
3. повышение качества образования по ИКТ специальностям в СПО и ВПО в соответствии с требованиями социальной и экономической сфер;
4. стандартизация образовательных программ по ИТ-специальностям;
5. создание разнообразной системы подготовки и самоподготовки по цифровым специальностям с использованием современных информационных технологий;
6. привлечение к образовательному процессу по цифровым технологиям учебных и преподавателей-практиков ИТ-сферы (включая программы обмена, «двойных дипломов» и т.п.).

Следующим существенным элементом цифровой трансформации является кадровый потенциал сферы ИКТ.

Сектор ИКТ — совокупность видов экономической деятельности, связанных с производством продукции, предназначеннной для выполнения функции (или позволяющей выполнять эту функцию) обработки информации и коммуникации с использованием электронных средств, включая передачу и отображение информации.

Согласно классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029-2014 (КДЕС РЕД. 2) [7] выделяется следующая группировка сектора ИКТ:

Производство:

- элементов электронной аппаратуры и печатных схем (плат) (26.1);
- компьютеров и периферийного оборудования (26.20);
- коммуникационного оборудования (26.30);
- бытовой электроники (26.40);
- незаписанных магнитных и оптических технических носителей информации (26.80).

Торговля оптовая:

- компьютеры, периферийные устройства к компьютерам и программным обеспечениям (46.51);
- электронное и телекоммуникационное оборудование (46.52).

Издание программного обеспечения (58.2).

Деятельность в области:

- связи на базе проводных технологий (61.10);
- связи на базе беспроводных технологий (61.20);
- спутниковой связи (61.00);
- телекоммуникаций прочая (61.90);

Деятельность в области ИТ:

- разработка компьютерного программного обеспечения (62.01);
- консультативная деятельность и работы в области компьютерных технологий (62.02);
- деятельность по управлению компьютерным оборудованием (62.03);
- деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий, прочая (62.09);
- деятельность по обработке данных, предоставление услуг по размещению информации и связанная с этим деятельность (63.11);
- деятельность web-порталов (63.12).

Деятельность по ремонту:

- компьютеров и периферийного компьютерного оборудования (95.11);
- коммуникационного оборудования (95.12).

Особенностью рынка труда в сфере ИКТ является наличие двух групп специалистов: первая группа специалистов определяет кадровый состав данной отрасли и выполняют функции, связанные непосредственно с разработкой, эксплуатацией и обслуживанием ИКТ (далее – «Специалисты по ИКТ»); специалисты другой группы используют ИКТ в рамках своих профессиональных и должностных функций (далее – «Другие специалисты») [7].

Относительное и абсолютное соотношение данных групп специалистов представлено на рисунке 1

В целом увеличение численности «специалистов по ИКТ» свидетельствует о развитии данной сферы деятельности, однако, структура данной группы дифференцирована как по видам профессиональной деятельности, так и по уровню квалификации, следовательно, необходимо более детальное исследование в разрезе профессиональных групп. Численность группы «других специалистов» в 2022 г. снизилась на 2,8 п.п., таким образом, уменьшив соотношение между группами с 4,2 раз до 3,5 раз. Снижение численности сотрудников, использующих ИКТ в рамках своей профессиональной деятельности, в условиях стратегии цифровизации не может рассматриваться как положительная тенденция, исключение могут составить лишь отдельные сферы деятельности, в которых инновации ИТ позволили существенно увеличить производительность труда и высвободить часть работников.

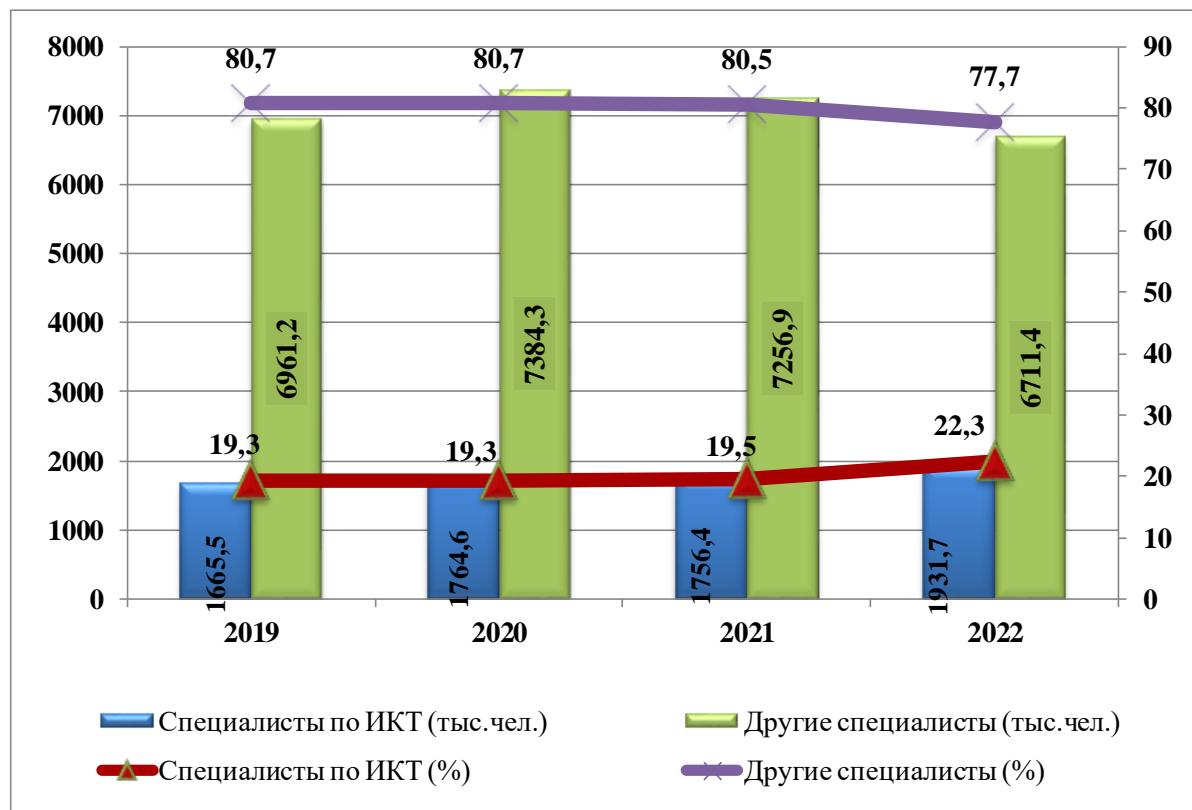

Рисунок 1 – Структура занятых в профессиях, связанных с интенсивным использованием ИКТ, по группам занятых в России

Источник: [8, с. 137-138].

Исследование динамики численности по профессиональным группам дает возможность оценить уровень удовлетворения потребности экономики в специалистах определенного уровня квалификации, определить уровень соответствия численности данных групп специалистов потребности, существующей в экономике, рисунок 2 позволяет проанализировать динамику специалистов профессиональных групп в ИКТ-отрасли и других сферах экономики.

В ИКТ сфере за период 2019-2022 гг. наблюдался рост численности специалистов среднего специального образования (СПО): наибольший рост численности произошел в группе монтажников и ремонтников оборудования (на 43%), в группах техников по эксплуатации ИКТ, техников по телекоммуникациям и радиовещанию и техников-электроников увеличение численности составило 12-15%. Использование специалистов ИКТ со средним профессиональным уровнем позволяет подготовить необходимых специалистов с меньшими финансовыми и временными затратами и удовлетворить отраслевую потребность в кадрах.

Прирост численности в группе высококвалифицированных специалистов по базам данных и сетям на 32% свидетельствует о высоком спросе на рынке ИКТ данных профессиональных групп и о заинтересованности соискателей в трудоустройстве на данные рабочие места. В то же время, несмотря на увеличение численности разработчиков и аналитиков программного обеспечения (ПО) и приложений за четырехлетний период около 13%, за 2022 г. доля данных специалистов уменьшилась на 5% (воз-

можно, это связано с волной послепандемийной миграции). Очевидно, что специалисты такого уровня играют определяющую роль в санкционном противостоянии и достижении цели цифрового суверенитета.

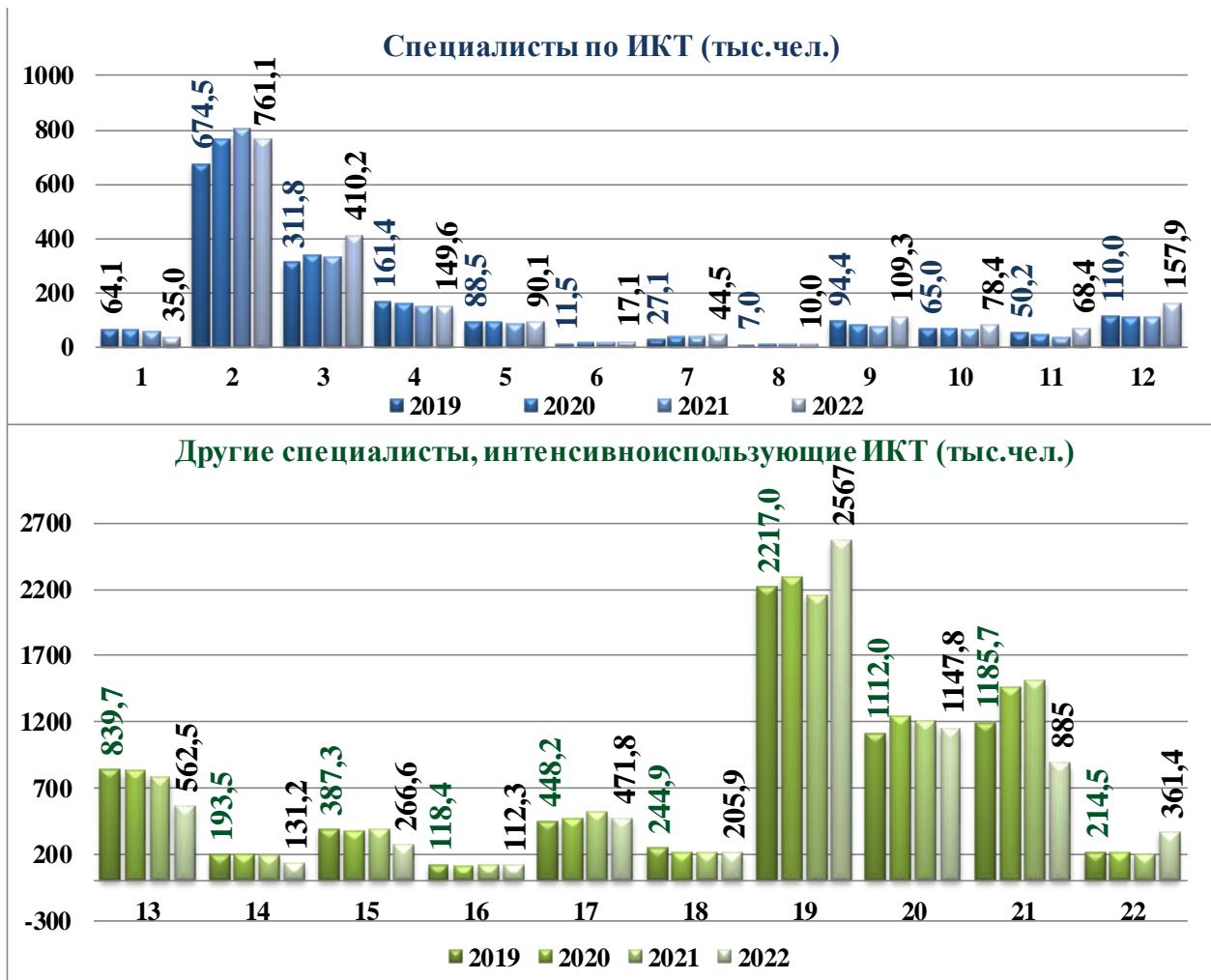

Рисунок 2 – Динамика численности занятых в профессиях, связанных с интенсивным использованием ИКТ по группам занятий в 2019-2022 гг. в России

Обозначения: 1 - Руководители служб и подразделений в сфере ИКТ; 2 - Разработчики и аналитики программного обеспечения и приложений; 3 - Специалисты по базам данных и сетям; 4 - Инженеры-электроники; 5 - Инженеры по телекоммуникациям и радиовещанию; 6 - Специалисты по сбыту ИКТ; 7 - Графические и мультимедийные дизайнеры; 8 - Преподаватели по обучению компьютерной грамотности; 9 - Специалисты-техники по эксплуатации ИКТ и по поддержке пользователей ИКТ; 10 - Специалисты-техники по телекоммуникациям и радиовещанию; 11 - Техники-электроники; 12 - Монтажники и ремонтники электронного и телекоммуникационного оборудования; 13 - Управляющие финансово-экономической и административной деятельностью; 14- Руководители служб по сбыту, маркетингу и развитию; 15 - Руководители служб в сфере социальных услуг; 16- Физики, химики и специалисты родственных занятий; 17 - Архитекторы, проектировщики, топографы и дизайнеры; 18 - Профессорско-преподавательский персонал университетов и других организаций высшего образования; 19 - Специалисты по финансовой деятельности; 20 - Специалисты в области администрирования; 21 - Специалисты по сбыту и маркетингу продукции и услуг и связям с общественностью; 22- Инженеры-электрики.

Источник: составлено по [8, с. 134-135].

В группе «другие специалисты» анализ динамики численности групп специалистов затрудняется тем, что внутри каждой профессии существует отраслевая дифференциация, требующая учет специфики конкретной сферы деятельности. Отметим лишь тенденцию уменьшения численности в группах руководителей, отмеченную и среди руководителей «специалистов ИКТ».

Политика подбора и подготовки кадров в сфере ИКТ на региональном уровне во многом определяется возрастной структурой работников и соискателей данных профессиональных групп (рисунок 3).

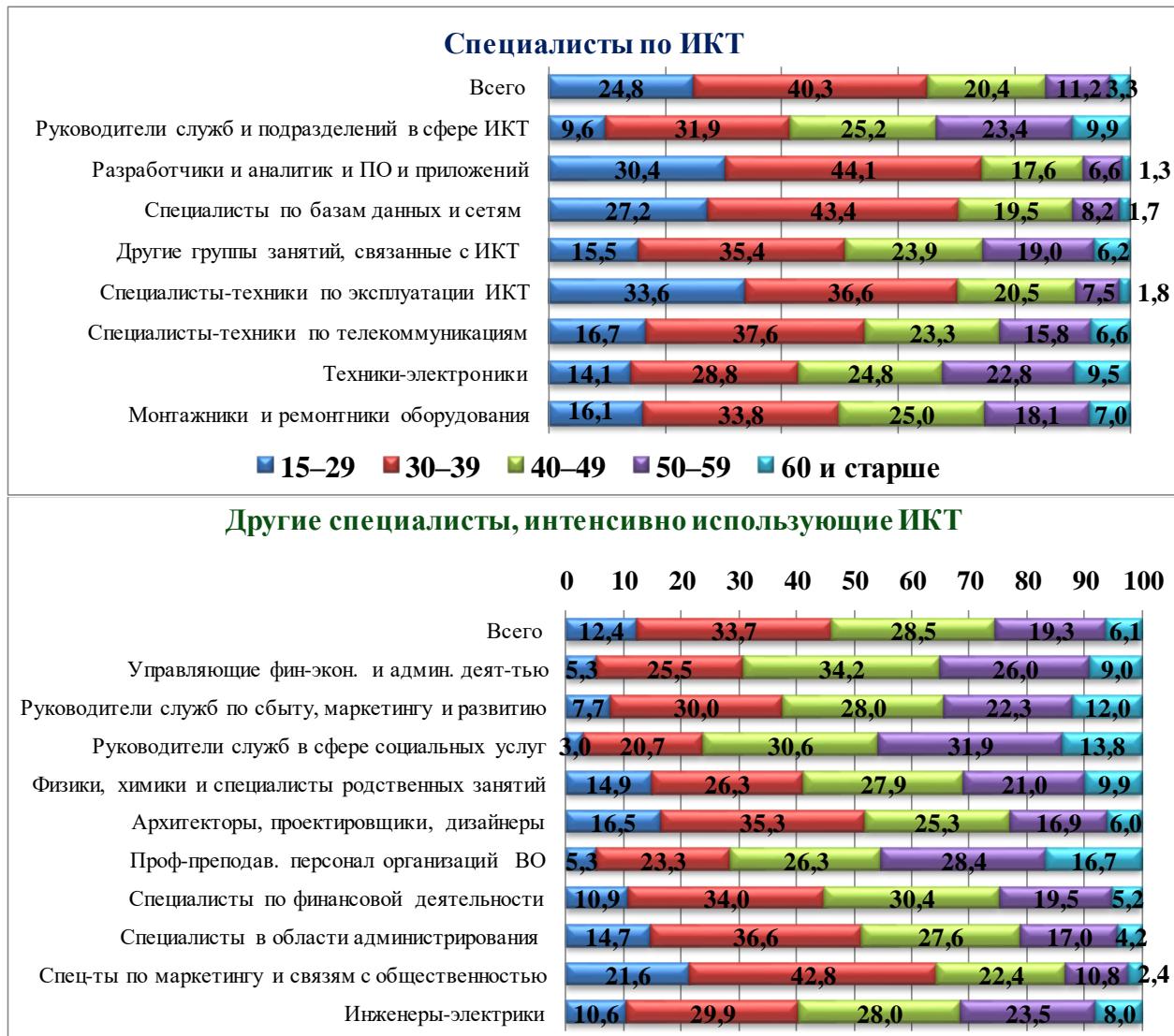

Рисунок 3 – Возрастная структура специалистов, занятых в профессиях с интенсивным использованием ИКТ в России в 2022 г. (в % от численности занятых соответствующей специальности)

Источник: [8, с. 137-138].

Среди «специалистов ИКТ» выделяются две группы высококвалифицированных специалистов, имеющих в своих рядах высокую долю молодежи, к ним относятся: разработчики и аналитики программного обеспечения и приложений и специалисты по базам данных и сетям, в возрасте от 15 до 39 лет в этих группах трудится соответственно 74,5 и

79,6% молодых специалистов. Необходима более дробная возрастная дифференциация данной группы специалистов для оценки их интеллектуальных способностей, уровня, требуемого для конкретного человека образования, формы обучения и т.п. Другие профессиональные группы ИКТ также в значительной мере привлекательны для молодых специалистов, что дает динамичному развитию отрасли хорошие перспективы.

В группе «другие специалисты» возрастной ценз работников, владеющих ИКТ, практически соответствует возрастной структуре отрасли труда отрасли индивида и карьерной траектории, определяемой основной профессией.

Отметим, что высокий уровень ИТ-подготовки представителей группы «другие специалисты» способен компенсировать дефицит ИТ-профессионалов различной специализации. Отраслевое соотношение специалистов исследуемых групп представлено на рисунке 4.

Рисунок 4 – Специалисты, занятые в профессиях с интенсивным использованием ИКТ по видам экономической деятельности в 2022 г. (в % от численности занятых соответствующего вида экономической деятельности)

Источник: [8, с. 136].

Из непрофильных ИТ-отраслей наибольшая доля профессиональных специалистов ИКТ и специалистов других групп, владеющих ИКТ, наблюдается в финансовом секторе экономике и в сфере профессиональной, научной и технической деятельности

(доля специалистов ИКТ составляет – соответственно 5,8 и 6,4%; «других специалистов» - 33,8 и 31,4%. Высока доля работников государственного управления и социального обеспечения, владеющих компетенциями ИКТ (2,1% являются специалистами ИКТ и 21,4% - специалисты различных профессиональных групп, владеющих и использующих ИКТ в рамках служебной деятельности).

Функционирование цифрового рынка труда во многом определяется процессами создания инфраструктуры ИКТ, которая является средой для формирования отношений занятости в условиях цифровизации. В целях нашего исследования использование комплексных индексов [9], характеризующих цифровое развитие регионов, представляется нецелесообразным, поскольку большое количество индикаторов, не связанных со сферой занятости, затруднит анализ исследуемого объекта. Выбор был сделан в пользу индекса цифровизации национальной экономики (ИНЦ), показатели которого способны оценить уровень цифровой зрелости региона. Для расчета индекса применялись формулы, принятые в отечественных исследованиях и позволяющие варьировать набор показателей в зависимости от поставленных задач исследований [10]:

$$\text{ЦБ} = \frac{y_1+y_2+y_3+y_4}{100} \quad (1),$$

где, ЦБ - цифровизация бизнеса;

y1 - организации, использовавшие персональные компьютеры;

y2 - организации, использовавшие серверы;

y3 - организации, использовавшие локальные вычислительные сети;

y4 - организации, использовавшие глобальные информационные сети.

$$\text{ЦН} = \frac{y_5+y_6}{100} \quad (2),$$

где: ЦН - цифровизация населения;

y5 - численность активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет;

y6 - численность активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети Интернет.

$$\text{ФОЦ} = \frac{y_7+y_8}{100} \quad (3),$$

где: ФОЦ - финансовое обеспечение цифровизации;

y7 - затраты на инновационную деятельность организации (в % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг);

y8 - затраты на внедрение и использование цифровых технологий (в % от общего объема ВВП).

Индекс цифровизации национальной экономики рассчитан по формуле:

$$\text{ИЦН} = \text{ЦБ} + \text{ЦН} + \text{ФОЦ} \quad (4)$$

Результаты исследования приведены в таблице 2.

Лидером по обладанию большим количеством максимальных значений показателей стала Мурманская область.

В таблице 3 представлены итоговые значения Индекса цифровизации национальной экономики и ранг регионов по этому индикатору среди субъектов СЗФО.

Таблица 2 - Расчет индекса цифровизации национальной экономики в РФ и субъектах СЗФО, 2022

	РФ	СЗФО	РКа	РКо	АО	НАО	ВО	КО	ЛО	МО	НО	ПО	СПб
Организации, использовавшие персональные компьютеры (в процентах от общего числа обследованных организаций соответствующего субъекта РФ)	79,6	80,9	82,7	78,9	83,1	80,1	81,4	75,7	81,6	81,1	85,4	81,1	80,4
Организации, использовавшие серверы (в процентах от общего числа обследованных организаций соответствующего субъекта РФ)	41,2	43,9	37,3	34,5	39,2	36,7	41,3	39,4	44,4	42,3	43,8	37,1	51,6
Организации, использовавшие локальные вычислительные сети (в процентах от общего числа обследованных организаций соответствующего субъекта РФ)	53,1	55,5	55,2	57,2	60,9	54,7	54,9	49,6	54,6	62,4	57,8	52,5	54,2
Организации, использовавшие глобальные информационные сети в 2019 г (в процентах от общего числа обследованных организаций соответствующего субъекта РФ)	92,0	93,3	93,3	91,8	92,8	88,9	95,4	90,4	94,8	95,6	94,0	91,8	93,3
Численность активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет (в процентах от общего числа обследованных организаций соответствующего субъекта РФ)	24,3	25,4	38,7	24,8	26,6	23,5	23,5	24,9	13,5	34,8	21,2	23,9	28,3
Численность активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети Интернет	109,2	123,8	112,5	115,9	114,6	0	99,7	112,0	100,0	116,9	103,2	100,9	136,3
Затраты на инновационную деятельность организаций (в % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг)	2,1	1,4	1,8	0,5	0,3	0	0,1	0,4	1,6	0,4	1,3	0,4	2,3
Затраты на внедрение и использование цифровых технологий (в % от общего объема ВВП)	3,087	0,282	0,003	0,008	0,007	0,001	0,007	0,006	0,014	0,007	0,002	0,002	0,224
ЦБ	2,659	2,736	2,685	2,624	2,760	2,604	2,730	2,551	2,754	2,814	2,810	2,625	2,795
ЦН	1,335	1,492	1,512	1,407	1,412	0,235	1,232	1,369	1,135	1,517	1,243	1,248	1,646
ФОЦ	0,052	0,017	0,018	0,005	0,003	0,000	0,001	0,004	0,016	0,004	0,013	0,004	0,025
ИЦН	4,046	4,245	4,215	4,036	4,175	2,839	3,963	3,924	3,905	4,335	4,066	3,877	4,466

Источник: Росстат

**Таблица 3 – Индекс цифровизации национальной экономики
в субъектах СЗФО, 2022**

	ИЦН	Ранг
Российская Федерация	4,046	
СЗФО	4,245	
Республика Карелия	4,215	3
Республика Коми	4,036	6
Архангельская область	4,175	4
Ненецкий автономный округ (НАО)	2,839	11
Вологодская область	3,963	7
Калининградская область	3,924	8
Ленинградская область	3,905	9
Мурманская область	4,335	2
Новгородская область	4,066	5
Псковская область	3,877	10
г. Санкт-Петербург	4,466	1

Источник: расчеты автора по Росстат

Регион с наименьшим значением Индекса – НАО, отстает от регионов лидеров (Санкт-Петербурга и Мурманской области) на 36,4 и 34,5% соответственно. Особое положение НАО в СЗФО, нулевые значения двух расчетных показателей и особые условия занятости отчасти объясняют низкий уровень цифровизации.

Данную методику можно использовать при проведении мониторинга цифровой среды, и в зависимости от целей исследования изменять структуру показателей.

Цифровая трансформация неизбежно приводит к структурным изменениям экономики. Оценить эти сдвиги возможно с помощью анализа регионального роста, измеряемого динамикой показателей занятости. Метод сдвиг-составляющих апробирован и широко используется российскими учеными [11], [12,] [13] и др. Данный метод количественного анализа структурных изменений в региональной экономике позволяет исследовать причины изменений в структуре занятости региона путем выделения трёх уровней (составляющих): национального (федерального), отраслевого и регионального.

Оценка структурного сдвига как абсолютного изменения численности занятых по отрасли (ВЭД), равного сумме национальной, отраслевой и региональной компонент, а также вклада каждой из трех компонент как составляющих структурного сдвига. Это позволяет, с одной стороны, увеличить объективность оценки региональной экономической политики на основе степени влияния региональных факторов, с другой стороны, выявить ВЭД с большим потенциалом повышения занятости и является основой для формирования региональной политики для отраслей, перспективных с точки зрения роста занятости. Именно региональная составляющая является индикатором наличия в регионе условий, благоприятных для развития отрасли.

При определении места отрасли в экономической структуре региона учитываются следующие характеристики компонент.

Национальная составляющая (НС) характеризует рост либо сокращение численности занятых на национальном уровне, $NC > 0$ для всех отраслей в растущей экономике, и соответственно $NC < 0$ в условиях спада.

Отраслевая составляющая (ОС) отражает разность темпов роста численности занятых в данной отрасли на национальном уровне и численности занятых в национальной экономике: значение показателя $OC > 0$ означает, что темп развития отрасли опережает темп развития национальной экономики.

Региональная составляющая (РС) представляет информацию о разнице темпов роста отраслей в регионе и на национальном уровне: значение показателя $RC > 0$ означает, что отрасль в регионе развивается более высокими темпами, чем на национальном уровне

В таблице 4 представлены расчетные данные по изменению доли занятых в 2022 году относительно 2017 г., позволяющие по алгоритму [14] классифицировать виды деятельности в субъектах СЗФО по критерию динамики занятости на четыре вида: отрасли лидеры (сильные конкурентные позиции); стагнирующие отрасли (теряющие позиции в регионе); сжимающиеся и депрессивные отрасли.

Следует отметить, что в отраслевой структуре регионов СЗФО преобладающее место занимают отрасли лидеры и депрессивные отрасли, сжимающиеся отрасли несколько преобладают над стагнирующими.

Устойчивость отраслевой структуры региона определяется большим количеством лидирующих производств, этому критерию соответствуют показатели Ленинградской области, также обладают высоким уровнем лидирующих отраслей Калининградская область и Санкт-Петербург. Новгородская область и Республика Коми, напротив, в своей структуре имеют подавляющее количество «депрессивных» отраслей. Для каждого региона требуется дополнительный факторный анализ отраслевой структуры, позволяющий определить причины существующей динамики отраслей, выявить критичность для внутриотраслевой и региональной перспективы, определить меры повышения устойчивости экономики отрасли и региона, включая механизмы цифровой трансформации.

Формирование и развитие регионального рынка в условиях цифровой трансформации происходит в рамках концепций устойчивого развития и национальной безопасности.

Национальные проекты и государственные программы развития цифровой экономики неизменно включают кадровую составляющую, в контексте удовлетворения потребностей экономики и социальной сферы ИКТ-специалистами, обладающими соответствующими компетенциями, подготовка и переподготовка специалистов, использующих ИТ-технологии.

Таблица 4 - Изменение среднегодовой численности занятых по отраслям экономики в РФ и СЗФО за 2017-2022 гг. (%)

	РФ	СЗФО	РКа	РКо	АО	НАО	ВО	КО	ЛО	МО	НО	ПО	СПБ
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	-12	-14,9	-11,4	-21,6	-8,6	-31,3	-26,2	-14,0	-14,5	-16,7	-17,8	-14,7	12,5
Добыча полезных ископаемых	6	4,3	0,1	-18,3	1,1	-15,3	2,6	41,4	7,3	40,1	-3,9	48,0	96,4
Обрабатывающие производства	-1,7	2,6	4,5	8,6	-2,9	53,9	-0,4	12,3	20,0	-4,5	-14,9	7,1	0,03
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	-4,4	-1,1	-5,3	-11,5	-10,9	-19,9	-6,9	13,2	7,6	8,7	-5,1	-1,4	0,6
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	-5,3	0,3	3,6	-12,2	-11,2	19,80	-0,5	-9,3	24,2	-24,9	-7,0	9,3	6,0
Строительство	3,7	1,7	10,7	-15,2	7,0	38,0	1,6	3,3	14,9	-14	-4,8	-6,6	0,1
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	-3,2	-8,1	-10,9	-13,8	-20,9	-6,0	-11,1	-1,2	3,3	-29,9	0,7	-0,1	-8,3
Транспортировка и хранение	9,7	5,9	-22,8	-17,7	5,7	5,3	16,0	24,6	15,5	-7,4	-0,3	-9,1	10,1
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	12	3,5	12,1	14,6	4,8	46,6	-13,6	6,1	26,9	1,5	4,4	4,1	-0,9
Деятельность в области информации и связи	11,9	22,1	-2,3	-17,9	-17,3	13,0	38,9	38,1	13,3	-10,0	-11,0	4,7	31,5
Деятельность финансовая и страховая	-8,5	-11,3	-20,9	-32,1	-9,6	-17,3	-17	-7,5	13,8	-23,1	-16,5	-3	-10,3
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	-4	-2	-5,3	-5,6	-2,9	-38,2	-16,7	10,5	12,9	-28,3	-24,2	-10	0,8
Деятельность профессиональная, научная и техническая	-4,2	-2,1	8,1	-25,4	-19,4	-37,1	5,5	9,1	5,8	1,1	-4,3	-1,8	-1,7
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	10,5	27,0	24,3	75,5	9,7	19,2	32,9	6,8	59,5	21,8	25,5	32,8	24
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	-2,9	1,8	2,2	-0,6	-0,9	7,1	2,6	1,4	-2,8	2,6	-8,9	1,1	7,8
Образование	-4,6	-3,8	-7,8	-10,8	-7,4	-4,8	-11,9	-2,5	9,0	-2	-5,9	-0,4	-2,6
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	-0,2	2,7	-3,6	-7	-8,4	-5,1	-5,3	9,1	17,9	-5,9	-1	1,3	7,9
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	0,6	1,1	2,5	-20,7	4,4	2,5	-14,9	17,8	15,1	-15	-7,4	-8,3	4,4
Предоставление прочих видов услуг	1,2	-5,9	26,6	-14	-6,9	-35,6	5,7	26	3,7	-7,7	-2,6	-12,1	-11,9

Источник: [15]

Таблица 5 - Структуризация видов деятельности в субъектах СЗФО по критерию динамики занятости в период 2017-2022 гг.

СЗФО	РКа	РКо	АО	НАО	ВО	КО	ЛО	МО	НО	ПО	СПб
Отрасли лидеры											
3-ОП 8-ТиХ 10-Ин- фиСв 14-АУ 15-ГУи СО 17- ЗДРиСУ	3-ОП 9-ДГиОП 13-НТ 14-АУ 15-ГУиСО 18-КСД 19-ПВУ	3-ОП 9-ДГиОП 13-НТ 14-АУ 15-ГУиСв 18-КСД 19-ПВУ	2-ДПИ 6- СТР 18-КСД	3-ОП 5- ВиУО 6- СТР 9-ДГиОП 10-ИнфиСв 14-АУ 15-ГУиСО 18-КСД	8-ТиХ 10- ИнфиСв 13-НТ 14-АУ 15-ГУи СО 19.-ПВУ	2-ДПИ 3- ОП 4-ОЭЭ 8-ТиХ 10-ИнфиСв 12-ОНИ 13-НТ 14-АУ 15-ГУиСО 17-ЗДРиСУ 18-КСД 19.-ПВУ	2-ДПИ 3- ОП 4-ОЭЭ 5- ВиУО, 14-АУ 15-ГУиСО	2-ДПИ 4-ОЭЭ 13-НТ 14-АУ 15-ГУиСО	7-ТОР 14-АУ	2-ДПИ 3- ОП 5- ВиУО 9-ДГиОП 14-АУ 15-ГУиСО 17-ЗДРиСУ Г	1-СХ 2-ДПИ 4-ОЭЭ 5- ВиУО, 10-ИнфиСв 12-ОНИ 14-АУ 15-ГУиСО 17-ЗДРиСУ 18-КСД
Стагнирующие отрасли											
2-ДПИ 5- ВиУО 6- СТР 9-ДГиОП	2-ДПИ		8-ТиХ 9- ДГиОП 14-АУ	8-ТиХ	2-ДПИ 6- СТР	6- СТР 9-ДГиОП 11-ФиСтр		9-ДГиОП	10-ИнфСв	10-ИнфСв	3- ОП 6- СТР
Сжимающиеся отрасли											
2-ДПИ	1-СХ	15-ГУиСО	1-СХ 12-ОНИ 15-ГУи СО		3- ОП 5- ВиУО	7-ТОР 16-ОБР	15-ГУиСО	10-ИнфСв 16-ОБР 17-ЗДРиСУ	2-ДПИ 13-НТ	4-ОЭЭ 7-ТОР 11-ФиСтр 13-НТ 16-ОБР	13-НТ 16-ОБР

СЗФО	РКа	РКо	АО	НАО	ВО	КО	ЛО	МО	НО	ПО	СПб
Депрессивные отрасли											
1-СХ	4-ОЭЭ	1-СХ	3- ОП	1-СХ	1-СХ	1-СХ	1-СХ	1-СХ	1-СХ	1-СХ	7-ТОР
7-ТОР	6- СТР	2-ДПИ	4-ОЭЭ;	2-ДПИ	4-ОЭЭ	5- ВиУО	5- ВиУО	3- ОП	3- ОП	6- СТР	8-ТиХ
11-ФиСтр	7-ТОР	4-ОЭЭ	5- ВиУО	4-ОЭЭ	7-ТОР	8-ТиХ	8-ТиХ	4-ОЭЭ	4-ОЭЭ	8-ТиХ	11-ФиСтр
16-ОБР	8-ТиХ	5- ВиУО	7-ТОР	7-ТОР	11-ФиСтр	12-ОНИ	12-ОНИ	6- СТР	5- ВиУО	12-ОНИ	19-ПВУ
19-ПВУ	10-ИнфСв	6- СТР	10-	11-ФиСтр	11-ФиСтр	13-НТ	16-ОБР	7-ТОР	6- СТР	18-КСД	
	11-ФиСтр	7-ТОР	ИнфСв	12-ОНИ	12-ОНИ	16-ОБР	17-	8-ТиХ	8-ТиХ	19-ПВУ	
	12-ОНИ	8-ТиХ	11-	13-НТ	13-НТ	17-	3ДРиСУ	11-ФиСтр	10-ИнфСв		
	16-ОБР	10-ИнфСв	ФиСтр	16-ОБР	17-3ДРиСУ	3ДРиСУ	19-ПВУ	12-ОНИ	11-ФиСтр	12-ОНИ	
	17-3ДРиСУ	11-ФиСтр	13-НТ	19-ПВУ	19-ПВУ	18-КСД		18-	15-ГУиСО	15-ГУиСО	
								КСД	19-	16-ОБР	
								ПВУ	ПВУ	17-	
										3ДРиСУ	
										18-КСД	
										19-ПВУ	

Обозначения:	Сокращения
1 - сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	1-СХ
2 - добыча полезных ископаемых	2-ДПИ
3 - обрабатывающие производства	3- ОП
4 - обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	4-ОЭЭ
5 - водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	5- ВиУО
6 - строительство	6- СТР
7 - торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	7-ТОР
8 - транспортировка и хранение	8-ТиХ
9 - деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	8-ТиХ
10 - деятельность в области информации и связи	10-ИнфСв
11 - деятельность финансовая и страховая	11-ФиСтр
12 - деятельность по операциям с недвижимым имуществом	12-ОНИ
13 - деятельность профессиональная, научная и техническая	13-НТ
14 - деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	14-АУ
15 - государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	15-ГУиСО
16 - образование	16-ОБР
17 - деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	17-3ДРиСУ
18 - деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	18-КСД
19 - предоставление прочих видов услуг	19-ПВУ

Источник: составлено автором по [15]

В качестве региональных ограничений реализации цифровых преобразований в экономике рассматриваются такие как: недостаточность цифровых компетенций у сотрудников; отсутствие специалистов для обучения сотрудников работе с цифровыми технологиями; недостаточное количество руководителей цифровой трансформации; низкая готовность контрагентов к использованию цифровых технологий; невозможность получение ИТ-специальности; невостребованность на рынке труда региона специалистов данного профиля.

Неоднородность кадрового состава ИКТ-сфера предполагает выделение двух укрупненных групп специалистов: 1) занятые непосредственно разработкой, эксплуатацией и обслуживанием ИКТ; 2) использующие ИКТ в рамках своих профессиональных и должностных функций, что требует дифференцированных подходов к их формированию и использованию.

При исследовании проблем, связанных с кадровым обеспечением цифровой экономики, предлагается комплексных подход с использованием методики расчета индекса цифровизации национальной экономики и метода структурных сдвигов, который позволяет оценить темпы развития производства по сферам экономической деятельности в регионе с учетом региональной специфики развития структуры экономических сфер и изменения доли занятого населения в данных сферах.

Литература

1. Концепция формирования информационного общества в России. Одобрена решением Государственной комиссии по информатизации при Государственном комитете Российской Федерации по связи и информатизации от 28 мая 1999 г. № 32 [Электронный ресурс]. URL: <https://libertarium.ru/68568>
2. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. Пр-212. [Электронный ресурс]. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/strategiya_razvitiya_inf_obschestva_1.pdf (дата обращения: 08.02.2024).
3. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждена протокол заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/#section-description>
4. Кашепов А.В. ПОСТ-СССР: экономика, занятость и демография : монография. – Москва: МАКС Пресс, 2023. – 360 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.29003/m3161.978-5-317-06959-9>
5. Цифровые технологии в бизнесе: практики и барьеры использования. Мониторинг цифровой трансформации бизнеса. Выпуск 1. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/news/890550436.html> [, 10]
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 637-р “Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления”

7. Приказ Минкомсвязи России от 07.12.2015 № 515 «Об утверждении собирательных классификационных группировок «Сектор информационно-коммуникационных технологий». [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201601220005?index=2>

8. Индикаторы цифровой экономики: 2024: статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 276 с.

9. Индекс цифрового развития субъектов Российской Федерации (Рейтинг) в рамках реализации Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://цифроваяэволюция.рф/storage/filemanager/presentation/nircerf/karasev-indeks-tsifrovogo-razvitiya.pdf>

10. Грачев С.А. Моделирование влияния цифровизации на развитие социально-экономических систем // Вопросы инновационной экономики. Том 11. №2. Апрель-июнь. 2021.

11. Сарычева Т. В. Сравнительный анализ структурных сдвигов в занятости населения региона // Статистика и экономика. 2012. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-strukturnykh-sdvigov-v-zanyatosti-naseleniya-regiona> (дата обращения: 04.07.2024).

12. Белоглазова С.А. Выявление хозяйственной специализации регионов ЮФО в контексте кластеризации: развитие методики и актуальные результаты // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Том 8. № 11А. С. 148-157.

13. Михеева Н.Н. Структурные факторы региональной динамики: измерение и оценка // Пространственная экономика. 2013. №1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-faktory-regionalnoy-dinamiki-izmerenie-i-otsenka> (дата обращения: 20.07.2024).

14. Фридман Ю.А., Блам Ю.Ш., Речко Г.Н. Совершенствование структуры экономики региона как инструмент решения проблемы занятости // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2003. – №1. – С.77-92

15. Среднегодовая численность занятых в экономике (расчеты на основе интеграции данных) с 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58994?ysclid=lxegw9quqy918731373>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Афанасьева Наталия Владимировна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Институт проблем региональной экономики РАН, e-mail: afnv@bk.ru

Afanasyeva Natalia V., Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences.

Буличников Павел Андреевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, доцент кафедры Экономики данных, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций.

Bulochnikov Pavel A., Ph. D (Economics), Senior Researcher, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, Associate Professor at the Department of Data Economics, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications.

Бурылов Василий Сергеевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, e-mail: vassily777@yandex.ru

Burylov Vasily S., Ph. D (Economics), Senior Researcher, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences.

Васильев Игорь Григорьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, e-mail: sistana2@mail.ru

Vasiliev Igor. G., Ph.D. (philosophy), Senior Researcher, Institute for Regional Economics Studies Russian Academy of Sciences.

Гафланов Чингис Арифович, аспирант, Институт проблем региональной экономики РАН, e-mail: chingisgalfanov7@mail.ru

Gaflanov Chingis A., postgraduate, Institute for Regional Economics Studies Russian Academy of Sciences.

Гресь Роберт Андреевич, научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, e-mail: Robert.a.gres@gmail.com

Gres Robert A., researcher, Institute for Regional Economics Studies Russian Academy of Sciences.

Гудзь Никита Юрьевич, аспирант, Институт проблем региональной экономики РАН, e-mail: ikitagudz@gmail.com

Gudz Nikita Y., postgraduate, Institute for Regional Economics Studies Russian Academy of Sciences.

Джанелидзе Михаил Георгиевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН.

Dzhanelidze Mikhail G., Ph. D (Economics), Leading Researcher, Institute for Regional Economics Studies Russian Academy of Sciences.

Еникеева Лилия Аубакировна, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, профессор

кафедры проектной деятельности в медиаиндустрии, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, e-mail: enikeeva_lilia@mail.ru

Enikeeva Lilia A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute for Regional Economics Studies Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Project Activities in the Media Industry, St. Petersburg State Institute of Film and Television, e-mail: enikeeva_lilia@mail.ru

Киселев Юрий Сергеевич, аспирант, Институт проблем региональной экономики РАН, e-mail: y.kiselev@tlk-sarma.ru

Kiselev Yuri S., postgraduate, Institute for Regional Economics Studies Russian Academy of Sciences.

Минина Татьяна Ростиславовна, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, e-mail: trminina@yandex.ru

Minina Tatiana R., Cand. Sc. (technic), Leading Researcher, Institute for Regional Economics Studies Russian Academy of Sciences.

Нешнерет Александр Карлович, кандидат экономических наук, заведующий лабораторией комплексного исследования социального и эколого-экономического развития регионов, Институт проблем региональной экономики РАН, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации, mail: neshcheret-ak@yandex.ru

Neshcheret Alexander K., Ph. D (Economics), Senior Researcher, Head of the Laboratory for Comprehensive Study of Social, Environmental, and Economic Development of Regions, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Honored Worker in Education of the Russian Federation.

Сквортsova Маргарита Борисовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН.

Skvortsova Margarita B., Ph. D (Economics), Senior Researcher, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences.

Солодилов Виктор Владимирович, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, e-mail: solodilov.55@mail.ru

Solodilov Victor V., Senior researcher, Institute for Regional Economics Studies Russian Academy of Sciences.

Сырнева Елизавета Андреевна, аспирант, Институт проблем региональной экономики РАН

Syrneva Elizaveta A., postgraduate, Institute for Regional Economics Studies Russian Academy of Sciences.

Туранова Мария Витальевна, научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН.

Turanova Maria V., researcher, Institute for Regional Economics Studies Russian Academy of Sciences.

Хильченко Павел Александрович, научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН.

Hilchenko Paul A., researcher, Institute for Regional Economics Studies Russian Academy of Sciences.

Чикалов Алексей Владимирович, аспирант, Институт проблем региональной экономики РАН, e-mail: alexeyrelton@gmail.com

Chikalov Alexey V., postgraduate, Institute for Regional Economics Studies Russian Academy of Sciences.

Шабунина Тамара Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН.

Shabunina Tamara V., Ph. D (Economics), Senior Researcher, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences.

Шестакова Наталья Николаевна, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, доцент, Институт проблем региональной экономики РАН, e-mail: nnshestakova@gmail.com

Shestakova Natalia N., Cand. Sc. (technic), Leading Researcher, Associate Professor, Institute for Regional Economics Studies Russian Academy of Sciences.

Шестаков Андрей Александрович, аспирант, Институт проблем региональной экономики РАН.

Shestakov Andrey A., postgraduate, Institute for Regional Economics Studies Russian Academy of Sciences.

Ширнова Светлана Анатольевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, e-mail: svetlana.shirnova@yandex.ru

Shirnova Svetlana A., Ph. D (Economics), Senior Researcher, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences.

Юшков Максим Викторович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН.

Yushkov Maxim V., Ph. D (Economics), Senior Researcher, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences.

АННОТАЦИИ

Афанасьева Н.В., Киселев Ю.С. Влияние инновационных технологий на развитие логистической инфраструктуры.

Статья анализирует влияние инновационных технологий на развитие логистической инфраструктуры Северо-Западного федерального округа (СЗФО). Доказано, что цифровизация процессов, обновление портовых мощностей и внедрение экологически устойчивых решений напрямую усиливают экспортные возможности России. Раскрываются социально-экономические последствия этих изменений, определяются основные драйверы и будущие направления модернизации отрасли.

Ключевые слова: логистика, инновации, экспорт, Северо-Западный федеральный округ, цифровизация, портовая инфраструктура, международная торговля, трансформация логистики.

Afanasyeva N.V., Kiselev Yu.S. The impact of innovative technologies on the development of logistics infrastructure.

The article analyzes the impact of innovative technologies on the development of the logistics infrastructure of the Northwestern Federal District (NWFD). It is proven that the digitalization of processes, the modernization of port capacities, and the implementation of environmentally sustainable solutions directly enhance Russia's export capabilities. The socio-economic consequences of these changes are revealed, and the main drivers and future directions for industry modernization are identified.

Keywords: logistics, innovation, export, Northwestern Federal District, digitalization, port infrastructure, international trade, logistics transformation.

Буличников П.А. Динамическое управление стратегированием креативной экономики регионов в условиях тектонического цифрового сдвига.

В статье подробно разбираются особенности и факторы цифровой трансформации, оказывающие влияние на социально-экономическое развитие регионов и отдельно креативной экономики как одного из наиболее перспективных секторов в эпоху шестого технологического уклада.

В условиях системного цифрового сдвига, в процессе формирования стратегий социально-экономического развития (ССЭР) регионов, в обязательном порядке, включающих разделы стратегирования сектора креативной экономики региона, для поддержки принятия эффективных управленческих решений органами власти и снижения транзакционных издержек при формировании и корректировке документов стратегического планирования (ДСП), целесообразно на уровне региона реализовать автоматизированный механизм динамической оценки ее состояния, обеспечивающий автоматическое получение, хранение массива и обработку потоков больших данных, представляющих собой совокупность значимых переменных, являющихся индикаторами функционирования данной сложной социально-экономической системы. Его целесообразно сформировать на основе применения концепции цифрового двойника – адаптивной кибернетической системы, которая отслеживает и преобразует входы, получаемого массива больших данных в научно-обоснованные и интерактивно, регулярно и своевременно представляемые органам власти оценки текущего состояния, поливариантные прогнозы развития данного сектора, а также сформированные в виде проектов предложения для принятия решений по формированию и корректировке ДСП.

Процесс формирования и корректировки региональной ССЭР при условии применения АПАИТС (автоматизированной программно-аппаратной информационно-телекоммуникационной системы) по замыслу автора реализуется по следующей принципиальной

схеме: ежеквартальный автоматический мониторинг с отслеживанием порядка двухсот частных показателей, отражающих как индикаторы развития креативной экономики, так и региональные социально-экономические факторы влияния на нее; автоматическое выявление отклонений от плановых значений и полуавтоматический анализ причин отклонений, при котором адаптивные алгоритмы АПАИТС определяют ключевые факторы, а эксперты проверяют выводы системы; генерация предложений управленческих воздействий и соответствующих сценариев развития, когда АПАИТС предлагает от трех до пяти вариантов решений, оценивает их эффективность и стоимость; принятие решений, проекты которых на основе автоматически сгенерированных проектов ДСП рассматриваются на заседаниях региональных органов власти с использованием визуализации данных на интерактивных панелях управления.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровизация, креативная экономика, регион, автоматизированное стратегирование, стратегия, динамическое стратегирование, цифровой двойник, АПАИТС, адаптивные алгоритмы.

Bulochnikov P.A. Dynamic management of the strategy of the creative economy of regions in the context of the tectonic digital shift.

The article examines in detail the features and factors of digital transformation that affect the socio-economic development of regions and, separately, the creative economy as one of the most promising sectors in the era of the sixth technological order.

In the context of the systemic digital shift, in the process of forming strategies for the socio-economic development (SSED) of regions, which necessarily include sections of strategizing the creative economy sector of the region, it is advisable to implement an automated approach at the regional level to support effective management decisions by government authorities and reduce transaction costs in the formation and adjustment of strategic planning documents. a mechanism for dynamically assessing its condition, which ensures automatic receipt, storing an array and processing big data streams, which are a set of significant variables that are indicators of the functioning of this complex socio-economic system. It is advisable to form it based on the application of the digital twin concept – an adaptive cybernetic system that monitors and transforms the inputs of the received array of big data into scientifically sound and interactive, regularly and timely assessments of the current state, multivariate forecasts of the development of this sector, as well as draft proposals for decision-making on the formation and adjustment of the chipboard.

The process of forming and adjusting the regional SSER, subject to the use of APAITS (an automated software and hardware information and telecommunications system), according to the author's plan, is implemented according to the following basic scheme: quarterly automatic monitoring with tracking of about two hundred individual indicators reflecting both indicators of the development of the creative economy and regional socio-economic factors influencing it.; automatic detection of deviations from planned values and semi-automatic analysis of the causes of deviations, in which adaptive algorithms of APAITS identify key factors, and experts verify the conclusions of the system; generation of proposals for management impacts and appropriate development scenarios, when APAITS offers from three to five possible solutions, evaluates their effectiveness and cost; decision-making, the drafts of which are based on automatically generated draft CPDs are reviewed at meetings of regional authorities using data visualization on interactive control panels.

Keywords: Digital transformation, digitalization, creative economy, region, automated strategizing, strategy, dynamic strategizing, digital twin, APAITS, adaptive algorithms.

Васильев И.Г. Основные направления суверенизации стратегического планирования развития культурного сегмента социальной сферы региона.

Представлено содержание суверенизации развития культуры регионов как нового

направления стратегического планирования и территориального управления сферой культуры с учетом Стратегии территориального развития РФ.

Ключевые слова: стратегическое планирование, культурный суверенитет региона, стратегическое планирование суверенизации культуры регионов, приоритеты суверенизации, спецификация национальных проектов в регионах.

Vasiliev I.G. The main directions of the sovereignty of strategic planning for the development of the cultural segment of the social sphere of the region.

The article presents the content of the sovereignty of the development of regional culture as a new direction of strategic planning and territorial management of the cultural sphere, taking into account the Strategy of Territorial Development of the Russian Federation

Keywords: strategic planning, cultural sovereignty of the region, strategic planning of the sovereignty of the culture of the regions, priorities of sovereignty, specification of national projects in the regions.

Гафланов Ч.А., Юшков М.В. Развитие региональных рынков розничной торговли в современных экономических условиях.

Статья исследует ключевые тенденции, влияющие на развитие розничной торговли в российских регионах. Основное внимание сосредоточено на том, как структурные изменения в экономике, различия в доходах населения между регионами, процессы цифровизации и эволюция покупательских предпочтений формируют местные рынки. Работа подчеркивает сохраняющуюся важность розничной торговли как двигателя регионального развития, напрямую влияющего на занятость, налоговые поступления и инвестиции.

Ключевые слова: розничная торговля, региональные рынки, потребительский спрос, цифровизация, социально-экономическое развитие.

Gaflanov C.A., Yushkov M.V. Development of Regional Retail Markets in Modern Economic Conditions.

The article examines key trends influencing the development of retail trade in the Russian regions. The main focus is on how structural changes in the economy, differences in household incomes between regions, digitalization processes, and the evolution of consumer preferences shape local markets. The paper emphasizes the continuing importance of retail trade as a driver of regional development, directly affecting employment, tax revenues, and investment.

Keywords: retail trade, regional markets, consumer demand, digitalization, socio-economic development.

Гресь Р.А. Направления совершенствования архитектуры системы стратегического планирования в Арктической зоне Российской Федерации.

Система стратегического планирования в российской Арктике нуждается в модернизации. В статье обозначено 15 проблемных вопросов для системы стратегического планирования в Арктической зоне России, исходя из постановки которых предлагается в дальнейшем разрабатывать рекомендации. Для определения направлений формирования рекомендаций в работе значительный упор сделан на использование технологий искусственного интеллекта (ИИ). Сформулированы выводы о необходимости сочетания экспертных методик и методик на основе ИИ; необходимости долгосрочного планирования самой архитектуры системы стратегического планирования в российской Арктике.

Ключевые слова: Арктика, стратегическое планирование, стратегия социально-экономического развития, территориальное планирование, мастер-план, муниципалитет.

Gres R. A. Guidelines for enhancing the structure of the strategic planning framework in the arctic zone of Russia.

The strategic planning system in the Russian Arctic requires modernization. The article identifies 15 problem areas for the strategic planning system in the Russian Arctic Zone; based on the formulation of these problems, it is proposed to subsequently develop recommendations. To determine the directions for developing these recommendations, the work places significant emphasis on the use of artificial intelligence (AI) technologies. Conclusions are drawn regarding the necessity of combining expert methodologies and AI-based methodologies, and the need for long-term planning of the architecture of the strategic planning system in the Russian Arctic itself.

Keywords: Arctic, strategic planning, socio-economic development strategy, territorial planning, master plan, municipality.

Гудз Н. Ю., Бурылов В. С. Управление и регулирование трудовой миграцией (региональный аспект).

Трудовая миграция сохраняет статус ключевого фактора функционирования социально-экономических систем российских регионов. Это явление не только определяет структуру занятости, но и формирует все многообразие социальных отношений. В статье представлен анализ региональных процессов трудовой миграции в период 2023–2025 годов, исследованы факторы, воздействующие на динамику перемещения рабочей силы, а также направления регулирования и управления данными процессами. Подчеркивается возрастающее значение цифровых инструментов, региональных адаптационных программ и государственной поддержки для преодоления дисбалансов и успешной интеграции мигрантов в местные сообщества.

Ключевые слова: трудовая миграция, региональная специфика, рынок труда, социально-экономические процессы, регулирование, управление миграцией.

Gudz N. Yu., Burylov V. S. Management and regulation of labor migration (regional aspect).

Labor migration remains a key factor in the functioning of the socio-economic systems of Russian regions. This phenomenon not only determines the structure of employment, but also shapes the diversity of social relations. The article provides an analysis of regional labor migration processes in the period 2023-2025, examines the factors influencing the dynamics of labor mobility, and explores the ways to regulate and manage these processes. The article emphasizes the growing importance of digital tools, regional adaptation programs, and government support to address imbalances and facilitate the successful integration of migrants into local communities.

Keywords: labor migration, regional specifics, labor market, socio-economic processes, regulation, and migration management.

Еникеева Л.А. Управление цифровой трансформацией региональных креативных индустрий в условиях глобальных вызовов.

В статье предложено решение проблемы повышения инвестиционной привлекательности и узнаваемости региона за счет создания высокотехнологичной продукции креативных индустрий, экспорта и продвижения региональных брендов в условиях глобальных вызовов. Это позволит снизить импортозависимость в нефтегазовом сегменте: в условиях глобальных вызовов и санкционных ограничений, диверсифицировать экономики регионов за счет создания новых точек роста в части экспортноориентированных цифровых кластеров. В результате, управление цифровой трансформацией региональных креативных индустрий имеет комплексный эффект и состоит не только в осмыслиении историко-культурного наследия, сохранении традиций, достижении социально-экономического эффекта, продвижения националь-

ных брендов, росте занятости населения всех возрастов, но и позволит укрепить экономический суверенитет России в условиях глобальных вызовов.

Ключевые слова: глобальные вызовы, цифровая трансформация, региональная экономика, креативные индустрии, региональный бренд, экспорт, цифровой кластер.

Enikeeva L.A., Managing the digital transformation of regional creative industries in the context of global challenges.

The article proposes a solution to the issue of increasing the investment attractiveness and the region's awareness by creating high-tech products of creative industries, exporting and promoting national brands in the context of global challenges.

This will reduce import dependence in the non-oil and gas sector in the context of global challenges and sanctions restrictions, and diversify regional economies by creating new growth points in export-oriented digital clusters.

As a result, managing the digital transformation of regional creative industries has a complex effect and consists not only in understanding historical and cultural heritage, preserving traditions, achieving socio-economic benefits, promoting national brands, and increasing employment of the population of all ages, but also strengthening Russia's economic sovereignty.

Keywords: global challenges, digital transformation, regional economy, creative industries, export, digital cluster.

Минина Т.Р. Роль Санки-Петербургской агломерации в социально-экономическом развитии Ленинградской области.

Создание и развитие городских агломераций – одно из основных направлений государственной политики развития территорий в России – активно изучается исследователями таких научных направлений как экономика, социология, демография, экология, архитектура, управление, отношение которых к вопросам развития агломераций не однозначно: одни подчеркивают перспективность развития агломераций, другие отмечают негативное влияние развития агломераций на социально-экономическое и территориальное развитие региона. Особый интерес как в научном сообществе, так и на уровне федеральных властей вызывает Санкт-Петербургская агломерация, образуемая на территории двух субъектов РФ – города Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Ключевые слова: регион, городская агломерация, Санкт-Петербургская агломерация, Ленинградская область, социально-экономическое развитие, транспорт.

Minina T.R. The role of the St. Petersburg agglomeration in the socio-economic development of the Leningrad region.

The formation and development of urban agglomerations is a primary focus of the state policy for regional development in Russia. This phenomenon is actively studied by researchers from various fields such as economics, sociology, demography, ecology, architecture, and management. However, the attitude of authors to agglomeration development is different: some emphasize its potential, while others point to its negative impact on the socio-economic and territorial development of a region. Particular attention from both the scientific community and federal authorities is drawn to the Saint Petersburg agglomeration, which is forming on the territory of two federal subjects—the city of Saint Petersburg and Leningrad Oblast.

Keywords: region, urban agglomeration, St. Petersburg agglomeration, Leningrad Oblast, socio-economic development, transport.

Нещерет А. К., Чикалов А.В. Региональные инновационные системы, их структурные элементы и участники.

Региональные инновационные системы (РИС) возникают как ответ на необходимость

согласовать интересы науки, бизнеса и власти в условиях стремительных технологических изменений. Они представляют собой взаимосвязанные институты, инфраструктуру и практики кооперации, обеспечивающие внедрение знаний в экономику и создание конкурентных преимуществ территорий. Статья раскрывает сущность понятия «региональная инновационная система», прослеживает эволюцию его понимания и анализирует мировые и российские подходы к изучению РИС. Особое внимание уделяется структурной неоднородности и региональной специфике, что помогает выявить факторы устойчивости и основные барьеры развития инновационной среды. Анализ включает как институциональные рамки, так и практические примеры функционирования РИС в России.

Ключевые слова: региональная инновационная система, инновации, экономика знаний, инфраструктура поддержки, университеты, цифровизация, региональное развитие, конкурентоспособность.

Neshcheret A.K., Chikalov A.V. Regional Innovation Systems, Their Structural Elements and Participants.

Regional innovation systems (RIS) emerge as a response to the need to align the interests of science, business, and government amid rapid technological change. They represent interconnected institutions, infrastructure, and cooperation practices that facilitate the integration of knowledge into the economy and the creation of competitive advantages for regions. The article reveals the essence of the concept of a “regional innovation system,” traces the evolution of its understanding, and analyzes both global and Russian approaches to studying RIS. Special attention is given to structural heterogeneity and regional specificity, which help identify the factors of resilience and the main barriers to the development of the innovation environment. The analysis includes both institutional frameworks and practical examples of RIS functioning in Russia.

Keywords: regional innovation system, innovation, knowledge economy, support infrastructure, universities, digitalization, regional development, competitiveness.

Скворцова М. Б. Социальный контракт как инструмент социальной защиты населения (на примере СЗФО)

В статье исследуется один из видов социальной поддержки населения – социальный контракт, который в последние годы получил широкое распространение на всей территории РФ. Выявлены наиболее востребованные и результативные мероприятия социального контракта: поиск работы и осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности. Предложены направления совершенствования механизмов реализации социального контракта.

Skvortsova M. B. Social contract as a tool of social protection of the population (on the example of the Northwestern Federal District).

The article examines one of the types of social support for the population – the social contract, which has become widespread throughout the Russian Federation in recent years. The most demanded and effective measures of the social contract are revealed: job search and implementation of individual entrepreneurial activity. The directions of improvement of the mechanisms of implementation of the social contract are proposed.

Солодилов В.В. Развитие расселения и урбанизации на территории Ломоносовского муниципального района Ленинградской области.

В статье рассмотрены основные факторы, характеристики, тенденции и перспективы развития экономики, расселения и урбанизации на территории Ломоносовского муниципального района Ленинградской области. Диагностируются структурные особенности этого развивающегося расселения в системе соответствующих понятий. Сделаны выводы о планировочной структуре и перспективах территориального развития городских населённых пунктов.

Представлен комплексный подход проведения исследований предварительного характера по обозначенной тематике. Выполненное исследование подтверждает устойчивость развития расселения и урбанизации на территории района. Автор предлагает создание на территории северной части Ломоносовского района инновационных градообразующих объектов и нового малого города-спутника Петербургской агломерации.

Ключевые слова: муниципальный район, расселение, урбанизация, устойчивое развитие, транспортная инфраструктура, экономический микрорайон, агломерация, городской населённый пункт.

Solodilov V.V. The settlement pattern and urbanization development on the territory of the Lomonosovsky municipal district of the Leningrad region.

The article discusses the main factors, characteristics, trends and prospects for the economy, settlement pattern and urbanization development on the territory of the Lomonosovsky municipal district of the Leningrad region. The structural features of this developing settlement pattern are diagnosed in the system of corresponding concepts. The conclusions are made on the planning structure and prospects of territorial development of the urban settlements. The article presents an integrated approach to conducting preliminary research on the designated topic. The research carried out confirms sustainability of the settlement pattern and urbanization development on the territory of the district. The author suggests to setting up the innovation city-forming objects and new little town-satellite of the Petersburg agglomeration on the territory the Northern part of the Lomonosovsky district.

Keywords: municipal district, settlement pattern, urbanization, sustainable development, transport infrastructure, economic microdistrict, agglomeration, urban settlement.

Сырнева Е.А. Концептуальные основы разработки политики в области инновационного развития на уровне региона.

Статья посвящена исследованию концептуальных основ формирования региональной политики в области инновационного развития. На основании анализа трудов российских и зарубежных авторов выделены подходы к определению содержания региональной инновационной политики, обоснована возможность и целесообразность сочетания элементов различных подходов. Систематизированы и охарактеризованы ключевые компоненты региональной политики в области инновационного развития, представленные субъектами и объектами, стратегиями, инструментами, функциями, общими и частными принципами. Определены возможности реализации на уровне российских регионов инновационной политики, ориентированной на миссию, объектом которой выступает полный жизненный цикл инноваций, управленические воздействия осуществляются системно на основании сочетания методов и инструментов проактивного и реактивного подходов, а ключевые компоненты «встроены» в систему социально-экономического развития территории.

Ключевые слова: инновация, инновационное развитие, инновационная политика, регион, принципы, ориентированная на миссию инновационная политика, социально-экономическое развитие.

Syrneva E.A. Conceptual framework for innovative development policy at the regional level.

The article is devoted to the study of conceptual foundations of regional policy formation in the field of innovation development. Based on the analysis of Russian and foreign authors' works the approaches to the definition of the content of regional innovation policy are singled out, the possibility and expediency of combining the elements of different approaches are substantiated. The key components of regional policy in the field of innovation development, repre-

sented by subjects and objects, strategies, tools, functions, general and private principles, are systematized and characterized. The possibilities of implementation of mission-oriented innovation policy at the level of Russian regions are determined, the object of which is the full life cycle of innovations, management actions are carried out systematically on the basis of a combination of methods and tools of proactive and reactive approaches, and the key components are “embedded” in the system of socio-economic development of the territory.

Keywords: innovation, innovative development, innovation policy, region, principles, mission-oriented innovation policy, socio-economic development.

Туранова М.В. Институциональные основы внедрения принципов ресурсоэффективности в региональное управление.

В условиях современных социально-экономических и экологических вызовов ресурсоэффективность становится одним из ключевых приоритетов регионального управления в России. Исследование посвящено институциональным основам внедрения принципов ресурсоэффективности в систему стратегического и программного регулирования субъектов Российской Федерации. Рассмотрены нормативно-правовые предпосылки, включая федеральные законы об энергосбережении, обращении с отходами, охране окружающей среды и ограничении выбросов парниковых газов, а также стратегические документы долгосрочного развития – Энергетическую стратегию России до 2035 года и Стратегию социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. Выявлены институциональные барьеры, препятствующие эффективной реализации принципов ресурсоэффективности на региональном уровне, такие как фрагментарность нормативного регулирования, слабая координация федеральных и региональных инициатив, ограниченность материально-технологической базы и недостаточная вовлеченность бизнеса и населения. Обозначены институциональные возможности, включая цифровизацию процессов мониторинга ресурсопотребления, развитие «зелёного» финансирования и государственно-частного партнёрства, формирование экотехнопарков и кластеров циркулярной экономики, а также усиление роли научных организаций в принятии управленческих решений. На основе проведённого анализа сформулированы рекомендации по совершенствованию институциональной среды, направленные на интеграцию индикаторов ресурсоэффективности в стратегическое планирование, расширение экономических стимулов, цифровизацию управленческого цикла и развитие экспертно-научного сопровождения. Сделан вывод о том, что институциональное обеспечение ресурсоэффективности является неотъемлемым условием устойчивого регионального развития в условиях санкционного давления, климатических рисков и ограниченности ресурсов.

Ключевые слова: ресурсоэффективность; региональное управление; устойчивое развитие; институциональные основы; стратегическое планирование; энергосбережение; обращение с отходами; наилучшие доступные технологии; цифровизация; государственно-частное партнёрство; климатическая политика.

Turanova M.V. Institutional foundations for the implementation of resource efficiency principles in regional governance.

In the context of contemporary socio-economic and environmental challenges, resource efficiency has become one of the key priorities of regional governance in Russia. The study focuses on the institutional foundations for embedding the principles of resource efficiency into the system of strategic and program-based regulation of the constituent entities of the Russian Federation. The paper examines the regulatory and legal prerequisites, including the federal laws on energy conservation, waste management, environmental protection, and limitation of greenhouse gas emissions, as well as long-term strategic documents such as the Energy Strategy of Russia until 2035 and the Strategy for Socio-Economic Development of the Russian Federation with

Low Greenhouse Gas Emissions until 2050. Institutional barriers hindering the effective implementation of resource efficiency at the regional level are identified, including fragmented regulation, weak coordination between federal and regional initiatives, limited material and technological capacities, and insufficient involvement of businesses and the public. The study also outlines institutional opportunities, such as digitalization of resource consumption monitoring, development of green finance and public-private partnerships, establishment of eco-industrial parks and circular economy clusters, and strengthening the role of research organizations in policymaking. Based on the analysis, recommendations are proposed to improve the institutional environment, including the integration of resource efficiency indicators into strategic planning, expansion of economic incentives, digitalization of the governance cycle, and development of expert and scientific support. The study concludes that institutional support for resource efficiency is an essential prerequisite for sustainable regional development under conditions of sanctions pressure, climate risks, and resource constraints.

Keywords: resource efficiency; regional governance; sustainable development; institutional foundations; strategic planning; energy conservation; waste management; best available techniques; digitalization; public-private partnership; climate policy.

Хильченко П.А. Влияние развития системы региональных пассажирских перевозок железнодорожным транспортом на агломерационные эффекты (на примере Республики Крым).

В статье рассмотрены агломерационные эффекты от развития пассажирских региональных железнодорожных перевозок в Республике Крым, с учетом ввода в эксплуатацию нового участка железной дороги вдоль берега Азовского моря. Сделан прогноз численности населения муниципальных образований Севастопольской и Симферопольской городских агломераций для расчёта ожидаемого агломерационного эффекта. В работе будет оценен агломерационный эффект как на ретроспективный период 2022–2024 гг., так и ожидаемый эффект на перспективный период до 2030 г., как в монетизированном виде, так и в разрезе изменения границ агломераций.

Ключевые слова: агломерационные эффекты, Республика Крым, железнодорожный транспорт, транспортная доступность, маршрутная сеть, высокоскоростная магистраль, монетизированный эффект.

Hilchenko P.A. The impact of the development of regional passenger rail transport on agglomeration effects (using the example of the Republic of Crimea).

The article considers the agglomeration effects of the development of passenger regional railway traffic in the Republic of Crimea, considering the commissioning of a new railway section along the coast of the Sea of Azov. It makes a forecast of the population of the municipal entities of the Sevastopol and Simferopol urban agglomerations to calculate the expected agglomeration effect. The work will assess the agglomeration effect for both the retrospective period of 2022–2024 and the expected effect for the prospective period up to and including 2030, both in a monetized form and in terms of changes in the boundaries of agglomerations.

Keywords: agglomeration effects, Republic of Crimea, railway transport, transport accessibility, route network, high-speed railway, monetized effect.

Шабунина Т.В. Условия и факторы устойчивого эколого-экономического развития региональной экономики в контексте здоровья населения (на примере субъектов СЗФО РФ).

Здоровье населения как одна из основных составляющих качества жизни определяет результативность устойчивого развития регионов на принципах социо-экологической сбалансированности. В статье проанализированы показатели состояния окружающей

среды (атмосферный воздух, качество воды) в субъектах СЗФО РФ, оказывающих негативное влияние на здоровье населения. Рассмотрены необходимые условия повышения эффективности процесса регулирования устойчивого развития регионов в контексте здоровья населения.

Ключевые слова: эколого-экономическое развитие, региональная экономика, здоровье населения, условия и факторы.

Shabunina T.V. Conditions and factors of sustainable environmental and economic development of the regional economy in the context of public health (on the example of the Northwestern Federal District of the Russian Federation)

Public health as one of the main components of the quality of life determines the effectiveness of sustainable development of regions based on the principles of socio-ecological balance. The article analyzes the indicators of the state of the environment (atmospheric air, water quality) in the constituent entities of the North-Western Federal District of the Russian Federation, which have a negative impact on public health. The necessary conditions for improving the efficiency of the process of regulating sustainable development of regions in the context of public health are considered.

Keywords: environmental and economic development, regional economy, public health, conditions and factors.

Шестакова Н.Н. Продвижение искусственного интеллекта в сфере образования.

Рассмотрена проблематика внедрения технологий искусственного интеллекта в сегменте образования социальной сферы экономики регионов. Исследованы ключевые тренды внедрения ИИ в сферу образования. Изучено влияние ИИ на образование. Установлены ограничения продвижения цифровой трансформации и искусственного интеллекта в сфере образования. По результатам исследования сделан следующий вывод: несмотря на то, что российская сфера образования находится на раннем этапе внедрения технологий ИИ, можно констатировать факт постепенного их внедрения в собственно систему образования, а также и высокий потенциал ИИ в части укрепления связи между системой образования (сегментом «Образование» социальной сферы экономики регионов) и реальным сектором экономики.

Ключевые слова: сфера образования, цифровизация, цифровая трансформация, искусственный интеллект, ключевые тренды внедрения ИИ в сферу образования, влияния ИИ на образование, ограничения продвижения цифровой трансформации и искусственного интеллекта в сфере образования.

Shestakova N.N. Advancing Artificial Intelligence in Education.

The article considers the problems of implementing artificial intelligence technologies in the education segment of the social sphere of the regional economy. The key trends in the implementation of AI in the education sector are studied. The impact of AI on education is studied. The limitations of promoting digital transformation and artificial intelligence in the education sector are established. Based on the results of the study, the following conclusion is made: despite the fact that the Russian education sector is at an early stage of implementing AI technologies, it is possible to state the fact of their gradual implementation in the education system itself, as well as the high potential of AI in terms of strengthening the connection between the education system (the "Education" segment of the social sphere of the regional economy) and the real sector of the economy.

Keywords: education, digitalization, digital transformation, artificial intelligence, key trends in the implementation of AI in the field of education, the impact of AI on education, limitations in the promotion of digital transformation and artificial intelligence in the field of education.

Шестакова Н.Н., Джанелидзе М.Г., Скворцова М.Б. Роль и место пожилых в обществе: трансформации теории старения.

В статье рассмотрены теории старения населения как за рубежом, так и в России. Отмечается, что категория «продолжительная и активная жизнь» в научной сфере является принципиально новой, границы ее – даже в первом приближении не определены. В связи с этим необходимо создание стройной системы его атрибутов (принципов, факторов, ограничений, механизмов его формирования, функционирования и развития и проч.).

Ключевые слова: пожилые, теории старения, продолжительная и активная жизнь, социальные проблемы пожилых, старение населения.

Shestakova N.N., Dzhanelidze M.G., Skvortsova M.B. The Role and Place of the Elderly in Society: Transformations of the Theory of Aging.

The article examines the theories of population aging both abroad and in Russia. It is noted that the category of "long and active life" in the scientific field is fundamentally new, its boundaries are not defined even in the first approximation. In this regard, it is necessary to create a coherent system of its attributes (principles, factors, limitations, mechanisms of its formation, functioning and development, etc.).

Keywords: the elderly, theories of aging, long and active life, social problems of the elderly, population aging.

Шестаков А.А., Бурылов В.С. Проблемы формирования и функционирования региональных рынков промышленной продукции.

В работе исследуются проблемы и специфика развития региональных промышленных рынков России в условиях трансформаций. Адаптация предприятий затруднена комплексом взаимосвязанных причин: изменениями во внешнеэкономической среде, цифровыми и технологическими вызовами, институциональными барьерами и нехваткой квалифицированных кадров. Выделены основные тенденции в развитии промышленных комплексов федеральных округов, проанализированы факторы, влияющие на спрос и предложение, а также особенности государственного регулирования этих рынков. Показано, что устойчивость региональных промышленных систем определяется эффективным сочетанием федеральной политики, местных инициатив и инновационной деятельности бизнеса. Авторы приходят к выводу о необходимости комплексной стратегии развития промышленности на региональном уровне как ключевого элемента национальной экономической безопасности.

Ключевые слова: промышленная продукция, регионы России, рынок, структурные изменения, государственное регулирование, цифровизация, конкурентоспособность.

Shestakov A.A., Burylov V.S. Problems of formation and functioning of regional markets of industrial products.

The paper explores the problems and specifics of the development of Russia's regional industrial markets in the context of transformations. The adaptation of enterprises is hindered by a complex of interrelated factors, including changes in the foreign economic environment, digital and technological challenges, institutional barriers, and a lack of qualified personnel. The paper highlights the main trends in the development of industrial complexes in the federal districts, analyzes the factors influencing demand and supply, and examines the specific features of state regulation in these markets. The paper demonstrates that the sustainability of regional industrial systems depends on an effective combination of federal policies, local initiatives, and business innovation. The authors conclude that a comprehensive regional industrial development strategy is necessary as a key element of national economic security.

Keywords: industrial products, Russian regions, market, structural changes, state regulation, digitalization, competitiveness.

Ширнова С.А. Трансформация отраслевой структуры рынка труда в условиях цифровой экономики.

В статье представлен анализ рынка труда в сфере ИКТ, выявлены цели и приоритеты кадрового обеспечения цифровой экономики в национальных и региональных стратегических документах, определены особенности формирования рынков труда ИТ-специалистов в условиях цифровой экономики, обоснованы методологические подходы к оценке взаимосвязи цифрового развития и отраслевой структуры занятости.

Ключевые слова: цифровая трансформация экономики, цифровой рынок труда, отраслевая структура занятости, специалисты ИКТ.

Shirnova S.A. Transformation of the sectoral structure of the labor market in the context of the digital economy.

The article presents an analysis of the ICT labor market, identifies the goals and priorities of staffing the digital economy in national and regional strategic documents, defines the features of the formation of IT specialists' labor markets in the digital economy, and substantiates methodological approaches to assessing the relationship between digital development and the sectoral structure of employment.

Keywords: digital transformation of the economy, digital labor market, sectoral structure of employment, ICT specialists.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
<i>Афанасьева Н.В., Киселев Ю.С.</i> ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ	5
<i>Буличников П.А.</i> ДИНАМИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СТРАТЕГИРОВАНИЕМ КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ТЕКТОНИЧЕСКОГО ЦИФРОВОГО СДВИГА	10
<i>Васильев И.Г.</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СУВЕРЕНИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОГО СЕГМЕНТА СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА	23
<i>Гафланов Ч.А., Юшков М.В.</i> РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ	30
<i>Гресь Р.А.</i> НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АРХИТЕКТУРЫ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	35
<i>Гудзь Н.Ю., Бурылов В.С.</i> УПРАВЛЕНИЕ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИЕЙ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)	42
<i>Еникеева Л.А.</i> УПРАВЛЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИЕЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ	47
<i>Минина Т.Р.</i> РОЛЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	53
<i>Нещерет А.К., Чикалов А.В.</i> РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ, ИХ СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И УЧАСТНИКИ	65
<i>Скворцова М.Б.</i> СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СЗФО)	72
<i>Солодилов В.В.</i> РАЗВИТИЕ РАССЕЛЕНИЯ И УРБАНИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЛОМОНОСОВСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	86
<i>Сырнева Е.А.</i> КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НА УРОВНЕ РЕГИОНА	99

Туранова М.В. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВНЕДРЕНИЯ ПРИНЦИПОВ РЕСУРСОЭФФЕКТИВНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ	106
Хильченко П.А. ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАССАЖИРСКИХ ПЕРЕВОЗОК ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ НА АГЛОМЕРАЦИОННЫЕ ЭФФЕКТЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)	113
Шабунина Т.В. УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ СЗФО РФ)	126
Шестакова Н.Н. ПРОДВИЖЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ	134
Шестакова Н.Н., Джанелидзе М.Г., Скворцова М.Б. РОЛЬ И МЕСТО ПОЖИЛЫХ В ОБЩЕСТВЕ: ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕОРИИ СТАРЕНИЯ	142
Шестаков А.А., Бурылов В.С. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ	148
Ширнова С.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ РЫНКА ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	153
Аннотации	171
	174

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ БОЛЬШИХ ВЫЗОВОВ

Сборник научных трудов

Под научной редакцией доктора экономических наук, профессора,
академика РАН *В.В. Окрепилова*,
доктора экономических наук, профессора, член-корреспондента РАО *А.Д. Шматко*

Выпуск 56

Подписано к печати 15.12.2025. Формат 60×84 1/8.
Усл. п. л. 21,9. Тираж 500. Заказ № 52.

Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического центра Санкт-Петербургского государственного
университета промышленных технологий и дизайна,
191028, СПб., Моховая, 26